

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 1/2019

Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»;
ООО «Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

Главный редактор
кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора
кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь журнала
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-70918 от 05.09.2017

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
392000, Россия, Тамбовская область, Тамбов, ул. Советская, д. 106
Тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
392032, Россия, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, корп. Д, Юридический институт,
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

Подписано в печать 14.03.2019. Дата выхода в свет 28.03.2019
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,00.
Цена свободная. Тираж 1000 экз. Заказ 021.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, тел. (4752) 63 03 91, e-mail: vestnik@mail.nnn.tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», 2019
© ООО «Юридический центр «ФОРУМ», 2019

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»; <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государствен- ный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»; <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»; <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Уго- ловное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующая кафедрой «Международное право»; <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Кри- минология»; <i>e-mail: stanislav.kirillov.1995@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Ме- ждународное право»; <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»; <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», проректор по научно- инновационной деятельности; <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета; <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», директор Юридического института; <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>

Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юри- дическая академия», профессор кафедры фи- нансового, банковского и таможенного права; <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный уни- верситет», заведующий кафедрой «Теория госу- дарства и права и политология»; <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный на- циональный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государствоведение»; <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право»; <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профес- сор кафедры «Теория и история права»; <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>
Чернышов Владимир Николаевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru</i>

РУБРИКИ журнала «Право: история и современность»

Теория государства и права

(12.00.01 Теория и история права и государства; история правовых учений)

Уголовное право и криминология

(12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Гражданское и семейное право

(12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; меж-
дународное частное право)

Гражданский и арбитражный процесс

(12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс)

Актуальные проблемы права

Трибуна молодого ученого

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Красильникова Т. К. Правосубъектность государственного промышленного объединения в СССР в 70-80 годы XX века и его корпоративная структура	7
Люлюкин В. В. Трансформация правовой культуры: исторический аспект	14
Шепелёв А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку	21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Курсаев А. В. Норма, предусматривающая ответственность за нарушение правил безопасности горных, строительных или иных работ: технико-юридическая конструкция	28
Федулова И. И. Некоторые проблемы реализации прав человека на этапе возбуждения уголовного дела.....	44

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Богданова О. В. Легальная дефиниция брака в российском законодательстве: актуализация проблемы	48
Валентик М. С., Кулакова А. А. Фактические браки и проблемы их регулирования в российском праве	55
Придворова М. Н., Старчикова Е. А. Обычай в отечественной цивилистике как традиционный источник гражданского права	61

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Вяткина Г. О., Артамонов А. Н. Государственное управление: совершенствование механизмов противодействия коррупции.....	72
Зражевская Т. Д., Колобова Т. В. Содействие института омбудсмена устойчивому развитию регионов (экологический аспект)	79
Кузовлев В. П., Микушов С. В. Институт Уполномоченного по правам человека и пенитенциарная система (на примере Липецкой области)	87
Куркин Б. А. Нигилизм и международное право	94
Марченко А. Н. Право «Semper Reformanda» как необходимое условие устойчивого государства	100
Пеньков В. Ф. Аксиологические аспекты «сильного государства»: политико-правовое и социокультурное измерение	106

Трибуна молодого ученого

Джасем М. А. Д. Жилищный вопрос и градостроительная политика в Российской империи: обусловленность и противоречия	122
---	-----

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

Krasilnikova T. K. Legal Personality of the State Industrial Association in the USSR in the 1970-1980s and Its Corporate Structure	7
Lyulyukin V. V. Transformation of Legal Culture: Historical Aspect	14
Shepelyov A. N. Clarity and Simplicity as Legal Language Requirements ..	21

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Kursaev A. V. Civil Liability for Workplace Safety in Mining, Construction and Other Works: Technological and Legal Structure	28
Fedulova I. I. Some Problems of Human Rights Implementation at the Stage of Excitation of Criminal Case	44

CIVIL AND FAMILY LAW

Bogdanova O. V. Legal Definition of Marriage in Russian Legislation: Actualization of the Problem	48
Valentik M. S., Kulakova A. A. De Facto Marriage and Problems of Its Legal Regulation in the Russian Law	55
Pridvorova M. N., Starchikova E. A. Custom in Domestic Civilism as a Traditional Source of Civil Law	61

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Vyatkina G. O., Artamonov A. N. Improvement of Mechanisms to Counter Corruption in Public Administration	72
Zrazhevskaya T. D., Kolobova T. V. Support of the Ombudsman Institute for Sustainable Development of the Regions (Environmental Aspect) .	79
Kuzovlev V. P., Mikushov S. V. Institute of Commissioner for Human Rights and Penitentiary System (the Example of the Lipetsk Region)...	87
Kurkin B. A. Nihilism and International Law	94
Marchenko A. N. Semper Reformanda Law as a Prerequisite of a Strong State	100
Penkov V. F. Axiological Aspects of a "Strong State": Political, Legal and Sociocultural Dimensions	106

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

Jasim M. A. J. Housing Issue and Urban Development Policy in the Russian Empire: Conditions and Contradictions	122
---	-----

На примере промышленного объединения раскрыт механизм трансформации, имевшей место в СССР, группы административно-организованных предприятий и организаций во главе с органом управления в качественно новое образование – экономически обособленную хозяйственную организацию, обладающую собственными задачами и интересами, а также имущественными и иными возможностями для их достижения.

Данное исследование представляет научный интерес. Если правовой статус производственных объединений в определенной мере был изучен юридической наукой, то промышленное объединение составляет в данном случае исключение: понятие и содержание правосубъектности таких объединений исследованы еще недостаточно и только с позиции советского права.

Ключевые слова: административные правоотношения; гражданские правоотношения; правосубъектность; промышленное объединение; производственное объединение; производственно-хозяйственная деятельность.

Татьяна Константиновна Красильникова, канд. юрид. наук,
доцент, заведующая кафедрой юриспруденции
Волжского филиала ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
университет», Волгоградская область, г. Волжский, Россия;
kun_krasilnikova@mail.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В СССР В 70-80 ГОДЫ XX ВЕКА И ЕГО КОРПОРАТИВНАЯ СТРУКТУРА

Введение. Актуальность темы обусловлена, прежде всего, тем, что одной из задач, стоящих в настоящее время перед юридической наукой, является исследование правового положения, хозяйственных объединений, возникновение которых в промышленности сопутствует объективному процессу концентрации производства. Актуальность проблемы объясняется потребностью иметь четко определенный и легально оформленный объем правосубъектности данного звена в отраслевых промышленных системах.

Методы. Методологической основой данного исследования являются историко-правовой, системно-структурный, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Принятое в СССР 2 марта 1973 г. «Положение о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях» [6] на основе обобщения практики и научных рекомендаций определило основной круг их прав и обязанностей в сфере как производственно-хозяйственной дея-

тельности, так и управления, состава имущества и основных принципов хозяйствования. Вместе с тем вопрос о правосубъектности промышленного объединения не исчерпывался определением объема правомочий, предоставленного законодательством, что было характерно для производственных объединений, выступающих во внутренних и внешних правоотношениях в качестве единых субъектов. При анализе правового статуса промышленного объединения, состоящего из группы предприятий и организаций, каждое из которых экономически и юридически самостоятельны, неизбежно возникал вопрос о том, кто являлся носителем прав – объединение в целом или его управление.

Проблема правосубъектности промышленного объединения относилась к числу дискуссионных в юридической науке. По мнению одной группы авторов, «юридическими лицами признаются и объединенные предприятия, и само объединение» [4, с. 169]. Правосубъектность промышленного объединения признавалась В. Ф. Яковлевой [11, с. 54], Ю. Г. Басиным [1, с. 95] и другими советскими правоведами и экономистами. На указанное обстоятельство в свое время обратил внимание профессор Ю. Г. Басин, подчеркнув, что «промышленное объединение, существующее как промышленная система, и каждое из входящих в его состав предприятий и организаций – это различные коллективы трудящихся с автономными интересами» [1, с. 97–98]. Однако в советской юридической литературе высказывалась и иная точка зрения. Усматривая в объединениях такого типа признаки организационного и производственно-технического единства, ее сторонники ставили под сомнение (или вообще отрицали) возможность существования указанных комплексов как субъектов права. В. А. Рахмилович, например, считал, что объединение в целом не обладает правом оперативного управления выделенным ему имуществом, поскольку это правомочие принадлежит предприятиям и органу управления объединением [7, с. 23]. А. А. Шохин, исходя из хозяйственно-правовой концепции хозоргана, полностью отрицал правосубъектность самого объединения. «Хозяйственная система на данном этапе ее развития, – писал он, – субъектом права не является. В качестве субъекта права выступает аппарат объединения, действующий как хозяйственный орган в различных областях производственно-хозяйственной деятельности» [10, с. 6–7]. Здесь одним из главных аргументов служил вывод об отсутствии у объединения собственных правомочий, поскольку под «объединением» авторами данной конструкции понималась простая совокупность предприятий и организаций, лишь административно связанных с органом управления. На таком ошибочном понимании промышленного объединения строился и анализ права оперативного управления имуществом, и характеристика правоотношений, субъектами которых признавались входящие в объединение предприятия и организации. Основная слабость приведенной точки зрения заключалась в том, что ее авторы не проводили различий между административно организованной системой, с одной стороны, и промышленным объединением, с другой. Планомерно регулирующие связи, свойственные как первым, так и вторым, дополнялись в промышленном объединении сложными экономическими отношениями и интересами, среди которых особое место занимали отношения и интересы ком-

плекса в целом. Промышленное объединение, несмотря на известную обособленность входящих в него предприятий и организаций, обладало всеми необходимыми предпосылками, с помощью которых формировались свойства субъекта права. Прежде всего, к таким предпосылкам следовало отнести организационное единство и целенаправленный характер деятельности. Объединение в целом – это юридически оформленная система, организующая деятельность таким образом, чтобы в производственно-технической и хозяйственной областях обеспечить единство, без которого не могла на тот момент существовать ни одна промышленная ассоциация, возникавшая на основе специализации, кооперирования и комбинирования производства [5, с. 40]. Например, угольный комбинат, если под комбинатом понимать не аппарат управления, а весь комплекс с десятками шахт, обогатительными фабриками, ремонтными заводами, научно-исследовательскими, проектными и другими организациями, представлял собой именно такую систему, призванную обеспечить единство в техническом развитии, планировании, организации и управлении производством.

Имущество промышленного объединения, имея сложную экономическую природу, состояло из фондов и средств:

- а) образуемых при централизации в объединении соответствующих фондов и средств предприятий и организаций, входящих в объединение;
- б) создаваемых за счет прибыли, полученной в результате централизованно осуществляемой производственно-хозяйственной деятельности;
- в) формируемых за счет фондов министерства.

Указанное имущество принадлежало собственно объединению, которое владело, пользовалось и распоряжалось им непосредственно, на основе всего комплекса гражданских и иных правомочий. В отличие от имущественных прав собственника, право оперативного управления фондами и средствами осуществлялось объединением в соответствии с целями деятельности и плановыми заданиями. На объем и содержание имущественных прав, так же как на формирование специальной правосубъектности, непосредственное влияние оказывали планово-административные акты системы, в состав которой входили объединения. Причем, если субъект права собственности, осуществляя правомочия распоряжения, совершал в гражданско-правовой форме волевые действия, направленные на переход собственности, то аналогичное правомочие при оперативном управлении имуществом укладывалось не только в рамки гражданского права; это достигалось путем реализации административной (в процессе передачи или перераспределения имущества), трудовой (при материальном поощрении), финансовой (при платежах в бюджет) правосубъектности.

Наличие у объединения собственного имущества являлось важнейшей предпосылкой организации его деятельности на основе хозрасчета, содержание которого согласно п. 2 Общего положения о промышленных объединениях состояло:

- 1) из полного возмещения затрат на производство продукции, включая затраты на проектные, конструкторские и научно-исследовательские работы, и содержание аппарата управления;
- 2) получения прибыли, необходимой для расчетов с бюджетом и банками, развития объединения, образования фондов.

В Общем положении о промышленных объединениях (п. 2) подчеркивалось, что деятельность объединения «строится на основе сочетания интересов народного хозяйства, объединения и входящих в его состав предприятий и организаций при правильном сочетании централизованного планового руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой объединения, предприятий и организаций» [6].

Общее положение о промышленных объединениях в вопросе о правосубъектности такого комплекса исходило из признания субъектом права объединения в целом. Такой вывод вытекал из понятия промышленного объединения, содержания ряда его прав и обязанностей. В частности, было предусмотрено, что объединение получало плановые задания от вышестоящей организации (п. 41), разрабатывало научно-технические прогнозы, осуществляло научные исследования, комплексное решение научно-технических задач (пп. 49, 50), давало оценку качества выпускаемой продукции (п. 53), обеспечивало развитие работ по изобретательству и рационализации (п. 57), централизовало научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические разработки (п. 59), осуществляло капитальное строительство (п. 61), централизовало работы по материально-техническому снабжению, счетно-финансовым операциям и расчетам (пп. 79, 99) и т. д. Очевидно, что указанная деятельность осуществлялась как в административно-правовых, так и гражданско-правовых формах.

Однако если возможность участия в административных отношениях была прямо предусмотрена в Общем положении о промышленных объединениях, то о гражданской правосубъектности объединения можно было лишь догадываться по смыслу отдельных норм. К такому выводу приводил анализ пп. 2; 29; 63, в которых раскрывалось содержание хозяйственной деятельности и правовой режим имущества объединения, и ряда других. Например, согласно п. 63, объединение могло осуществлять строительство жилых домов и других объектов совместно с другими предприятиями и организациями, то есть выполнять хозяйственную деятельность, которая облекалась в гражданско-правовую форму хозяйственного договора.

Определенный интерес представляет вопрос о влиянии централизации функций на правосубъектность входящих в объединение предприятий и организаций, поскольку указанный процесс влечет за собой централизованное осуществление соответствующих правомочий. Например, сосредоточение в рамках объединения деятельности по снабжению и сбыту, перевозкам, капитальному строительству и другим видам деятельности практически вело к тому, что права в этих сферах предприятиями полностью или частично не реализовывались. В данном случае наблюдалось определенное перемещение прав – явление, обратное тому, что имело место при делегировании. Если при делегировании вышестоящая организация передавала принадлежащее ей конкретное правомочие субъекту, входящему в ее систему, то в условиях централизации отдельные права предприятий перемещались в обратном направлении. Характерным как для первого, так и второго случая являлось то, что и делегирование, и централизация не лишали субъекта принадлежащих ему отдельных правомочий, но прекращали их использование.

Обсуждение. В советской юридической литературе имели место различные точки зрения о юридической природе процесса централизации функций и прав. Например, профессор З. М. Заменгоф считал, что централизация функций не должна отражаться на характере правосубъектности [2, с. 5]. Профессор Ю. Г. Басин, напротив, усматривал такую зависимость и считал, что объем прав предприятия следовало определять по-разному в зависимости от того, входило ли оно или нет в состав объединения, связывая это со степенью и характером сосредоточения определенной деятельности на уровне системы [1, с. 96].

Очевидно, что централизацию прав в данном случае следовало бы рассматривать в качестве способа реализации предоставленных предприятию правомочий. Возможно было бы допустить, что лишение предприятий частично способности реализовать предоставленные им права в условиях централизованного выполнения ряда функций в объединении привело бы к сокращению объема правосубъектности предприятий. При таком положении предприятие, не теряя предоставленных законодательством правомочий, переставало ими пользоваться и тем самым не могло в определенной сфере приобретать гражданские права и исполнять гражданские обязанности. Вместе с тем такого рода частичные изменения в деятельности предприятий и ограничения их способности пользоваться конкретными правами (например, осуществлять по договорам поставки сбыт выпускаемой продукции или заключать договоры с научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями в связи с централизованным выполнением указанных функций в объединении) не влекло для них утраты качеств юридического лица, не влияло на возможность участвовать в гражданских правоотношениях в иной области хозяйствования.

Факт правосубъектности объединения в целом, а не органа управления, наиболее очевиден был при анализе правового положения объединения смешанного типа, обладающего признаками и промышленных, и производственных объединений. В состав таких комплексов наряду с самостоятельными предприятиями и организациями входили также производственные единицы.

Заключение. На основании вышеизложенного можно заключить, что объем и содержание прав объединения такого типа не характеризовался какими-то особыми чертами, а носил смешанный характер, включая ряд правомочий промышленного и производственного объединений. В одном случае объединения, в составе которых предприятия были лишены самостоятельности в сфере производства и являлись производственными единицами, относились к категории производственных и имели соответствующий правовой статус, несмотря на то что в их состав могли входить ряд самостоятельных обслуживающих предприятий и организаций; в другом случае, – где предприятия и организации основного производства сохраняли свою самостоятельность, их следовало классифицировать как промышленные со свойственной им правосубъектностью, независимо от того, что они могли включать отдельные производственные единицы, выделенные на отдельный баланс. Ни промышленное, ни производственное

объединения смешанного типа не должны были иметь, в своем составе: 1) производственных единиц; 2) самостоятельных предприятий, поскольку это противоречило основным организационно-правовым принципам их деятельности, закрепленным в положениях о них.

Характерным для правового положения и производственного, и промышленного объединений смешанного типа являлось то, что они выступали в качестве единых субъектов права.

Список литературы

1. **Басин Ю. Г.** Юридические формы хозрасчета системы объединения // Советское государство и право. 1972. № 3. С. 94 – 99.
2. **Заменгоф З.** Правовое положение объединений в промышленности // Советская юстиция. 1971. № 11. С. 5 – 11.
3. **Иванова Ю. А.** Формирование производственных комплексов в СССР как индустриальной формы хозяйствования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Волгоград, 2008. 23 с.
4. **Иоффе О. С.** Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. 494 с.
5. **Красильникова Т. К.** Корпорация как модель самоорганизации общества: отечественный и зарубежный опыт // Юрист. 2016. № 9. С. 39 – 41.
6. **Положение** о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях: постановление Совета Министров СССР // СП СССР. 1973. № 7.
7. **Рахмилович В. А.** Хозрасчет в промышленных объединениях // Советское государство и право. 1973. № 8. С. 21 – 27.
8. **Романовская О. В.** Правовой статус государственной корпорации «Росатом» // Гражданское право. 2015. № 3. С. 31 – 42.
9. **Сергеев В. В.** О юридических лицах публичного права // Банковское право. 2013. № 2. С. 7 – 13.
10. **Шохин А. А.** Правовое положение промышленных объединений в СССР: автореф. дис. ... канд. экон. наук: (719). М., 1970. 26 с.
11. **Яковлева В. Ф.** Гражданско-правовые вопросы специализации промышленности в СССР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 64 с.

References

1. **Basin Yu.G.** [Legal forms of cost accounting system of association], *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1972, no. 3, pp. 94-99. (In Russ.)
2. **Zamengof Z.** [Legal status of associations in indu], *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet justice], 1971, no. 11, pp. 5-11. (In Russ.)
3. **Ivanova Yu.A.** *Extended abstract of candidate's of economics thesis*, Volgograd, 2008, 23 p. (In Russ.)
4. **Ioffe O.S.** *Sovetskoye grazhdanskoye pravo* [Soviet civil law], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1967, 494 p. (In Russ.)
5. **Krasil'nikova T.K.** [Corporation as a model of self-organization of society: domestic and foreign experience], *Yurist* [Lawyer], 2016, no. 9, pp. 39-41. (In Russ.)
6. **Regulations** on the All-Union and Republican Industrial Associations: Decree of the Council of Ministers of the USSR, *SP SSSR* [SP of the USSR], 1973, no. 7. (In Russ.)
7. **Rakhmilovich V.A.** [Self-Estimation in Industrial Associations], *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1973, no. 8, pp. 21-27. (In Russ.)

8. **Romanovskaya O.V.** [Legal status of the state corporation “Rosatom”], *Grazhdanskoye pravo* [Civil Law], 2015, no. 3, pp. 31-42. (In Russ.)
9. **Sergeyev V.V.** [About legal entities of public law], *Bankovskoye pravo* [Banking law], 2013, no. 2, pp. 7-13. (In Russ.)
10. **Shokhin A.A.** *Extended abstract of candidate's of economics thesis*, Moscow, 1970, 26 p. (In Russ.)
11. **Yakovleva V.F.** *Grazhdansko-pravovyye voprosy spetsializatsii promyshlennosti v SSSR* [Civil issues of industrial specialization in the USSR], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1968, 64 p. (In Russ.)

Legal Personality of the State Industrial Association in the USSR in the 1970-1980s and Its Corporate Structure

T. K. Krasilnikova, PhD in Law, Associate Professor,
Head of Department of Jurisprudence, Volga Branch
of Volgograd State University, Volgograd Region, Volzhsky, Russia;
kun_krasilnikova@mail.ru

The article gives the example of converting industrial state-owned enterprises into economically independent companies with their own management bodies, individual goals and objectives and opportunities to achieve them in the Soviet Union.

This study is of scientific interest due to insufficient understanding of the legal status of industrial associations. Unlike production associations, the essence and content of the legal identity of such associations have been poorly studied, and, unfortunately, only from the standpoint of the Soviet legislation.

Keywords: administrative legal relations; civil legal relations; legal identity; industrial association; production association; industrial and economic activity.

© Т. К. Красильникова, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Красильникова Т. К. Правосубъектность государственного промышленного объединения в СССР в 70-80 годы XX века и его корпоративная структура // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 7 – 13. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.007-013

Актуальность вопроса трансформации правовой культуры обусловлена историческими предпосылками формирования единого культурно-правового пространства, переосмыслением правосознания общества. В силу указанных предпосылок значимы особенности правовой аккультуризации посредством имплементации правовых основ, квалификации правовой имплементации и правовой экспансии с учетом сложившихся традиций и культур.

Анализ научных подходов ученых-историков, правоведов посредством исторического, формально-логического методов и сравнительного анализа позволяет установить взаимосвязь духовно-культурологических критериев правовой культуры с позиции историко-цивилизационных предпосылок. На основе классификации правовых культур выделены духовные и культурно-логические критерии исторической самоидентификации. Обоснована правовая имплементация как диалог культур, мировоззрений на основе исторической преемственности и развития основ естественного права в формировании единого культурно-правового пространства. При этом позитивизм выступает эффективным инструментом закрепления норм, тем самым создается попытка ухода от понимания позитивизма как цели формирования правосознания и правовой культуры в современном обществе.

Ключевые слова: правовая культура; правовая имплементация; историко-цивилизационные предпосылки правосознания; естественное право и позитивизм, историческая самоидентификация.

Валерий Валентинович Люлюкин, канд. ист. наук,
доцент кафедры «Отечественная история»,
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Псков, Россия;
jurist-i@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Введение. Актуализация вопроса трансформации правовой культуры обусловлена историческими предпосылками, взаимовлиянием культур, аккультуризацией и правовой имплементацией, правосознанием социума, квалификацией правовой экспансии в условиях единого культурно-правового пространства.

Трансформация правовой культуры сопряжено с историко-цивилизационными предпосылками, а именно: цивилизационным мировоззрением, эволюцией культурно-исторических условий, религиозными традициями общества, преобладанием позитивистских концепций правосознания.

Ученые выделяют основные критерии классификации правовых культур. Рене Давид предлагает философскую идеологию мировоззренческих основ как фундаментальный критерий. Давид Кларк, Джон Генри Мерриман указывают на правовые традиции, основанные на философско-мировоззренческих, религиозных и национальных категориях, чье мнение коррелирует с позицией Р. Давида [3, с. 45].

Ученые-мыслители Конрад Цвайгерт и Хайн Кётц отмечают исторические предпосылки, которые раскрывают признаки и свойства правовых систем [10, с. 34–35] как объективные критерии трансформации правовой культуры.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс [5, с. 47], А. Х. Саидов подразделяли типы правовых культур на социалистическое и буржуазное. Ученые экстраполируют с позиции цивилизационного подхода формаций с разделением на социальные категории общества.

Очевидно, что концепция формирования правовой культуры общества обусловлена константами цивилизационного (духовно-культурологического) подхода (И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев, И. Л. Солоневич, В. В. Сорокин, А. М. Величко, О. И. Цыбулевская, В. Н. Синюков). Например, А. И. Овчинников определяет правовое мышление как «феномен сферы духовного мира человека». Д. В. Зыков отмечает: правовое мышление «может и должно быть объективным, формальным и догматичным, поддерживающим общественное сознание и поведение на сравнительно высоком культурном уровне общежития» [4, с. 279].

В свою очередь, философская идеология, традиции коррелируют с естеством прав человека, где позитивизм служит инструментом признания естественного права. Однако правоведы [6, с. 8] отмечают противоположную тенденцию «правового нигилизма» [4, с. 280], где позитивизм в кодификации норм выступает целью формирования правовой культуры, разрушая сущность правосознания.

Методы. В статье посредством сравнительного анализа выявлены признаки правовой аккультуризации, где исторической формой служит правовая имплементация. Путем формально-логического метода уточнено понимание явления трансформации правовой культуры посредством выявления культурно-исторических предпосылок как исторической хронологии правовой имплементации.

Установлением диалектической взаимосвязи правовой имплементации и исторической самоидентификации выделены принципы и признаки диалога правовых культур формирования единого культурно-правового пространства.

По мнению Л. В. Сокольской исторической формой выступает правовая экспансия. Однако очевидны негативные признаки экспансии и ее аналогов (политической, регулятивной, принудительной рецепцией), именно субъективной интерпретации экспансии как унификации норм правовой культуры в формировании единого пространства, в том числе в сохранности исторической самоидентификации. Поэтому обоснованность применения правовой имплементации выражена как диалог культур, мировоззрений на основе исторической преемственности и развития основ естественного права в формировании единого культурно-правового пространства.

Результаты. Установлено, что правовая аккультуризация осуществляется посредством позитивистских подходов формирования правовой культуры как основного инструмента, порой имеющего внешние признаки единого правового пространства на примере имплементации основ мусульманской правовой культуры посредством западной.

Однако основной формой выступает правовая имплементация основ правовых культур как сущностное проявление диалога культур и исторической самоидентификации с учетом объективности культурно-исторических предпосылок, тем самым позволяет раскрыть явление трансформации правовой культуры. Здесь, несмотря на внешнюю имплементацию правовых основ, исламская правовая культура, где догматом выступает религия, обеспечивает сохранность исторической самоидентификации.

Обсуждение. Такие ученые, как А. Е. Абрамов, А. Г. Гузнов, И. А. Кузьмин, В. Л. Перунова, С. А. Софронова, Е. А. Тверякова, В. И. Фатхи занимались вопросами понимания аккультуризации. На основе анализа интерпретации определена *аккультуризация* как исторический процесс межкультурного взаимодействия в ценностном и традиционном пространствах различных исторических социумов и исторических условий, где результатом выступает единое культурно-правовое пространство [9, с. 1587].

Отметим свойства позитивного подхода трансформации правовой культуры. По мнению историка А. В. Скоробогатова [7] имеет место правовая аккультуризация со свойственностью признания институтов демократии, свободы, прав и интересов человека, граждан, тем самым юридически закрепляя нормы гражданского общества как основополагающие правовую культуру. Инструментом правовой аккультуризации служат позитивное право и его социальный эффект (ст. 7 Конституции РФ). При этом, по мнению автора, для России правовой формой в переходный период служит далеко не имплементация, а скорее частичная правовая экспансия в целях навязывания и интеграции в мировое правовое пространство. В целом, имплементация норм служит исторической формой проявления позитивизма как инструмента трансформации правовой культуры.

Л. В. Сокольская [8, с. 1334] выделяет исторические формы правовой аккультуризации, такие как имплементация, экспансия, рецепция. Наряду с существенным влиянием правящей элиты государства, политической природы (на примере византийского права в принятии христианства), свойственными принципами добровольности принятия и закрепления основ правовой культуры (Г. И. Муромцев, В. А. Томисин, Г. М. Азнагулова, О. В. Мартышин, С. А. Сафронова, В. В. Мантуров) выделим *культурно-исторические предпосылки* имплементации, а именно:

- правовое осознание исторических изменений и необходимость модифицировать системы правовой культуры;
- исторические стадии (потребности, адаптация, усвоение, результат);
- культурно-правовую преемственность (Н. Неновски, Г. В. Мальцев) как один из признаков совершенствования правовой культуры общества;
- механизм взаимовлияния, эволюции, гармонизации норм правовой культуры.

Результат имплементации норм правовой культуры – принятие Всеобщей декларации о культурном разнообразии межкультурного диалога в качестве наилучшей гарантии мира. В декларации говорится, что «защита культурного разнообразия является этическим императивом, неотделимым от уважения достоинства человеческой личности» [1].

Таким образом, на основе вышеизложенного уточним, что *трансформация правовой культуры* – динамичное явление формирования правосознания социума посредством закрепления норм правовой системы в результате реакции на изменение исторических, социально-экономических условий в формировании единого культурного пространства.

Свойственным принципом имплементации (М. А. Пшеничнов, В. А. Лютяев, Ю. Н. Фольгерова) служит осознанно-добровольное заимствование, проникновение, дополнение и изменение отдельных основ правовой культуры, что обуславливает диалог и совершенствование правовых культур.

Очевидно, что основными признаками трансформации правовой культуры выступает императив социального результата мировоззрения, выраженного ценностными ориентациями, преемственностью традиций и культур. По существу, результатом исторической формы имплементации выступает *историческая самоидентификация* в совершенствовании правовой культуры.

Однако основной угрозой исторической самоидентификации является правовая экспансия. Возникает проблема подмены имплементации, наступает дисбаланс правового диалога культур правосознания социумов путем правовой экспансии. Например, в 1990-х гг. в России активно применялась идеология «передового западного правового опыта» в силу преодоления «догоняющего характера экономического развития» [7, с. 79]. По существу, подмена осуществлена посредством применения политехнологий как чуждого инструмента воздействия на правовую культуру.

Одним из признаков правовой экспансии выступает правовая унификация норм в рамках формирования единого правового пространства, например, вступления России в мировые интеграции (ВТО, МВФ и т.д.) в ратификации международных норм в национальной правовой системе. А. В. Скоробогатов определяет: «Правовая экспансия – это насильственное навязывание культурно чуждых правовых ценностей» [7].

А. Е. Абрамов устанавливает переход правовой экспансии к принудительной рецепции. Присутствует угроза исторического процесса в переходе от имплементации культурно-правовых основ к рецепции (заимствование и модификация норм) и завершение применения правовой экспансии в силу попытки доминирования, обусловленного изменением социально-экономических условий (преимущества ресурсного потенциала, процессов транснационализации сегментов мирового рынка, попытки мирового господства), что подрывает национально-правовой суверенитет и историческую самоидентификацию. Очевидным примером исторического процесса правовой экспансии является правовая ассимиляция стран-колоний метрополиями (навязывание англосаксонской правовой культуры странам-колониям).

В. Н. Карташев выделяет эффективность правовой экспансии, которая очевидна, по нашему мнению, выражена такими геоэкономическими показателями, как концентрация мирового рынка, достижение ресурсного потенциала, уровень мировой демографии, где мировоззренческие критерии сведены к меркантилизму и абсолютизации правового позитивизма. Следовательно, на современном этапе формирования единого культурно-правового пространства присутствует политико-экономическая экспансия

как одно из распространенных и негативных проявлений правовой экспансии, основанной на политической идеологии (например, либерализм, демократия, марксизм). На сегодня трансформация правовой культуры российского общества подвержена «вестернизации» под видом соблюдения международных норм, формирования единого правового пространства, в том числе по причине непрекращающихся переходных социально-экономических процессов и кризисов общества.

Т. А. Романова выделяет регулятивную экспансию как основной инструментарий (кодификацию норм) принудительной рецепции в качестве аналога правовой экспансии на примере создания международных интеграций и союзов (ЕС, НАФТА, АСЕАН, ЕАЭС) и предлагает ее упреждать в интересах правовой самоидентификации общества.

В качестве примера о сохранности констант мировоззренческой религиозной идеологии формирования правового мышления отметим особенности мусульманской правовой культуры, распространения шариата на завоеванных Арабским халифатом территориях.

В составе мусульманской правовой культуры присутствуют свойственные черты [2, с. 50] правовой системы (VII – X вв. в Арабском халифате), такие как архаичность, казуистичность, внешний позитивизм кодифицированных религиозных постулатов. Религиозные свойства правовой культуры подверглись изменению посредством имплементации лишь внешне, кодификацией фикха, в остальном наблюдается правовая экспансия.

В итоге, особенность правовой экспансии выражена заимствованием норм исламской правовой культуры из норм европейского позитивизма, где толкование и применение фикха зависят от принятого закона представителями власти (Положения ст. 1801 Маджаллы). При этом происходит сочетание внешней имплементации и правовой экспансии в силу доминирования правящей элиты общества и объективной реакции на исторические процессы изменения ценностей и традиций общества западной правовой культуры.

Наряду с социальным результатом трансформации правовой культуры в условиях единого культурного правового пространства, на наш взгляд, является развитое гражданское общество, выраженное его институтами, обеспечивающее объективное (духовно-культурологическое) правосознание в сохранности исторической самоидентификации.

Объективной формулой правовой культуры является императив правовой имплементации как правового диалога культур и историческая самоидентификация в сохранности ценностных мировоззрений и преемственности традиций.

Заключение. Сформулируем вывод о том, что взаимосвязь таких критериев правовой культуры, как уровень качества культуры и мировоззрения социума, осознанно-добровольная гражданская позиция, ценностные основы и культурно-религиозные традиции, – обеспечивает историческую самоидентификацию в условиях единого культурного правового пространства.

Трансформация правовой культуры в обеспечении исторической самоидентификации социума заключается во взаимосвязи правовой культуры и историко-цивилизационных предпосылок, тем самым переосмысли-

вая социальную значимость правовой аккультуризации в условиях дуализма естественного права и позитивизма.

Значимость полученных выводов и положений выражена в формировании объективного правосознания, правопонимания и применения духовно-культурологических основ правовой культуры социума в преодолении позитивизма и применении последнего как эффективного инструмента нормотворчества и правового регулирования.

Список литературы

1. **Всеобщая** декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 02.12.2018).
2. **Гасанов Г. И.** Основные правовые семьи народов мира // Системные технологии. 2014. № 1 (10). С. 48 – 52.
3. **Давид Р.** Основные правовые системы современности / Пер. с фр. д-ра юрид. наук проф. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 279 с.
4. **Зыков Д. В.** Некоторые вопросы теории юридического мышления // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 274 – 280.
5. **Маркс К., Энгельс Ф.** Полное собрание сочинений. Сочинения. Т. 22. Изд. второе. М.: Изд-во полит. литературы, 1955 – 1974 гг.
6. **Мелкевик Б.** Юридическая эпистемология и «уже – право» // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 6 – 49.
7. **Скоробогатов А. В.** Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1 (45). С. 77 – 88. doi: 10.21202/1993-047X.12.2018.1.77-88
8. **Сокольская Л. В.** Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1333 – 1339.
9. **Сокольская Л. В.** Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1581 – 1589.
10. **Цвайгерт К., Кёту Х.** Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Основы: пер. с нем. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. 480 с.

References

1. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (accessed 02 December 2018).
2. **Gasanov G.I.** [Basic legal families of the peoples of the world], *Sistemnyye tekhnologii* [System technologies], 2014, no. 1 (10), pp. 48-52. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **David R.** *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [Basic legal systems of modernity], Moscow: Progress, 1988, 279 p. (In Russ.)
4. **Zykov D.V.** [Some questions of the theory of legal thinking], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 5: Jurisprudence], 2012, no. 2 (17), pp. 274-280. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Marks K., Engel's F.** *Polnoye sobraniye sochineniy. Sochineniya* [Complete Works. Writings], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955-1974, vol. 22. (In Russ.)

6. **Melkevik B.** [Legal epistemology and “already - the right”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 2015, no. 4 (321), pp. 6-49. (In Russ., abstract in Eng.)

7. **Skorobogatov A.V.** [Legal borrowing as a means of improving the national legal system], *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of the economy and rights], 2018, vol. 12, no. 1 (45), pp. 77-88, doi: 10.21202/1993-047X.12.2018.1.77-88 (In Russ., abstract in Eng.)

8. **Sokol'skaya L.V.** [Legal Expansion as a Historic Form of Legal Acculturation], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2014, no. 7 (44), pp. 1333-1339. (In Russ., abstract in Eng.)

9. **Sokol'skaya L.V.** [Reception as a historical form of legal acculturation], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2014, no. 8 (45), pp. 1581-1589. (In Russ., abstract in Eng.)

10. **Tsvaygert K., Ketts Kh.** *Vvedeniye v sravnitel'noye pravovedeniye v sfere chastnogo prava. Osnovy* [Introduction to comparative law in the field of private law. The basics], Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995, vol. 1, 480 p. (In Russ.)

Transformation of Legal Culture: Historical Aspect

V. V. Lyulyukin, PhD in History,
Associate Professor, Department of National History,
Pskov State University, Pskov, Russia;
kafotist@pskgu.ru

The relevance of the issue of the transformation of legal culture stems from the historical prerequisites for the formation of a common cultural and legal space, rethinking legal consciousness of society. The prerequisites for meaningful legal acculturation features through the implementation of a legal framework of qualifications and legal expansion, taking into account traditions and cultures.

The analysis of scientific approaches made by historians and lawyers through historical, formal logical methods and comparative analysis allows linking spiritual and cultural criteria of legal culture from historical and civilization perspectives. On the basis of a classification of legal cultures, spiritual and cultural-logical criteria of historical self-identification are highlighted. Legal implementation as a dialogue of cultures, ideologies on the basis of historical continuity and development foundations of natural law in the formation of a common cultural and legal space is justified. Positivism stands an effective instrument for consolidating norms, thereby attempting to evade understanding positivism as a aims in shaping legal awareness and legal culture in modern society.

Keywords: legal culture; legal implementation; historical and civilization background awareness; natural law and positivism, historical self-identification.

© В. В. Люлюкин, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Люлюкин В. В. Трансформация правовой культуры: исторический аспект // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 14 – 20. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.014-020

Рассмотрены особенности использования юридического языка с позиции его ясности и простоты. Любая задача, выполняемая юристом, подразумевает использование языка. Выступает ли он в суде, составляет ли документы, дает ли письменные или устные рекомендации – юрист всегда должен уметь эффективно оформлять свои мысли в слова. При этом основное требование к самим юристам – использование доступного для понимания языка. Отмечено, что исследование юридического языка – явление не новое. Во многих развитых странах проблемами юридического языка занимаются давно и небезуспешно. Приведены различные примеры анализа юридического языка в разных странах. Отмечено, что в России исследования по проблемам юридического языка носят в своей основе теоретический и бессистемный характер и в большей мере посвящены языку нормативно-правовых актов. Вместе с тем общее направление движения в пользу использования ясного и простого языка вносят изменения в саму юридическую профессию и юридический язык. Роль и задачи научного сообщества каждого государства заключаются в улучшении качества юридического языка, что неизменно приведет к качественным изменениям не только правовых текстов, но и всей общественной жизни.

Ключевые слова: юридический язык; правовой документ; ясность; простота; юрист; право; договор.

Артур Николаевич Шепелёв, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов, Россия;
arturtmb@mail.ru

ЯСНОСТЬ И ПРОСТОТА – ТРЕБОВАНИЕ К ЮРИДИЧЕСКОМУ ЯЗЫКУ

Введение. Одной из особенностей в профессиональной деятельности юриста является то обстоятельство, что, с одной стороны, юристы – одни из самых красноречивых пользователей языка, с другой, – именно они авторы самых непостижимых и туманных правовых документов. Почему же юристы, умеющие так убедительно и выразительно говорить, например, на судебном заседании, кажется, не способны сочинить ни одного доступного для понимания предложения в правовом документе?

Некоторые полагают, что работа юриста заключается в том, чтобы выучить максимальное число многосложных слов, предпочтительно из иностранной правовой терминологии, с тем, чтобы речь его была абсолютно неясной. Следовательно, чем сложнее его понять, тем лучшим юристом он кажется. Это далеко не правда. Хороший юрист выражается всегда ясно, просто и кратко.

Любая задача, выполняемая юристом, подразумевает использование языка. Выступает ли он в суде, составляет ли документы, дает ли пись-

менные или устные рекомендации – юрист всегда должен уметь эффективно оформлять свои мысли в слова. Лучшей подготовкой к изучению права является умение излагать мысли быстро и ясно. Студент, который приступает к изучению права, уже обладая способностью быстро и четко выражать на бумаге свои идеи, имеет большое преимущество перед другими.

Методологическую и теоретическую основу работы составили исторический, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и другие методы познания. Указанные методы позволили провести комплексную оценку проблемы достижения простоты и ясности в юридическом языке.

Результаты и обсуждение. Общеизвестным стало изречение Джорджа Бернарда Шоу о том, что все профессии представляют собой тайный сговор против непрофессионалов. Нет сомнений, что профессия юриста заработала свою репутацию благодаря неразборчивости выражаемых идей. Все поколения юристов на протяжении многих веков отказывались разрешать своим клиентам просто что-либо сделать, если это можно было оформить юридически.

Как бы то ни было, одним из основных требований к самим юристам в наши дни становится использование ясного и простого языка.

Юрист в своей профессиональной деятельности выражается на юридическом языке, который возник как функциональная трансформация нормативных высказываний доправового социального регулирования и представляет собой социально исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений. При этом используемый юридический язык должен быть доступным для понимания. Под ясным и простым юридическим языком чаще всего понимается современный, стандартный, доступный для понимания и богатый идиомами язык. Хотя для некоторых, «ясный и простой юридический язык» означает язык, упрощенный до абсурда. Но это результат непонимания истинной природы юридического языка, по крайней мере того, которым пользуются наиболее искусные сторонники данного стиля. В руках профессионалов юридический язык включает в себя технические приемы лучших писателей и служит созданию правового текста, несущего в себе прямое и эффективное обращение к предназначенной аудитории.

Чтобы понять суть «ясного и простого юридического языка», его следует сравнить с «традиционным». Как правило, правовой текст, написанный традиционным языком, демонстрирует две основные особенности – многословность и чрезмерную детализацию. Так, большинство договоров перенасыщены устаревшими словами и фразами, они отличаются нелогичным порядком слов, сложными грамматическими структурами и мучительно длинными предложениями.

Рассмотрим пример из договора об аренде здания, составленный традиционным языком. По мнению некоторых специалистов, именно эти договоры содержат все то плохое, что есть в традиционном юридическом языке. Предположим, ваша цель – включить в договор пункт об обязанно-

сти арендатора отремонтировать арендуемое здание. Вы можете написать: «Арендатор должен производить текущий ремонт здания». С юридической точки зрения этого достаточно. Определение понятия «здание» будет непременно содержаться в одной из частей договора. Нет необходимости перечислять различные составляющие здания, потому что используемое понятие «здание» будет включать все части здания. Также нет необходимости уточнять понятие «текущий ремонт», так как это обычное словосочетание, неоднократно описанное в специальной литературе. Однако сравним предложение «Арендатор должен производить текущий ремонт здания» с тем, что мы находим в одном договоре: «Арендатор должен тогда, там и так часто, как того требуют обстоятельства, хорошо и полностью ... производить ремонт, обновлять, восстанавливать, сохранять, поддерживать, обслуживать, содержать в исправности, прочищать, промывать, очищать, застеклять, устранять неисправности и содержать здание и каждую его часть ... и все полы, стены, колонны, крышу, тенты, лифты и эскалаторы ... шахты, лестницы, канализацию, коллекторы, кабельные каналы связи, дымоход, водопроводные трубы, провода, кабели, водосточные желоба и другие трубы, резервуары, цистерны, насосы и другие водяные и санитарные аппараты в должном состоянии с осуществлением всех необходимых улучшений...».

Это пример многословности, которая усложняет восприятие смысла, утяжеляя грамматическую структуру предложения в гораздо большей степени, чем это необходимо. Возможно, многословность была продиктована желанием сторон договора быть юридически точным. Если так, то им это не удалось, потому что содержание именно этого пункта договора может стать впоследствии предметом судебного разбирательства. Данный пример демонстрирует одно из ярких заблуждений сторонников традиционного юридического языка, утверждающих, что сложный, а порой запутанный, традиционный стиль точнее современного юридического языка.

Можно сказать, что юристы не пишут на простом языке. Они используют восемь слов, чтобы сказать то, что можно выразить двумя. Они используют загадочные фразы, когда говорят банальности. Стараются быть точными, но становятся многословными. Стараются быть осторожными, но становятся говорливыми. Их предложения запутаны, фразы вплетены в придаточные предложения, которые включены в другие придаточные предложения, отчего взгляды читателей тускнеют, а умы цепенеют. В результате получается стиль, который обладает очевидными характеристиками: он многословен, неясен, напыщен и скучен.

Исследование юридического языка – явление не новое. Во многих развитых странах проблемами юридического языка занимаются давно и небезуспешно – в отличие от России, где этим стали заниматься сравнительно недавно. Общеизвестными являются следующие факты: в конце XVI века английский судья решил продемонстрировать свое отношение к особенно многословному документу, состоящему из ста двадцати страниц и подшитому к одному из дел в его суде. Сначала судья приказал вырезать дыру насквозь в центре документа. Затем заставил человека, написавшего документ, протиснуть свою голову в эту дыру, и несчастного водили по всему зданию суда, чтобы его видели все посетители; Томас

Джефферсон жаловался, что в процессе написания законов его коллеги юристы «использовали то и дело слова “сказанный” и “вышесказанный” и повторяли одно и то же по два-три раза так, что никто, кроме юристов, не мог распутать этот стиль и выяснить, что все это значит».

Некоторые судьи туманно излагают свои мысли, лучшие же говорят и пишут ясно и просто. Общепризнанным как стиль простоты юридического языка является стиль изложения Лорда Деннинга, одного из наиболее выдающихся судей, отличающийся сжатостью и доступностью. Например, одно из его заключений выглядит так: «это произошло 19 апреля 1964 года. В Кенте было время колокольчиков». Или, например, другое: «Бродчок – одна из наиболее приятных деревушек в Англии. Старик Герберт Банди, ответчик, был там фермером». Сравним это с более привычным типом судебных документов: «При таких обстоятельствах следует признать, что вывод суда о правомерном использовании обществом льгот по налогу на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы, а также по целевому сбору на содержание милиции сделан по неполно выясненным обстоятельствам дела, не соответствует этим обстоятельствам, в связи с чем принятое решение недостаточно обосновано, а дело в указанной части подлежит передаче на новое рассмотрение в суд первой инстанции». Можно сказать, что стиль Лорда Деннинга возможно менее информативен, но приятен для специалистов, привыкших к скучному стилю юридических документов.

В средневековой Англии, когда французский был языком аристократии, он также служил языком судопроизводства. Форма же французского, часто называемая «правовой французский», оставалась языком юридических документов вплоть до XVII века. Выходит, Англия лишь несколько столетий назад избавилась от доминирования французского языка в сфере юридического языка. Правовой французский в наиболее поздний период представлял собой странное смешение французского, латинского и английского языков, и документы, составленные на нем, современному читателю кажутся весьма странными. Некоторые французские фразы используются в современном английском юридическом языке. Произношение часто отличается от современного французского, однако это не всегда результат незнания юристов. Во многих случаях здесь сохраняется норманнское произношение, которого уже нет в современном французском языке.

Большинство латинских фраз вошло в употребление в английский язык права в XIX веке, как результат возросшего в тот период интереса к римскому праву и повсеместного знания латинского среди судей и юристов. Латинские слова произносятся юристами так, как если бы они были английскими, что отличается от вариантов, распространенных среди филологов-классиков. Например, юристы сохраняют более древнюю английскую версию слова «Цезарь» (“Caesar”), которая вошла в употребление задолго до того, как филологи предложили вариант «Кесарь» (“Kaisar”).

Как бы то ни было, использование латинских фраз постепенно сходит на нет, и не спроста. Применение латинского языка может иногда затемнять четкий смысл, придавая глубокомысленность и официальность мысли, которая, если ее выразить разговорным языком, окажется невыносимо банальной, а порой даже неверной. Латинские фразы допустимы лишь

в случае, если значение их очевидно. В обратном случае, правильной выразить свои мысли на том языке, на котором составлен весь документ. Если же на этом языке они звучат недостаточно впечатляюще, возможно, проблема заключается в самих мыслях. Например, если бы латинская фраза «*Res ipsa loquitur*» («Факт говорит за себя») была не на латинском языке, никто бы не назвал ее принципом. Можно сказать, что дни, когда канонизировали латинские фразы, ушли в прошлое.

В Америке стиль доступного и простого юридического языка долго оставался предметом насмешек, но в 70-х годах XX века было начато его реформирование – несколько законодательных органов провели законы, в соответствии с которыми такие документы, как страховые полисы и договоры с потребителями, должны быть написаны ясным и общедоступным языком. Банки, предприятия и другие сферы бизнеса обнаружили, что документы, написанные понятным языком, уменьшают расходы и увеличивают прибыль. Например, изложенная ясным языком гарантия производителя автомобилей может помочь в повышении продаж, а понятный язык договора займа может минимизировать дорогостоящее для кредитора невыполнение обязательств со стороны заемщика. Доступные для понимания формы документов, предлагаемые в госучреждениях, сокращают количество времени, которое тратится служащими данных учреждений на ответы озадаченным гражданам.

В России исследования по проблемам юридического языка носят в своей основе теоретический и бессистемный характер и в большей мере посвящены языку нормативно-правовых актов. Конечно, существуют работы, которые содержат практические выводы и предложения по совершенствованию языка правовых актов, по правилам и способам использования правовой терминологии и т.п., но действительно практического применения они, к сожалению, не находят. Радует то, что в России исследования юридического языка перешли на качественно иной уровень, а именно ими заинтересовались не только отдельные ученые, а группы ученых, которые всесторонне стали заниматься юридическим языком и его особенностями [1 – 7].

В последнее время проблемами юридического языка стали интересоваться интенсивнее, и это выражается как в представительном обсуждении проблемы, так и в выработке конкретных решений, которые претворяются в реальную жизнь.

В настоящее время в исследованиях и рекомендациях по вопросам юридического языка указывается на то, что данный язык должен быть понятным, точным и кратким, что необходимо не только для его понимания, но и единообразного использования. Стиль языка правовых текстов не должен отличаться от обычного стиля письменного языка хорошо образованного человека, если на то нет веских причин. Можно сказать, что качественно написанный юридический документ никогда не звучит так, будто он составлен юристом.

Другими словами, хороший стиль языка правовых документов – ясный и простой стиль. От других его отличает в первую очередь выбор слов – отсутствие архаизмов, туманных абстракций, а также таких слов и словосочетаний, как «ранее отмеченный», «вышесказанный», «нижесле-

дующий». Особое внимание следует уделять порядку слов в предложении, избегая больших промежутков между подлежащим и сказуемым, между сказуемым и дополнением. Не должно оставаться сомнений по поводу того, кто совершил действие и по отношению к кому. Предпочтительней использовать активный залог глаголов. Предложения по возможности должны содержать лишь одну основную мысль.

Заключение. Движение в пользу использования ясного и простого языка вносит изменения в саму юридическую профессию. Большинство юридических университетов сегодня обучают простому языковому стилю при составлении документов и подготовке речей. Судебные процессуальные нормы меняют с целью, чтобы юристам и судьям было проще их выполнять. Практикующие юристы с готовностью вновь садятся на студенческую скамью, чтобы пройти дополнительные юридические курсы обучения ясной манере письма.

В этой сфере юридическая специальность прогрессирует, однако победа еще не одержана. Слишком много студентов-выпускников сообщает со своего первого места работы, что доступный для понимания юридический язык, преподаваемый им в университете, неприемлем с точки зрения их работодателей – юристов старшего поколения. Как результат, слишком много клиентов-собственников выходит из офиса юриста с пакетом документов, в которых решительно ничего не понимают. Слишком много людей лишь бегло просматривают, а еще хуже – игнорируют, различные договоры, предпочтя скорее положиться на честность и милость составителей документов, чем бороться с запутанной юридической прозой.

Несомненно, роль научного сообщества каждого государства заключается в улучшении качества юридического языка. Очевидно, что происходящие в данном направлении процессы приведут к качественным изменениям не только правовых текстов, но и всей общественной жизни, которую они регулируют.

Список литературы

1. **Акишин М. О.** Правовая культура и юридический язык России. Новосибирск: СибУПК, 2018. 180 с.
2. **Брусенская Л. А.** Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования // Философия права. 2011. № 5 (48). С. 49 – 51.
3. **Елистратова В. В.** Современный юридический язык: взаимосвязь языка и права // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 16 – 19.
4. **Косоногова О. В., Малащенко М. В.** Специальный юридический язык как инструмент взаимодействия языка и права [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2014. № 7(9). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1456> (дата обращения: 11.02.2019).
5. **Костанов Ю. А.** Как юридический язык поглотил нормальный русский язык // Уголовный процесс. 2016. № 11 (143). С. 74 – 79.
6. **Слепухин С. Н.** Категории юридического языка в плане выражения естественного языка: когнитивно-семиотический подход // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 222 – 226.
7. **Хворостов А. Ю.** Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 168 – 170.

References

1. **Akishin M.O.** *Pravovaya kul'tura i yuridicheskiy yazyk Rossii* [Legal culture and legal language of Russia], Novosibirsk: SibUPK, 2018, 180 p. (In Russ.)
2. **Brusenskaya L.A.** [Legal regulation of the language: the Russian language in the sphere of legal functioning], *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2011, no. 5 (48), pp. 49-51. (In Russ.)
3. **Yelistratova V.V.** [Modern legal language: the relationship of language and rights], *Yazyk i mir izuchayemogo yazyka* [Language and world of the studied language], 2016, no. 7, pp. 16-19. (In Russ.)
4. **Kosonogova O.V., Malashchenko M.V.** *Universum: Philology and Art History: electronic scientific journal*, available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1456> (accessed 11 February 2019).
5. **Kostanov Yu.A.** [How a legal language absorbed normal Russian], *Ugolovnyy protsess* [Criminal proceedings], 2016, no. 11 (143), pp. 74-79. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Slepukhin S.N.** [Categories of legal language in terms of the expression of natural language: a cognitive-semiotic approach], *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2011, no. 3, pp. 222-226. (In Russ., abstract in Eng.)
7. **Khvorostov A.Yu.** [Legal language and the language of a lawyer], *Yurislingvistika* [Jurislingvistika], 2007, no. 8, pp. 168-170. (In Russ.)

Clarity and Simplicity as Legal Language Requirements

A. N. Shepelyov, *PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
arturtmb@mail.ru*

The author notes that the study of legal language is not a new phenomenon. In many developed countries, the problems of legal language have been dealt with for a long time, and not without success. At the same time, various examples of legal language analysis in different countries are given in the work. It is emphasized that in Russia studies on the problems of the legal language are based on the theoretical and unsystematic nature, and are largely devoted to the language of legal acts. However, the general direction of movement in favor of using a clear and simple language introduces changes in the legal profession itself and the legal language. The role and tasks of the scientific community of each state is to improve the quality of the legal language, which will invariably lead to qualitative changes not only in legal texts, but also in the entire public life.

Keywords: legal language; language; legal document; clarity; simplicity; lawyer; law; contract.

© А. Н. Шепелёв, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Шепелёв А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 21 – 27. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.021-027

Проанализированы актуальные проблемы квалификации нарушения правил безопасности горных, строительных или иных работ. Рассмотрены вопросы объективной стороны данного состава преступления: деяние, преступные последствия, причинная связь между ними. Показано содержание понятий «горные работы», «строительные работы», «иные работы». Ввиду сложности и неоднозначности определения горных работ особое внимание уделено определению деятельности, относящейся к данному виду работ.

Ключевые слова: законодательная текстология; квалификация преступлений; объективная сторона преступления; нарушение специальных правил безопасности; горные работы; строительные работы; иные работы.

Александр Викторович Курсаев, канд. юрид. наук,
главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента
МВД России, Москва, Россия;
kursaev@list.ru

НОРМА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНЫХ, СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ: ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Введение. Квалификация деяния, предусмотренного ст. 216 УК РФ, вызывает значительные трудности на практике. Рассматриваемой нормой предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ. Состав преступления может являться как материальным, так и составом поставления в опасность, и юридическая оценка наступившего деяния осуществляется с учетом выражения объективной стороны в конкретном деянии. При этом критерии горных, строительных или иных работ, ответственность за нарушение которых установлена ст. 216 УК РФ, достаточно размыты, что подтверждается и разными точками зрения криминалистов по этому вопросу. Не меньшие сложности вызывают трудности, связанные с ограничением рассматриваемого деяния от смежных преступлений. Указанные не до конца разрешенные проблемы и обуславливают повышенное внимание научной общественности к анализируемому составу преступления.

Вопросы квалификации нарушения правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ нашли отражение в трудах: А. А. Едокимова [6], Э. Н. Зинченко [8, 9], И. П. Лановенко, Г. И. Чангули [18], Р. Т. Нуртаева [22], З. Б. Соктоева [27], И. М. Тяжковой [29] и других авторов. Однако многие вопросы по квалификации деяний, предусмотрен-

ных ст. 216 УК РФ, разрешались неоднозначно, а часто и противоречиво, что и требует повторного их рассмотрения и анализа.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в процессе юридической оценки нарушения правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, предмет – технико-юридическая конструкция ст. 216 УК РФ.

Материалы и методы. Основой исследования является УК РФ, материалы судебной практики, монографическая литература.

Методологическую основу работы составляют диалектико-материалистический, логический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Объективная сторона преступления характеризует его внешнюю сторону, выражает вине акт поведения человека. Значение объективной стороны преступления заключается в том, что в соответствии с УК РФ и уголовно-правовой доктриной только определенное поведение может содержать в себе общественную опасность и поэтому рассматриваться как преступление. Зачастую именно путем описания признаков объективной стороны законодатель стремится ограничить возможный произвол правоприменителя, исключая таким образом произвольное толкование уголовного закона. Необходимость соблюдения правил юридической текстологии является в этом случае обязательной предпосылкой правильной уголовно-правовой квалификации рассматриваемого преступления, исключения квалификационных ошибок в судебно-следственной практике.

Особенно актуальным раскрытие признаков объективной стороны представляется в составах преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение всевозможного рода правил, в частности, нарушений специальных правил безопасности, ответственность за нарушение которых установлена соответствующими нормами УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, состоит из следующих элементов:

- 1) нарушения правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ;
- 2) причинения тяжкого вреда здоровью человека или крупного ущерба;
- 3) причинной связи между указанными нарушениями и наступившими вредными последствиями.

Определенную сложность в квалификации преступления по ст. 216 УК РФ вызывает то обстоятельство, что диспозиция указанной статьи относится к числу бланкетных. В связи с этим следует принимать во внимание п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ», согласно которому в приговоре суд обязан сослаться на конкретные пункты действующих правил безопасности работ и охраны труда, нарушение которых повлекло либо могло повлечь указанные в законе последствия. При этом, как правильно отмечает И. П. Лановенко, должны быть установлены не вообще нарушения указанных правил,

а именно те из них, которые причинили вред здоровью людей или привели к причинению крупного ущерба [18, с. 221].

Деяние, связанное с нарушением правил ведения работ, может выражаться как в действии, так и в бездействии. Так, В. С. Комиссаров отмечал, что действие может быть связано: с отдачей различных распоряжений и оказанием воздействия на организацию труда; нарушением технологической последовательности работ; использованием конструкций и материалов, не предусмотренных проектом; работой при повышенной концентрации вредных веществ или при нарушении температурных режимов, на заведомо неисправных механизмах, при проведении сварочных работ на огнеопасных участках [17, с. 314].

В частности, по ч. 2 ст. 216 УК РФ было возбуждено уголовное дело в отношении Д. Л., которая, состоя в должности начальника службы эксплуатации газопроводов, в силу своей должностной инструкции, обязывающей ее организовывать и обеспечивать работу персонала, а также нести ответственность за выполнение требований данной инструкции, нарушила Правила техники безопасности при проведении работ по подключению газа, руководя работой бригады в составе слесаря Б. и сварщика Е. в соответствии с нарядом по подключению газа в жилой многоквартирный дом, нарушила положения производственной инструкции по первичному пуску газа в газопроводы и внутридомовое газовое оборудование многоквартирных домов. В результате допущенных нарушений при производстве работ по подключению газа произошла утечка и взрыв бытового газа с последующим возгоранием, в результате которого наступила смерть К. А. и причинен материальный ущерб другим собственникам жилых помещений (апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 19 июля 2016 г. № 33-5661/2016). По другому делу к ответственности был привлечен экскаваторщик, который при исполнении должностных обязанностей нанес потерпевшему удар ковшом экскаватора в область лба, что повлекло причинение последнему тяжкого вреда здоровью (апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 23 июня 2016 г. № 33-9916/2016).

Бездействие же может выражаться в невыполнении или ненадлежащим образом выполнении требований безопасности, предусмотренных определенными правилами, которые могут выражаться в неустановке ограждений, предупредительных знаков и плакатов в опасных зонах, отсутствии специального инструктажа и необходимого допуска и пр. Для ст. 216 УК РФ, как и для подавляющего большинства других неосторожных деяний в области использования техники, характерно то, что они совершаются в большинстве форм путем бездействия [22, с. 93].

Так, к ответственности по ст. 216 УК РФ был привлечен Ф., который, являясь главным инженером ООО и лицом, на которого возложены в том числе и обязанности по осуществлению контроля за соблюдением правил и норм по охране труда, технике безопасности, производственной санитарии и пожарной безопасности, проявляя преступную небрежность, в нарушение правил безопасности при проведении строительных работ, не обеспечил достаточный контроль по подготовке строительной площад-

ки для безопасного производства работ, не принял меры по предупреждению воздействия на работников опасных и вредных производственных факторов, что повлекло по неосторожности смерть работника Ч. от поражения техническим электричеством (постановление Краснодарского краевого суда от 27 февраля 2012 г. № 4у-515/12).

Ранее в структуре объективной стороны ст. 216 УК РФ превалировало деяние в форме действия. Однако в настоящее время замечен процесс постепенного выравнивания как распространенности действия и бездействия, так и степени их общественной опасности [18, с. 187 – 188]. Причина этого заключается в том, что при современных условиях быстрого развития техники в промышленности активные человеческие действия все более заменяются управлением техническими средствами, в которых различие между действием или бездействием не столь существенно. Поступок человека все более играет роль не механической силы, а команды для действия технических устройств [9, с. 29]. Поэтому неудивительно, что в силу ошибки оператора эта команда может не поступить, что и позволяет оценить действия виновного как бездействие.

При этом бездействие не означает, что виновное лицо не совершает никаких действий, Бездействие означает, что такое лицо не выполняет возложенную на него правовую обязанность.

Учитывая, что объективная сторона характеризуется нарушением всевозможного рода правил, возможный спектр преступных деяний может быть весьма обширным. В связи с этим в целях раскрытия такого элемента объективной стороны как деяние для наглядности и удобства применения на практике ст. 216 УК РФ авторы описывают конкретные казусы, заключающиеся в нарушении горных, строительных или иных работ [29, с. 241].

Закомолдин Р. В., комментируя объективную сторону нарушения специальных правил ведения данных работ, отмечает, что наиболее частыми случаями нарушений являются: недостаточное ограждение и обозначение опасных зон, в пределах которых ведутся работы; использование неисправных механизмов, устройств и установок; отсутствие надлежащего инструктажа по технике безопасности; отсутствие надлежащего контроля за техникой безопасности при ведении работ; допуск к работам, требующим специальной подготовки, неподготовленных лиц; нарушение правил эксплуатации сложных механизмов и устройств [32, с. 777 – 778].

Согласно же исследованию, проведенному А. А. Евдокимовым, нарушения правил, установленных ст. 216 УК РФ, выражаются в следующих нарушениях:

- 1) требований к обеспечению безопасных условий производства и надлежащем контроле за безопасностью проведения работ (51 %);
- 2) технологии производства (22 %);
- 3) неудовлетворительном контроле за техническим состоянием механизмов и оборудования (14 %);
- 4) правил допуска лиц к производству работ (11 %);
- 5) допущении посторонних лиц на территорию производственного объекта (2 %) [6, с. 93].

При этом, как правильно отмечает М. Н. Голоднюк, по смыслу закона нарушение соответствующих правил должно быть в месте проведения этих работ (стройка, шахта, цех, тоннель и т.д.), вне зависимости от формы собственности и организационно-правовой формы предприятия [23, с. 546].

С точки зрения содержания деяния данное преступление разделяется на три основных, относительно самостоятельных, но при этом взаимосвязанных между собой обстоятельств: горные работы, строительные работы, иные работы.

Учитывая, что норма ст. 216 УК РФ является бланкетной, понимание каждого из этих видов работ требует дополнительного толкования.

Тяжкова И. М. под горными работами понимает работы по строительству, реконструкции, эксплуатации и ремонту буровых установок, шахт и иных выработок по добыче полезных ископаемых как подземным, так и открытым способом, а также строительство и ремонт подземных сооружений (метрополитена, тоннелей и прочее), то есть комплекс работ по выемке горных пород, проведению и поддержанию выработок [29, с. 239].

В целом аналогичного подхода придерживается и В. С. Комиссаров, который отмечает, что к горным работам относятся работы по строительству, реконструкции, эксплуатации и ремонту буровых установок, шахт или иных выработок по добыче полезных ископаемых, а также строительство и ремонт подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, например, метрополитена, тоннелей и т.п. [17].

Закомолдин Р. В. отмечает, что под горными работами понимается комплекс работ, связанных с добычей полезных ископаемых и не связанных с таковой. Под горными работами, связанными с добычей полезных ископаемых, понимается деятельность по разработке, проведению, креплению, поддержанию горных выработок и выемке полезного ископаемого, осуществляемая подземным и открытым способом. Названное определение в целом соответствует понятию горных работ, данному в ст. 1 Федерального закона от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности», – горные работы – комплекс работ (производственных процессов) по проведению, креплению, поддержанию горных выработок и выемке полезного ископаемого.

К горным же работам, не связанным с добычей полезных ископаемых, относятся подземные работы по строительству и ремонту подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых (метрополитен, тоннели и т.п.) [32, с. 774].

Напротив, А. Н. Скрипник и В. И. Пушкаренко относят к горным работам устройство выходов из горных выработок; проведение и крепление горных выработок; очистные работы; дополнительные требования при гидродобыче и при разработке пластов, опасных по внезапным выбросам угля и газа; содержание и ремонт горных выработок; ликвидация выработок; предупреждение случаев падения людей и предметов в выработки.

Иными словами, к горным работам они относили следующие виды работ: по выемке породы, полезного ископаемого, креплению, ремонту и погашению выработок [26, с. 71].

Однако в процессе горных работ по добыче полезных ископаемых производятся и иные работы. Как отмечает В. К. Глистин, на шахтах, рудниках, карьерах проводится комплекс других работ, направленных на обеспечение бесперебойного ведения горных работ, а именно: транспортных, работ по обслуживанию механизмов и машин, их ремонту и др. [3]. Соответственно, все иные виды работ, которые хотя и имели место на шахтах и иных подобных местах, к горным работам не относятся. Квалификация их должна осуществляться по ст. 143 «Нарушение правил охраны труда» или по иным статьям УК РФ.

Данное обстоятельство не в полной мере учитывается И. Я. Козаченко. К горным работам он относит разработку земных недр в открытых карьерах, шахтах, отвалах и т.д., то есть проходка, крепление штреков, выемка лав, транспортировка породы, обеспечение подъема и спуска рабочих, работа транспорта в шахтах и отвалах и других местах добычи полезных ископаемых; обеспечение пожарной безопасности, а также ремонт оборудования и шахтных сооружений, технических средств; техническое обеспечение эксплуатации машин и оборудования, все виды буровых работ; обеспечение безопасности эксплуатации буровых установок по добыче жидкого топлива и природного газа [30, с. 518].

В то же время И. Я. Козаченко правильно отмечает, что нарушения правил, не относящихся непосредственно к безопасности горных работ (например, правил промышленной санитарии) не могут быть квалифицированы по ст. 216 УК РФ [30, с. 518].

Федотов В. И. полагает целесообразным в понятие «горные работы» включать и строительные работы при возведении и реконструкции шахт, но не всякие, а лишь те, которые выполняются в соответствии с правилами безопасности горных работ. Так, строительные работы, связанные с сооружением, реконструкцией, ремонтом шахтных стволов и штолен, – это горные работы, а работы по строительству шахтоуправления – строительные, ибо ведение их регулируется строительными нормами и правилами [31, с. 39].

С учетом этого подхода Б. А. Куринов предлагает относить к нарушениям правил безопасности горных работ также несоблюдение порядка установки опор в районах горной выработки, необеспечение забоев необходимой вентиляцией, неограждение мест провалов на поверхности и т.д. [13, с. 448].

Полагаем, что данный тезис является верным и позволяет сформулировать критерий отграничения нарушений правил безопасности горных работ от иных, которые могут квалифицироваться по иным статьям уголовного закона.

Однако отдельные авторы предлагают придерживаться более широкого понимания горных работ. Так, Э. Н. Зинченко пишет: «Горными работами в юридическом смысле следует считать урегулированное правилами безопасности, а равно иными организационно-техническими и контрольными мероприятиями ведение горных работ, включающих весь комплекс

технологического процесса разработки полезных ископаемых как подземным, так и открытым способом, поиск и разведку месторождений, проектирование, реконструкцию и ремонт шахтных стволов, оборудования, прохождение и поддержание горных выработок» [8, с. 12].

Такое понимание горных работ значительно расширяет рамки уголовной ответственности, так как ст. 216 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Э. Н. Зинченко же говорит об ответственности за нарушение правил безопасного ведения работ в горнодобывающей промышленности.

Еще дальше пошел по этому пути В. Ф. Зудин, который отождествляет правила безопасности горных работ с любыми правилами безопасности в горных шахтах [10, с. 90].

Иногда к горным относят работы, которые ничего общего с ними не имеют, например обогащение полезных ископаемых. Так, И. И. Горелик пишет, что горными являются работы по добыче и обогащению (предварительной обработке) полезных ископаемых (химикатов, удобрения, торфа и т. д.) [12, с. 371].

Дмитриев М. М. к ним предлагает также относить и работы по эксплуатации, строительству и реконструкции горнодобывающих предприятий, строительству метрополитенов, различного назначения тоннелей и др. [4, с. 13].

Сорокотягин И. Н. отмечает, что «...горными работами считаются такие работы, которые проводятся при разведке и добыче полезных ископаемых на невзрывоопасных горных предприятиях или работы по сооружению, проходке, реконструкции и ремонту шахтных стволов, штолен и тоннелей» [28, с. 6].

Аналогичны в целом и высказывания П. С. Матышевского: «Понятием “горные работы” охватываются горные разведывательные работы, горные разработки по добыче ископаемых (угля, сланца, железных руд, апатитов, бокситов и т.п.) из действующих невзрывоопасных шахт, разрезов или карьеров, а равно производство строительных работ при возведении или реконструкции шахт. Безопасность горных работ включает, кроме процесса ведения самих работ, санитарный и противопожарный режим производства» [20, с. 32].

Еще дальше в понимании горных работ пошел И. М. Эпельбейм, который относит к ним даже поисковые и съемочные работы [33, с. 74].

Данное расширительное толкование подвергается справедливой критике [6, с. 88; 26, с. 72].

Зинченко Э. Н. замечает, что технологический процесс обогащения полезных ископаемых связан с горными работами, то есть отделением пород от общей массы и выдачей полезных ископаемых на поверхность. При обработке и обогащении применяется совсем другой технологический процесс, связанный с доведением полезного ископаемого до нужного качества перед использованием в той или иной отрасли промышленности. Правилами, которые регулируют безопасность горных работ, не предусмотрен указанный технологический процесс обработки и обогащения полезных ископаемых, в таких случаях действуют иные правила [8, с. 6].

Евдокимов А. А., обобщая данные предложения, полагает, что под горными работами следует понимать урегулированные нормативными правовыми актами все виды открытых и подземных работ в сфере горнодобывающей деятельности, связанные с разработкой и добычей полезных ископаемых [6, с. 89].

Тяжкова И. М., конкретизируя, в чем могут выражаться нарушения правил безопасности горных работ, пишет, что указанные нарушения могут выступать в виде нарушения правил при спуске и подъеме людей и грузов по стволу шахты, в нарушениях на рудничном транспорте и при проведении подготовительных работ или очистке выемки [29, с. 241].

Голоднюк М. Н. отмечает, что по смыслу закона нарушение соответствующих правил должно быть в месте производства этих работ (шахта, тоннель и т.д.) вне зависимости от формы собственности и организационно-правовой формы предприятия [23, с. 546].

Лановенко И. П., критикуя разграничение технического и юридического понимания горных работ, обращает внимание, что соответствующие нормативные правовые акты исходят из принципиального различия горных работ и работ вообще в горной промышленности. Горные работы – это центральная, но лишь составляющая часть работ, выполняемых в горной промышленности. Именно горные работы, по сравнению с иными работами в горной промышленности, наиболее сложны и опасны, а травматизм наиболее высок. Исходя из этого И. П. Лановенко делает правильный вывод о том, что выделение горных работ из всего механизма работ в горной промышленности обусловлено усиленной охраной их безопасности средствами уголовного права [18, с. 187].

Определенную итоговую черту названным спорам положил п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ», который определил, что под «горными работами», указанными в ст. 214 УК РСФСР (ст. 216 УК РФ – *прим. автора*) и соответствующих статьях УК других союзных республик, следует понимать работы по строительству, реконструкции, эксплуатации и ремонту буровых установок, шахт и иных выработок по добыче полезных ископаемых как подземным, так и открытым способом, а также строительство и ремонт подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых (метрополитена, тоннелей и т.п.). При решении вопроса об отнесении тех или иных конкретных работ к горным необходимо исходить из смысла ст.ст. 28 – 32 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах.

В связи с этим нарушение правил безопасности при ведении горных работ на объектах атомной энергетики должно квалифицироваться по ст. 215 УК РФ. Если же при проведении горных работ лицо, используя специальные самоходные строительные машины, нарушило правила дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть, такое деяние квалифицируется по ст. 264 УК РФ как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Однако гораздо больший практический интерес представляет конкуренция ст.ст. 216 и 143 УК РФ. Указанное обусловлено тем, что безопасность горных работ регулируется не только специальными, но и общими правилами техники безопасности. В таком случае правила безопасности горных работ включают в себя одновременно правила охраны труда и техники безопасности. Нарушение горных правил может выступать и нарушением правил охраны труда.

В данном случае необходимо исходить из того, при производстве каких именно работ нарушены соответствующие правила безопасности. Если нарушение этих правил (в том числе и правил охраны труда) было допущено при производстве горных либо строительных работ, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 216 УК РФ (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»).

Таким образом, при квалификации названных деяний учитывается степень угрозы, которые они несут. Если нарушения касались лишь безопасных условий труда работников, то виновный привлекается к ответственности по ст. 143 УК РФ. Если же данные деяния представляют угрозу для окружающих, то есть посторонних для предприятий горной промышленности лиц, а также для безопасности самого производства, ответственность наступает по ст. 216 УК РФ.

Определенную сложность также вызывает отграничение нарушений правил безопасности горных работ от нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ).

Юридическая наука по вопросу квалификации подобного деяния к однозначному ответу не пришла.

Матышевский П. С. [20, с. 32] и Дробашевская А. [5, с. 24] полагают, что нарушение правил безопасности во взрывоопасных шахтах должно квалифицироваться по ст. 217 УК РФ.

Роспутько Е. [25, с. 21] и Зинченко Э. М. [7, с. 63] утверждают, что такое нарушение должно квалифицироваться по статье, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил безопасности горных работ, то есть по ст. 216 УК РФ.

Федотов В. И. в данном случае предлагает обращать внимание на то, что все шахты, на которых проводятся горные работы, делятся на взрывоопасные по газу и пыли и взрывобезопасные. Законодатель установил ответственность за нарушение правил безопасности горных работ независимо от категории горного предприятия. Для квалификации допущенного нарушения по ст. 216 УК РФ безразлично, является горное предприятие взрывоопасным или взрывобезопасным, существенно лишь нарушение правил безопасности горных работ. Поэтому горными следует признать работы, проводимые при разведке и добыче полезных ископаемых на горных предприятиях (как взрывоопасные, как и взрывобезопасные) открыто или подземно, а также работы по сооружению, проходке, реконструкции и ремонту шахтных стволов, штолен и тоннелей, проводимые, в соответствии с требованиями правил безопасности горных работ [31, с. 40].

В то же время на не взрывоопасный характер шахт обращают внимание П. С. Матышевский [20, с. 32] и И. Н. Сорокотягин [28, с. 6]. Безусловно, данное замечание имеет существенное значение для квалификации данного преступления.

Определение строительных и иных работ не вызывает столь больших дискуссий в научной литературе. Содержание данных понятий является в целом устоявшимся. Так, под строительными работами В. П. Степалин предлагает понимать все строительное производство, то есть производство общестроительных и специальных строительных работ, выполняемых при новом строительстве, расширении, реконструкции, техническом перевооружении, капитальном ремонте зданий и сооружений. В этот комплекс входят такие работы, как буровые, земляные, каменные, отделочные, монтажные, пусковые, наладочные, погрузочные, разгрузочные, ремонтные и другие работы на определенной строительной территории, а также вне строительной территории, но в связи с такими работами по подведению различных коммуникаций для поставки воды, тепла, газа, электричества и т.д. [14, с. 736].

Под иными работами В. П. Степалиным понимаются работы, не связанные с горными и строительными работами, но приравненные к ним и также требующие при их проведении соблюдение определенных правил безопасности в связи с тем, что эти работы обладают таким же высоким уровнем возможного травматизма рабочих или причинения материального вреда, например установление и наладка подъемных кранов на строительном объекте, эскалатора, лифта, транспортера, иных механизмов в шахте, тоннеле и т.д. [14, с. 736].

Рассматриваемый состав преступления сформулирован по типу материального. Указанное обусловлено тем, что последствия выступают в качестве криминообразующего признака состава преступления. При их отсутствии квалификация по ст. 216 УК РФ исключается, а содеянное может рассматриваться как административный проступок (ст.ст. 9.1, 9.3 или 9.4 КоАП РФ и пр.).

В частности, одним из основных доказательств для привлечения к ответственности по ст. 216 УК РФ Б., которым было допущено нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, выразившемся в том, что своевременно со двора жилого дома не была убрана кабельная катушка, которой 5 сентября 2010 года был травмирован малолетний Ж., явилось заключение эксперта, согласно которому Ж. причинен именно тяжкий вред здоровью (кассационное определение Московского городского суда от 25 июля 2012 г. № 22-8876/2012).

Соответственно и преступление считается оконченным с момента наступления указанных последствий. В целом же наступление последствий носит ситуативный характер, их может быть несколько [16], что определяет «непропорциональность» вероятности и степени тяжести последствий [21, с. 166].

Обязательным признаком объективной стороны является и наличие причинно-следственной связи.

В практике иногда особую сложность представляет установление причинной связи при нарушении нескольких правил, нарушение каждого

из которых в какой-то степени влияет на наступление тяжких последствий. В таких случаях важно выяснить, какие именно нарушения правил привели к тяжким последствиям. Это дает возможность выделить именно те нарушения правил, которые находятся в прямой причинной связи с последствиями, а также нарушения, которые могли повлечь тяжкие последствия, но не повлекли их.

Лановенко И. П. также отмечает, что причинная связь отличается повышенной сложностью, обусловленной спецификой работ. В этом случае важно дифференцировать основные и второстепенные причины, исключая из причинного ряда случайные [18, с. 188 – 189].

Тщательное и всестороннее исследование причинной связи в этом случае имеет особое значение, на что в п. 5 постановления Пленума «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» отдельно внимание обратил и Верховный Суд Российской Федерации.

Так, Л. был оправдан по ст. 216 УК РФ по обвинению в нарушении правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшем по неосторожности смерть А. и причинение тяжкого вреда здоровью В. в ходе реконструкции дома. Реконструкция осуществлялась собственником данного помещения Б. в нарушение требований ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации, то есть без разрешения, полученного в установленном порядке. Однако принимая решение об оправдании Л., суд вместе с тем установил, что работы по сносу несущей стены здания осуществлялись рабочими по поручению именно Л. Тот факт, что у собственника Б. отсутствовала лицензия на производство строительных работ, а Л. работал у Б. распорядителем работ только на основании устной договоренности, без заключения трудового договора, не означает непричастности Л. к совершению преступления. Л. в этом случае не являлся специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, поскольку строительные работы производились незаконно, однако в таком случае суду следовало разрешить вопрос о наличии либо отсутствии в действиях Л. состава преступления против жизни и здоровья личности. По изложенным основаниям судебная коллегия приговор в отношении Л. отменен с направлением уголовного дело на новое судебное разбирательство (определение Свердловского областного суда от 25 октября 2006 г. № 22-10858/2006).

Закомолдин Р. В., комментируя значение причинной связи, отмечает, что ее наличие предполагает ряд условий:

- 1) наступление преступных последствий;
- 2) необходимость совершения лицом определенных действий либо его воздержания от них в целях предупреждения последствий;
- 3) наличие у лица обязанности совершить необходимое действие или воздержаться от совершения нежелательных действий;
- 4) совершение лицом необходимого действия или совершение им нежелательного действия;
- 5) наличие у лица объективной возможности совершить требуемое действие или воздержаться от совершения нежелательного действия;

6) факт несовершенства лицом необходимого действия либо совершения запрещенного действия должен быть обязательным условием наступления преступного последствия [32, с. 779 – 780].

При этом особенность причинной связи зачастую заключается в том, что она может носить вероятностный характер, при котором фактор, признаваемый причиной преступления, не обязательно должен каждый раз при его повторении вызывать одно и то же последствие. Однако эта вероятность, случайность носит для неосторожных последствий относительный характер, так как «чем более грубый и злостный характер носит нарушение правил, тем при прочих равных условиях вероятнее наступление вредных последствий и тяжелее сами последствия» [11, с. 80].

Вообще необходимо обратить внимание на особую сложность установления причинной связи неосторожных преступлений, объективная сторона которых выражена в форме бездействия. Решение данной проблемы является предметом активного научного поиска [1; 15; 19; 27].

Сама же причинная связь в ст. 216 УК РФ, как и практически в любом неосторожном преступлении, проходит ряд этапов. На первом этапе отмечается лишь абстрактная возможность причинения вреда. На втором возникает аварийная ситуация, но техника еще полностью контролируется субъектом, и он может избежать наступления преступного вреда. На третьем этапе техника выходит из-под контроля оператора, и последний не может вмешаться в развитие событий, он уже практически полностью зависит от особенностей самой ситуации. На последнем, четвертом этапе, происходит реальное наступление преступных последствий [2].

Заключение. Проведенное исследование позволило констатировать, что уголовно-правовая квалификация совершенного общественно опасного деяния представляет собой весьма ответственный и сложный акт, выраженный во влекущих правовых последствиях процессуальных документах. От качества осуществления квалификации преступления зависят реализация целей наказания, будущее обвиняемого и нормальное функционирование правосудия. В связи с этим правильная квалификация деяния, предусмотренного ст. 216 УК РФ, требует выяснения всех элементов состава данного преступления и их правильной оценки.

Список литературы

1. Андреева Л. С. Установление причинной связи при нарушении специальных правил и бездействии // Российский следователь. 2012. № 13. С. 2 – 6.
2. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. № 34. С. 28 – 38.
3. Глистин В. К. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда // Вестник Ленингр. ун-та. 1974. № 11. С. 126 – 134.
4. Дмитриев М. М. Особенности расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности при ведении горных работ (на примере Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2008. 30 с.
5. Дробашевская А. Ответственность за нарушение правил безопасности горных работ на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах // Советская юстиция. 1964. № 6. С. 21 – 24.
6. Евдокимов А. А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России / Отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2012. 152 с.

7. **Зинченко Э. Н.** Разграничение нарушений правил безопасности горных работ и смежных преступлений // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 63 – 65.
8. **Зинченко Э. Н.** Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Харьков, 1976. 19 с.
9. **Зинченко Э. Н.** Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Киев; Донецк: Вища школа, 1979. 146 с.
10. **Зудин В. Ф.** Предотвращение и расследование преступлений (по материалам нарушений правил безопасности в угольных шахтах). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. 315 с.
11. **Квашис В. Е.** Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М.: РИО Академии МВД СССР, 1977. 84 с.
12. **Комментарий** к Уголовному кодексу БССР / Под ред. Г. Ф. Басова, С. Т. Шардыко. Минск: Изд-во БГУ, 1971. 392 с.
13. **Комментарий** к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю. Д. Северина. М.: Юрид. литература, 1984. 528 с.
14. **Комментарий** к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. 1069 с.
15. **Кошелева А. Ю.** Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М.: Вече, 2009. 208 с.
16. **Кругликов Л.** Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки // Уголовное право. 2010. № 5. С. 38 – 46.
17. **Курс** уголовного права. Особенная часть. Т. 4 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. 662 с.
18. **Лановенко И. П., Чангули Г. И.** Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан. Киев: Наук. Думка, 1989. 280 с.
19. **Малинин В. Б., Парфенов А. Ф.** Объективная сторона преступления. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2004. 301 с.
20. **Матышевский П. С.** Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М.: Юрид. литература, 1964. 158 с.
21. **Нерсисян В. А.** Ответственность за неосторожные преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 223 с.
22. **Нуртаев Р. Т.** Борьба с неосторожными видами преступлений: проблемы эффективности. Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.
23. **Особенная часть** Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под общ. ред. В. М. Лебедева; отв. ред. А. В. Галахова. М.: Юрайт, 2009. 1168 с.
24. **Полный курс** уголовного права. Т. IV. Преступления против общественной безопасности / Под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 674 с.
25. **Роспутько Е.** Разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 214 и 216 УК РСФСР // Советская юстиция. 1972. № 3. С. 20 – 22.
26. **Скрипник А. Н., Пушкаренко В. И.** Квалификация преступных нарушений правил безопасности горных работ // Правоведение. 1984. № 2. С. 71 – 73.
27. **Соктоев З. Б.** Причинность и объективная сторона преступления. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 256 с.
28. **Сорокотягин И. Н.** Борьба с преступными нарушениями правил безопасности горных работ на рудных шахтах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: (717). Свердловск, 1969. 16 с.
29. **Тяжкова И. М.** Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 278 с.

30. **Уголовное право. Особенная часть** / Отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Норма, Инфра-М, 2008. 1008 с.
31. **Федотов В. И.** Разграничение преступных нарушений правил безопасности горных работ и смежных преступлений // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1978. № 1. С. 38 – 41.
32. **Энциклопедия уголовного права.** Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2013. 1072 с.
33. **Эпельбейм И. М.** Уголовно-правовая охрана безопасности работ в шахтах. Караганда: Карагандинский науч.-исслед. угольный институт, 1971. 124 с.

References

1. **Andreyeva L.S.** [Establishment of causality in the case of violation of special rules and inaction], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2012, no. 13, pp. 2-6. (In Russ.)
2. **Dagel' P.S.** [Causal link in crimes committed by negligence], *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Questions of the fight against crime], 1981, no. 34, pp. 28-38. (In Russ.)
3. **Glistin V.K.** [Qualification of criminal violations of labor protection rules], *Vestnik Leningr. un-ta* [Bulletin of the Leningrad University], 1974, no. 11, pp. 126-134. (In Russ.)
4. **Dmitriyev M.M.** *Extended abstract of candidate's of legal sciences thesis*, Moscow, 2008, 30 p. (In Russ.)
5. **Drobashevskaya A.** [Responsibility for violation of safety rules of mining operations in explosive enterprises and in explosive workshops], *Sovetskaya yustitsiya* [Consulate Justice], 1964, no. 6, pp. 21-24. (In Russ.)
6. **Yevdokimov A.A., Chuchaev A.I.** [Ed.] *Narusheniye spetsial'nykh pravil bezopasnosti v ugovnom prave Rossii* [Violation of special safety rules in the criminal law of Russia], Moscow: Prospekt, 2012, 152 p. (In Russ.)
7. **Zinchenko E.N.** [The distinction between violations of safety rules of mining operations and related crimes], *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 1973, no. 3, pp. 63-65. (In Russ.)
8. **Zinchenko E.N.** *Extended abstract of candidate's of legal sciences thesis*, Khar'kov, 1976, 19 p. (In Russ.)
9. **Zinchenko E.N.** *Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniye pravil bezopasnosti gornykh rabot* [Criminal liability for violation of safety rules of mining operations], Kiev, Donetsk: Vishcha shkola, 1979, 146 p. (In Russ.)
10. **Zudin V.F.** *Predotvrashcheniye i rassledovaniye prestupleniy (po materialam narusheniy pravil bezopasnosti v ugol'nykh shakhtakh)* [Prevention and investigation of crimes (according to the materials of violation of safety rules in coal mines)], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1969, 315 p. (In Russ.)
11. **Kvashis V.Ye.** *Teoreticheskiye osnovy profilaktiki neostorozhnykh prestupleniy* [Theoretical foundations for the prevention of careless crimes], Moscow: RIO Akademii MVD SSSR, 1977, 84 p. (In Russ.)
12. **Basov G.F., Shardyko S.T.** [Eds.] *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu BSSR* [Commentary on the Criminal Code of the BSSR], Minsk: Izdatel'stvo BGU, 1971, 392 p. (In Russ.)
13. **Severin Yu.D.** [Ed.] *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Comment to the Criminal Code of the RSFSR], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984, 528 p. (In Russ.)

14. **Lebedev V.M.** [Ed.] *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)], Moscow: Yurayt, 2013, 1069 p. (In Russ.)
15. **Kosheleva A.Yu.** *Osobennosti prichinnoy svyazi v sostavakh prestupleniy, sovershayemykh putem bezdeystviya* [Features of causality in the composition of crimes committed by inaction], Moscow: Veche, 2009, 208 p. (In Russ.)
16. **Kruglikov L.** [Heavy consequences in criminal law: objective and subjective signs], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2010, no. 5, pp. 38-46. (In Russ., abstract in Eng.)
17. **Borzenkov G.N., Komissarov V.S.** [Eds.] *Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast'* [The course of criminal law. The special part], Moscow: Zertsalo, 2002, vol. 4, 662 p. (In Russ.)
18. **Lanovenko I.P., Changuli G.I.** *Ugolovno-pravovaya okhrana trudovykh prav grazhdan* [Criminal law protection of labor rights of citizens], Kiev: Nauk. Dumka, 1989, 280 p. (In Russ.)
19. **Malinin V.B., Parfenov A.F.** *Ob'yektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of the Crime], St. Petersburg: Izdatel'stvo Yuridicheskogo instituta, 2004, 301 p. (In Russ.)
20. **Matyshevskiy P.S.** *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti, obshchestvennogo poryadka i zdorov'ya naseleniya* [Responsibility for crimes against public security, public order and public health], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1964. 158 s. (In Russ.)
21. **Nersesyan V.A.** *Otvetstvennost' za neostorozhnyye prestupleniya* [Responsibility for careless crimes], St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press, 2002. 223 s. (In Russ.)
22. **Nurtayev R.T.** *Bor'ba s neostorozhnymi vidami prestupleniy: problemy effektivnosti* [Struggle against unguarded types of crimes: problems of efficiency], Alma-Ata: Nauka, 1990, 208 p. (In Russ.)
23. **Lebedev V.M.** [Ed.] *Osobennaya chast' Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: kommentariy, sudebnaya praktika, statistika* [The special part of the Criminal Code of the Russian Federation: commentary, judicial practice, statistics], Moscow: Yurayt, 2009, 1168 p. (In Russ.)
24. **Korobeyev A.I.** [Ed.] *Polnyy kurs ugolovnogo prava. T. IV. Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti* [Full criminal law course. Vol. IV. Crimes against public safety], St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press, 2008, 674 p. (In Russ.)
25. **Rosput'ko Ye.** [Discrimination between the crimes under Art. 214 and 216 of the Criminal Code of the RSFSR], *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1972, no. 3, pp. 20-22. (In Russ.)
26. **Skripnik A.N., Pushkarenko V.I.** [Qualification of criminal violations of the safety rules of race works], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1984, no. 2, pp. 71-73. (In Russ.)
27. **Soktoev Z.B.** *Prichinnost' i ob'yektivnaya storona prestupleniya* [Causality and the objective side of the crime], Moscow: Norma, Infra-M, 2015, 256 p. (In Russ.)
28. **Sorokotyagin I.S.** *Extended abstract of candidate's of legal sciences thesis*, Sverdlovsk, 1969, 16 p. (In Russ.)
29. **Tyazhkova I.M.** *Neostorozhnyye prestupleniya s ispol'zovaniyem istochnikov povyshennoy opasnosti* [Careless crimes with the use of sources of increased danger], St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press, 2002, 278 p. (In Russ.)
30. **Kozachenko I.Ya., Novoselov G.P.** [Eds.] *Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part], Moscow: Norma, Infra-M, 2008, 1008 p. (In Russ.)

31. **Fedotov V.I.** [The distinction between criminal violations of the safety rules of mining operations and related crimes], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 1978, no. 1, pp. 38-41. (In Russ., abstract in Eng.)

32. **Entsiklopediya ugolovno prava. T. 21. Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka** [Encyclopedia of criminal law. Vol. 21. Crimes against public security and public order], St. Petersburg: Izd. professora Malinina, 2013, 1072 p. (In Russ.)

33. **Epel'beym I.M.** *Ugolovno-pravovaya okhrana bezopasnosti rabot v shakhtakh* [Criminal law protection of work safety in mines], Karaganda: Karagandinskiy nauchno-issledovatel'skiy ugol'nyy institut, 1971, 124 p. (In Russ.)

Civil Liability for Workplace Safety in Mining, Construction and Other Works: Technological and Legal Structure

**A. V. Kursaeв, PhD, Chief Expert of the Legal Department
of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia;
kursaeв@list.ru**

The author analyzes topical problems of categorizing violation of safety rules in mining, construction or other works. The questions of the objective side of the crime, such as act, criminal consequences, and causal relationship between them are explored. The essence of the concepts of mining, construction, other works is revealed. In view of the complexity and ambiguity of the definition of mining, special attention is paid to the definition of activities related to this type of work.

Keywords: legislative textology; qualification of crimes; objective side of crime; violation of special safety rules; mining; construction; other works.

© A. В. Курсаев, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Курсаев А. В. Норма, предусматривающая ответственность за нарушение правил безопасности горных, строительных или иных работ: технико-юридическая конструкция // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 28 – 43. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.028-043

Рассмотрены проблемные вопросы реализации прав человека на стадии возбуждения уголовного дела. Предложены возможные способы их решения и разрешения некоторых коллизий. Рассмотрены новеллы уголовно-процессуального законодательства, связанные с правом дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа назначать экспертизу при проверке сообщения о преступлении и проблемой ознакомления заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении в случае отказа в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; уголовное судопроизводство; материалы проверки сообщения о преступлении.

Ирина Игоревна Федулова, майор полиции, преподаватель кафедры предварительного расследования, ФГБОУ ВО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя», Москва, Россия; VVavia@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В Российской Федерации, являющейся правовым государством, высшая ценность – права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство, принцип верховенства которых и обязанность государства признавать, соблюдать и защищать их закреплены в ст. 2 Конституции 1993 года.

Особенно актуальны эти положения в сфере уголовного судопроизводства, публичный характер которого создает предпосылки для допустимого ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе на их доступ к правосудию на этапе возбуждения уголовного дела [1, с. 77].

Следует отметить, что в последнее время законодателем внесены серьезные изменения в нормы УПК РФ, затрагивающие вопросы регламентации уголовного судопроизводства на первой стадии уголовного процесса. Так, Федеральным законом от 04 марта 2013 года № 23-ФЗ в УПК РФ внесены изменения, которые значительно расширили полномочия должностных лиц, осуществляющих деятельность при проверке сообщения о преступлении¹.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ, изложенная в новой редакции, предусматривает значительное расширение компетенции органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа как субъектов процессуальной деятельности и их возможностей по осуществлению проверочных мероприятий. Сейчас при проведении проверки сообщения о преступле-

¹ О внесении изменений в ст.ст. 62 и 603 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 23-ФЗ от 04.03. 2013 // Российская газета. 2013. № 48. 6 марта.

нии указанные должностные лица могут получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, и назначать судебную экспертизу. Также вправе принимать участие в производстве экспертизы и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, очевидно, что полномочия должностных лиц при проверке сообщения о преступлении существенно расширились. Однако анализ указанных новелл позволяет сделать вывод о том, что некоторые положения закона требуют дополнительного разъяснения и корректировки, что очень важно для реализации прав и законных интересов лиц на этапе возбуждения уголовного дела.

Так, отдельного рассмотрения заслуживает право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа назначать экспертизу при проверке сообщения о преступлении. Следует отметить, что производство и назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела всегда влекло за собой определенные сложности в деятельности правоприменителя.

Обусловлена данная ситуация тем, что, с одной стороны, необходимость производства экспертизы на этапе проверки сообщения о преступлении очевидна и правоприменителю, и законодателю. Но, с другой стороны, всегда возникает проблема соблюдения прав участников процесса, которые до возбуждения уголовного дела не имеют конкретного процессуального статуса.

УПК РФ содержит перечень лиц, в отношении которых допустимо назначение и производство экспертизы, – это подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель. После возбуждения уголовного дела у них появляются процессуальные права по отношению к постановлению о назначении экспертизы или его заключению. Однако в соответствии с действующим законодательством такой статус у перечисленных субъектов отсутствует при проверке сообщения о преступлении.

Отсюда возникает вопрос, если эти субъекты не имеют соответствующих процессуальных прав на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы при проверке сообщения о преступлении, то каким образом дознаватель, орган дознания, следователь должен ознакомить указанных лиц с этим постановлением?

Автор полагает, что решить данную проблему можно двумя способами:

- 1) установить права вышеуказанных участников в случае назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела;
- 2) определить статус и права участников проверки сообщения о преступлении.

Каждое из указанных решений может быть урегулировано законодательством, поскольку они в равной степени позволяют реализовать права участников уголовного процесса.

Следующий вопрос, который затрагивает права человека на стадии возбуждения уголовного дела, касается проблемы ознакомления заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении в случае отказа в возбуждении уголовного дела.

Совершенно очевидно, что заявителю необходима возможность изучения фактических материалов, послуживших основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Необходимо это, в первую очередь, для подачи своевременной, грамотной и квалифицированной жалобы на решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

К сожалению, УПК РФ не предусматривает право заявителя на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении в случае отказа в возбуждении уголовного дела. Согласно разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации, закон не препятствует лицам, чьи права и свободы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, в ознакомлении с материалами проверки, проведенной по сообщению о преступлении или заявлению.

«Любая информация, за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью, должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты. Такая правовая позиция <...> полностью применима к ситуациям, связанным с обеспечением доступа лиц, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, к материалам, на основании которых было вынесено это решение»².

В этой связи следует сказать, что позиция Конституционного Суда РФ в силу ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» является общеобязательной для правоприменителя.

Факт необходимости предоставления заявителю права на ознакомление с материалами проверки подтвердился в результате проведенного анкетирования должностных лиц органов дознания и дознавателей ОВД – 80 % из них согласились с мнением о необходимости предоставления заявителю права на ознакомление с материалами проверки, по которым принято решение о возбуждении уголовного дела.

Полагаем, что данное право заявителя должно быть закреплено в УПК РФ. Также целесообразно после ознакомления заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении составлять соответствующий протокол.

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

Учитывая изложенное, предлагаем ст. 148 УПК РФ дополнить следующим положением: «В случае вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела заявителю разъясняется право на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении. По ходатайству заявителя руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель знакомит его с материалами проверки сообщения о преступлении и составляет соответствующий протокол».

Список литературы

1. Гаврилов Б. Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве: монография. М.: Академия управления МВД России, 2012. 368 с.

References

1. Gavrilov B.Ya. *Aktual'nyye problemy zashchity konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v dosudebnom proizvodstve: monografiya* [Actual problems of the protection of constitutional rights and individual freedoms in pre-trial proceedings: a monograph], Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2012, 368 p.

Some Problems of Human Rights Implementation at the Stage of Excitation of Criminal Case

*I. I. Fedulova, Police Major, Lecturer, Department of Preliminary Investigation,
V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia;
VVavia@yandex.ru*

The issues of the implementation of human rights at the stage of initiation of a criminal case are considered. Possible ways of solving them and resolving some collisions are proposed. The author reviews novels of criminal procedure legislation related to the right of the inquirer, the inquiry body, the investigator, and the head of the investigative body to appoint an examination when checking a crime report and the problem of familiarizing the applicant with the materials verifying the crime report in case of refusal to initiate criminal proceedings.

Keywords: initiation of criminal proceedings; criminal justice; materials verification reports of crime.

© И. И. Федулова, 2019

Статья поступила в редакцию 29.05.2018

При цитировании использовать:

Федулова И. И. Некоторые проблемы реализации прав человека на этапе возбуждения уголовного дела // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 44 – 47. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.044-047

Рассмотрена ключевая роль брака в регулировании важнейшей области человеческих взаимоотношений – отношений полов. Установлено, что в современном цивилизованном обществе законы различных государств четко регламентируют условия и порядок заключения брака. Проведенное исследование показывает, что вопросам юридического закрепления брака в силу их значимости и непосредственной близости к повседневным жизненным событиям должно быть уделено пристальное внимание в современной жизни, особенно с учетом таких явлений, как однополые союзы, фактические браки. Приведен вывод о том, что хотя и назрела необходимость проанализировать положения семейного законодательства с учетом накопленного практического опыта и сформулированных в науке суждений и концепций, в отношении такой важнейшей правовой категории, как брак, этого не произошло. На основе анализа нормативного материала, правоприменительной практики обоснована необходимость выделения правового аспекта в дефиниции брака и нормативного ее закрепления. Предложено легализовать в российском законодательстве понятие «брак», представлена его возможная дефиниция.

Ключевые слова: брак; государственная регистрация брака; семья; союз; семейное право; супруги; фактические брачные отношения.

Ольга Викторовна Богданова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Социология, политология, история Отечества»,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический
университет», Самара, Россия;
ovbogdanova@bk.ru

ЛЕГАЛЬНАЯ ДЕФИНИЦИЯ БРАКА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Брак – центральный институт семейного права, вобравший в себя все то, что создано человечеством на протяжении его истории в сфере морали, религии, традиций и культуры в целом. Представления о браке менялись в разные исторические периоды, но неизменной оставалась его ключевая роль в регулировании важнейшей области человеческих взаимоотношений – отношений мужчины и женщины в период их совместного проживания.

В настоящее время интерес к данной важнейшей социальной структурной единице общества возрос еще больше. Современная трансформация семейных отношений вызвала к жизни такие ее формы, как союзы между лицами одного пола; фактические брачные отношения; многобрачие. Все это требует осмысления процессов эволюции понятий и практического воплощения условий и порядка заключения брака в современном обществе. В этой связи представляется важной актуализация проблемы

легальной дефиниции брака в ныне действующем российском законодательстве. Целью данной статьи является привлечение внимания законодателей к необходимости восполнения такого пробела в семейном праве, как отсутствие нормативного закрепления определения брака. Поставленная цель решается посредством реализации следующих задач: исследовать нормативно-правовой и доктринальный материал по обозначенной проблеме; обосновать необходимость внесения изменений в действующее законодательство и предложить возможный вариант легальной дефиниции брака.

Проблема закрепления дефиниции брака неоднократно поднималась отечественными исследователями. Хотелось бы присоединиться к мнению И. А. Трофимец [13, с. 34] о том, что легальная дефиниция брака необходима, чтобы исключить условность и внести ясность в применение норм, составляющих институт брака. Дефиниция – это идеал (модель), называющая критерии идентификации, позволяющая сравнивать на соответствие с ее содержанием конкретные жизненные ситуации.

Известна позиция замечательных исследователей семейного права М. В. Антокольской [2, с. 110], В. А. Рясенцева [11, с. 64], основанная на том, что такое комплексное социальное явление, как брак, включающее не только правовой, но и морально-этический, социологический и даже экономический аспекты, не поддается однозначному определению, оно в любом случае будет неполным. С этим трудно не согласиться особенно в той части, что брак – понятие многогранное и требует всестороннего анализа.

Понятие «брак», пишет О. В. Смышляева, – можно рассматривать в социологическом смысле как союз между двумя разнополыми лицами (мужчиной и женщиной), посредством которого регулируются отношения между полами и определяется положение ребенка в обществе. Правовым, то есть юридическим, признаком брака является возникновение прав и обязанностей супругов [12, с. 152].

Представляется, что необходимость выделения правового аспекта в дефиниции брака и нормативного ее закрепления назрела в свете казалось бы неожиданных социальных изменений. Так, если стоящими за пределами права считать отношения между полами и положение ребенка в обществе, а юридическими признаками лишь возникновение прав и обязанностей супругов, как можно объяснить признание однополых союзов и усыновление ими детей в соответствии с законодательством все большего числа стран? Известно, что семейное законодательство РФ исходит из непризнания однополых браков и запрета на усыновление детей лицами одного пола, но не лучше было бы включить в Семейный кодекс РФ определение брака, чтобы исключить имеющуюся все-таки, на наш взгляд, правовую неопределенность в понимании правовой сущности брака.

Брак, хотя и многостороннее, комплексное явление, но юридическая сторона дефиниции должна быть четко закреплена, как это сделано, например, в законодательстве близких нам по историческим традициям государств. Так в Кодексе Республики Беларусь «О браке и семье» дано следующее определение брака: «Брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности» [3].

Семейный кодекс Украины в ст. 21 содержит детальное определение брака: «1. Браком является семейный союз женщины и мужчины, зарегистрированный в органе государственной регистрации актов гражданского состояния. 2. Проживание в одной семье женщины и мужчины без брака не является основанием для возникновения у них прав и обязанностей супругов. 3. Религиозный обряд брака не является основанием для возникновения у женщины и мужчины прав и обязанностей супругов, кроме случаев, когда религиозный обряд брака состоялся до создания или восстановления в органах государственной регистрации актов гражданского состояния» [10].

О том, что определение понятия «брак» необходимо пишут авторы учебника «Семейное право» Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др. [9, с. 35], связывая данную необходимость с проблемой отграничения брака от фактических брачных отношений, например, при установлении возможности приобретения российского гражданства в упрощенном порядке в связи с вступлением в брак.

Необходимо подчеркнуть, что споры в судах, связанные с признанием брака недействительным в виду его фиктивности, в настоящее время являются достаточно распространенными. Вот лишь один из примеров судебной практики. Пушкинский городской прокурор в интересах Российской Федерации в лице Дворца бракосочетания № __ Управления ЗАГС Москвы обратился в суд с иском в порядке ст. 45 ГПК РФ о признании брака, зарегистрированного между Ф. и И. недействительным, аннулировании актовой записи № ____ от <дата> о регистрации брака, заключенного между Ф. и И. В обоснование иска указано, что в ходе проведенной прокурорской проверки установлено, что в отдел МУ МВД России «Пушкинское» обратилась гражданка Ф., заключившая брак с гражданином Таджикистана И., с целью признания его фиктивным. Согласно объяснениям свидетелей сторон, полученных сотрудниками МУ МВД России «Пушкинское», следует, что указанные граждане регистрировали брак без намерения создать семью, совместно они никогда не проживали, совместного хозяйства не ведут, брак был заключен фиктивно для упрощения процедуры получения И. гражданства РФ. Таким образом, брак между Ф. и И. был заключен без намерения создать семью. Ответчик Ф. в судебном заседании исковые требования признала в полном объеме, пояснила, что регистрация брака была необходима И. для получения гражданства, а ей была необходима материальная помощь. Выслушав лиц, участвующих в деле, исследовав материалы дела, суд нашел исковые требования подлежащими удовлетворению, в частности, по следующим основаниям.

Брак может быть признан фиктивным, если лица, регистрировавшие такой брак, фактически не создали семью, то есть между ними не возникли подлинные семейные отношения, в частности, взаимная забота друг о друге, взаимная материальная поддержка, приобретение имущества для совместного проживания, иные характерные для супругов взаимоотношения. Таким образом, фиктивным признается брак, заключенный без намерения создать семью, согласие на заключение фиктивного брака не выражает подлинной воли сторон. Стороны преследуют цель заключения брака только для формы, без намерения фактически установить семейные отношения, и целью регистрации такого брака является получение каких-либо

прав и преимуществ, вытекающих непосредственно из самого факта регистрации брака.

Оценив представленные доказательства в порядке ст. 67 ГПК РФ суд приходит к выводу о фиктивности заключенного ответчиками брака, поскольку Ф. и И. с момента заключения брака и до настоящего времени совместно не проживали, общих детей не имеют, совместного хозяйства не вели и не ведут. При таких обстоятельствах суд находит иск подлежащим удовлетворению в полном объеме.

Исковые требования Пушкинского городского прокурора в интересах Российской Федерации в лице Дворца бракосочетания № __ Управления ЗАГС Москвы к И., Ф. о признании брака недействительным, аннулировании актовой записи о регистрации брака удовлетворить.

Признать брак, заключенный <дата> между Ф. и И., недействительным. Дворцу бракосочетания № __ Управления ЗАГС Москвы аннулировать актовую запись № __ от <дата> о регистрации брака, заключенного <дата> между Ф. и И. [8].

На основании анализа данного и других подобных судебных дел можно прийти к неизбежному выводу: даже если при государственной регистрации брака возможно отсутствие фактических брачных отношений и, как следствие, признание такого брака недействительным по признаку фиктивности, то четкое определение понятия «брак» насущно необходимо, как, впрочем, и определение понятия «фактический брак».

На необходимости последнего также настаивают исследователи, совершенно справедливо утверждая, что употребляя в бытовой и юридической лексике термин «гражданский брак», недопустимо использовать его в контексте фактических брачных отношений. Более того, заметим, что термин «гражданский брак» применительно к фактическим брачным отношениям или союзу сожительствующих лиц, к сожалению, фигурирует не только в быту, но и официальных документах и судебных решениях.

М. З. Абесалашвили, С. М. Тутарищева предлагают дефиницию «фактический брак» ввести в действующее законодательство [1]. Соглашаясь с анализом и выводами авторов, добавим, что очевидно это может быть реализовано лишь после введения легального определения брака как такового.

Семейное право – самостоятельная отрасль, имеющая свой предмет и метод правового регулирования, отличный от других отраслей права, в том числе и гражданского. Это признано большинством исследователей-цивилистов. Тем более непонятным представляется то обстоятельство, что понятие «брака» как центрального института семейного права отсутствует в нашем законодательстве.

В юридической доктрине существует несколько теорий брака, позволяющих определить его природу: брак-союз, брак-договор, брак-статус. Предметом дискуссий ученых, как правило, является проблема: что есть брак-союз, договор или институт особого рода. При этом в стороне чаще всего остается статусность брака как особого института взаимоотношений мужчины и женщины. Как правило, брак-статус исследователями связывается с длящимся характером отношений супругов и приобретением нового

семейного положения: «женат», «замужем» и при этом часто делается вывод, что данная концепция брака не отражает его сущности, а лишь указывает на то, что лица, вступающие в брак, приобретают взаимные права и обязанности.

На наш взгляд, в условиях ревизии семейных ценностей, как раз эта теория брака заслуживает внимания не только исследователей, но и государства и общества в целом. Не только и не столько свобода выбора партнерами отношений должна быть поставлена в основу при характеристике брачных союзов, сколько приоритет официально установленных государством брачных отношений. Всякое цивилизованное государство должно поощрять официально признанные брачные союзы, что является залогом стабильности и устойчивости социальных отношений, важнейшим из которых являются отношения мужчины и женщины. Только в США, например, существует свыше тысячи различных льгот для людей, состоящих в браке: право на социальное обеспечение, имущество, налоговые льготы и др. [7].

Если обратиться к нормативному закреплению обязанности государства по отношению к браку, то конституции многих европейских государств это демонстрируют. В ст. 6 Основного закона ФРГ провозглашается защита института брака: «Брак и семья находятся под особой защитой государства» [6]. В ст. 41 Конституции Ирландии закреплено положение о том, что «государство берет на себя обязательство с особой тщательностью охранять институт брака, на котором основана семья, и защищать его от нападков» [4]. Конституция Итальянской Республики говорит о том, что «Республика признает права семьи как естественного союза, основанного на браке. Брак покоится на моральном и юридическом равенстве супругов в пределах, установленных законом для обеспечения единства семьи» [5].

В то же время можно констатировать, что в Конституции РФ понятие «брак» вообще отсутствует, хотя и провозглашается защита государством семьи, материнства, отцовства и детства. Возникает вопрос: поддерживает ли государство фактически существующие, но незарегистрированные семейные отношения, столь распространенные в современной жизни? Для того чтобы подобных вопросов не возникало, представляется необходимым упорядочить проблему с дефинициями брачных отношений.

На основе анализа существующих в доктрине признаков брака можно выделить следующие: брак – это союз лиц противоположного пола; союз, основанный на добровольности волеизъявления и равенстве сторон; союз, направленный на создание семейных отношений; союз, заключенный по определенным, установленным государством правилам; союз, имеющий следствием определенные права и обязанности, установленные законом. Данные юридические признаки брака отнюдь не противоречат его морально-этической составляющей, а лишь придают ей большую определенность. Итогом может стать следующая легальная дефиниция брака: «Брак – это союз мужчины и женщины, заключаемый с целью создания семьи в установленном законом порядке и порождающий у супругов взаимные права и обязанности».

Список литературы

1. **Абесалашвили М. З., Тутарищева С. М.** Проблемы правового понятия «гражданский брак» и «фактические брачные отношения» [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7. Режим доступа: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.7> (дата обращения 16.12.2018).
2. **Антокольская М. В.** Семейное право: учебник. М.: Юрист, 2002. 336 с.
3. **Кодекс** Республики Беларусь «О браке и семье» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kodeksyby.com/kodeks_rb_o_brake_i_semje/12.htm (дата обращения: 16.12.2018).
4. **Конституция** Ирландии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/ireland/irelnd-r.htm (дата обращения: 16.12.2018).
5. **Конституция** Итальянской Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=148> (дата обращения: 16.12.2018).
6. **Основной закон** Федеративной республики Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation (дата обращения: 16.12.2018).
7. **Пора** серьезно поговорить о браке [Электронный ресурс]: Россия сегодня. Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20140107/216309146.html> (дата обращения: 16.12.2018).
8. **Решение** № 2-2158/2017 2-2158/2017~М-669/2017 М-669/2017 от 10 мая 2017 г. по делу № 2-2158/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/0GvcckRI6HJx/> (дата обращения: 16.12.2018).
9. **Семейное право**: учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2008. 302 с.
10. **Семейный кодекс** Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meget.kiev.ua/kodeks/semeyniy-kodeks/razdel-2/#4> (дата обращения: 16.12.2018).
11. **Советское семейное право** / Под ред. В. А. Рясенцева. М.: Юридическая литература, 1982. 256 с.
12. **Смышляева О. В.** Понятие, правовая природа и признаки брака в семейно-правовой доктрине // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Право. 2017. № 2. С. 151 – 160.
13. **Трофимец И. А.** О некоторых подходах к дефиниции брака // Семейное и жилищное право. 2011. № 2. С. 34 – 38.

References

1. **Abesalashvili M.Z., Tutarishcheva S.M.** [Problems of the legal concept of "civil marriage" and "actual marital relations"], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.7> (accessed 16 December 2018).
2. **Antokol'skaya M.V.** *Semejnoe pravo* [Family law]: uchebnik, Moscow: Yurist", 2002, 336 p. (In Russ.)
3. [The Code of the Republic of Belarus "On Marriage and Family"], available at: http://kodeksyby.com/kodeks_rb_o_brake_i_semje/12.htm (accessed 16 December 2018).
4. [Constitution of Ireland], available at: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/ireland/irelnd-r.htm (accessed 16 December 2018).
5. [Constitution of the Italian Republic], available at: <http://worldconstitutions.ru/?p=148> (accessed 16 December 2018).
6. [The Basic Law of the Federal Republic of Germany], available at: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&l=ru&object=translation (accessed 16 December 2018).

7. [Russia today], available at: <https://inosmi.ru/world/20140107/216309146.html> (accessed 16 December 2018).

8. available at: <http://sudact.ru/regular/doc/0GcvckRI6HJx/> (accessed 16 December 2018).

9. **Gongalo B.M., Krasheninnikov P.V., Miheeva L.Yu.** et al. *Semejnoe pravo* [Family law], P. V. Krasheninnikov (Ed.), Moscow: Statut, 2008, 302 p. (In Russ.)

10. [Family Code of Ukraine], available at: <https://meget.kiev.ua/kodeks/semeyniy-kodeks/razdel-2/#4> (accessed 16 December 2018).

11. **Ryasencev V.A.** (Ed.) *Sovetskoe semejnoe pravo* [Soviet family law], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982, 256 p. (In Russ.)

12. **Smyshlyaeva O.V.** [The concept, legal nature and signs of marriage in the family law doctrine], *Vestnik Tverskogo gos. un-ta* [Bulletin of Tver State University], Ser. Pravo, 2017, no. 2, pp. 151-160. (In Russ.)

13. **Trofimec I.A.** [On some approaches to the definition of marriage], *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law], 2011. no. 2. pp. 34-38. (In Russ.)

Legal Definition of Marriage in Russian Legislation: Actualization of the Problem

O. V. Bogdanova, PhD in History, Associate Professor,
Department of Sociology, Political Science, Domestic History,
Samara State Technical University, Samara, Russia;
ovbogdanova@bk.ru

The article emphasizes the key role of marriage in regulating the most important area of human relationships – gender relations. It has been established that in modern civilized society, the laws of various states clearly regulate the conditions and procedure for entering into marriage. The study shows that the legal consolidation of marriage because of their importance and close proximity to everyday life events should be given close attention in modern life, especially taking into account such phenomena as same-sex unions, actual marriages. The author concludes that although there is a need to analyze the provisions of family law, taking into account the accumulated practical experience and the judgments and concepts formulated in science, this has not happened for such a major legal category as marriage. Based on the analysis of regulatory material, law enforcement practice, the article substantiates the need to single out the legal aspect in the definition of marriage and its regulatory consolidation. The author proposed to legalize the concept of “marriage” in Russian legislation, presented its possible definition.

Keywords: marriage; state registration of marriage; family; union; family law; spouses; actual marital relationships.

© О. В. Богданова, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Богданова О. В. Легальная дефиниция брака в российском законодательстве: актуализация проблемы // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 48 – 54. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.048-054

Показаны проблемы отсутствия в Российской Федерации правового регулирования фактического брака как формы отношений людей, широко распространенной в современном мире. Рассмотрены вопросы дефиниции понятия «фактический брак», выявлены его юридически значимые признаки, изучены вопросы общественного отношения к такой форме союза мужчины и женщины, проблемы правовой регламентации фактических брачных отношений. Проанализированы полученные эмпирические данные о сожительставах, зарубежный опыт правового регулирования этого типа отношений. Отсутствие урегулированности данных отношений в российском праве порождает значительное количество трудностей правового характера. Исходя из этого определены проблемы российского законодательства и внесены предложения по его реформированию в области регламентации фактических брачных отношений: возможность признания фактического брака путем заключения между сторонами соответствующего соглашения или же в судебном порядке; определение комплекса прав и обязанностей фактических супругов; закрепление случаев, когда фактический брак считается расторгнутым.

Ключевые слова: брак; правовое регулирование отношений; фактические брачные отношения; соительство; семейное право; совместное проживание; совместное ведение хозяйства.

Марина Сергеевна Валентик, студентка 4 курса,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
Владимир, Россия;
marinalumen@mail.ru

Анна Александровна Кулакова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
Владимир, Россия;
annakulakova33@yandex.ru

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Введение. *Фактический брак* – незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием близкого родства и другого фактического или зарегистрированного брака.

Отсутствие урегулированности данных отношений порождает значительное количество трудностей правового характера: неопределенность прав общей совместной собственности фактических супругов на совмест-

но нажитое имущество, наследования друг за другом, права детей, рожденных в фактическом браке, отсутствие возможности совместного усыновления детей.

Существует необходимость признания фактического брака семейным законодательством, а также возможности применения некоторых правовых последствий зарегистрированного брака к данным отношениям.

Семейные и брачные общественные отношения неперестанно развиваются и эволюционируют вследствие происходящих в общественном сознании изменений. Применительно к рассматриваемой сфере, в последние десятилетия отношения наиболее ярко проявились в значительном увеличении количества создаваемых людьми фактических браков, или, если говорить об этом в более широком аспекте, отношений в форме сожительства. При этом данная тенденция имеет место не только в России и странах СНГ, но и во многих западных и восточных государствах.

Например, в фактических брачных отношениях в странах Евросоюза состоят приблизительно 6 % молодых пар возраста 16 – 29 лет, при этом региональные различия по данному показателю варьируются от 6 до 92 %. Например, для Италии данный показатель равен 6 %, Испании – 14 %, Дании, Франции и Нидерландов – по 72, 46 и 54 % соответственно. Для России данный показатель, по различным источникам, варьируется от 7 до 11 % [5, с. 565].

Отношение общественности к такой форме совместного проживания также сменяется от резко негативного к более нейтральному. Так, по данным ВЦИОМ 81 % россиян не считают незарегистрированный брак чем-то предосудительным. Отношение к нему в молодежной среде также нельзя назвать отрицательным. По данным проведенного опроса в социальной сети «ВКонтакте», в котором приняло участие 123 человека в возрасте от 16 до 30 лет, голоса респондентов распределились следующим образом: 38,2 % респондентов считают фактический брак приемлемой альтернативой зарегистрированному; почти такое же число опрошенных (37,4 %) выражает противоположное мнение; значительная часть респондентов (24,4 %) считают, что фактический брак не является альтернативой официальному, а лишь предшествует ему. Тем не менее, несмотря на значительную распространенность и признание в общественной среде, законодательно данная форма отношений не получила должного урегулирования.

Обсуждение. Исходя из общих начал семейного законодательства, зафиксированных в ст. 1 Семейного кодекса РФ (Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16), браком признается лишь брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Данные положения непосредственно влияют на применение к данным отношениям норм гражданского, наследственного, жилищного и иных отраслей права.

На наш взгляд, представляется возможным согласиться с позицией Н. Н. Тарусиной о том, что несмотря на свою достаточно широкую распространенность, «фактический брак ... неосновательно подвергнут в настоящее время правовой дискриминации» [7, с. 60].

В первую очередь необходимо установить, что представляет собой фактический брак как понятийная категория. Для этого следует определить юридически значимые признаки, позволяющие квалифицировать отношения между людьми в качестве фактического брака. Таковыми выступают: моногамность, отсутствие регистрации таких отношений в органах ЗАГС, соблюдение условий, зафиксированных в ст.ст. 12 и 14 СК РФ, совместное проживание и ведение хозяйства, то есть удовлетворение повседневных потребностей, осуществляемое в интересах обоих лиц по их взаимному согласию, длительность совместного проживания, а также фактическое осуществление прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу [3, с. 107].

Таким образом, фактический брак следует определить как незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, осуществляющих по отношению друг к другу права и обязанности супругов, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием близкого родства и другого фактического или зарегистрированного брака. Важно, что такие отношения воспринимаются самими сожителями и третьими лицами в качестве единого семейного союза.

Отсутствие урегулированности данных отношений порождает значительное количество трудностей правового характера.

1. Фактические супруги не приобретают прав общей совместной собственности на совместно нажитое имущество, в том числе и при взаимном трудовом участии в его приобретении. К такому имуществу применяются общие нормы гражданского законодательства, признающие за таким имуществом режим общей долевой собственности, при этом доли каждого из фактических супругов устанавливаются применительно к конкретному случаю. Изменить данный режим по своему усмотрению супруги также не могут, поскольку отсутствуют соответствующие законодательно закрепленные основания, а имеющиеся нормы о совместной собственности, к примеру, на жилое помещение вследствие факта регистрации в нем и совместной его приватизации, не позволяют отразить специфику отношений между фактическими супругами [9, с. 133].

2. Фактические супруги не имеют возможности наследования друг за другом, кроме случаев, когда другой супруг указан в завещании или же находился в положении иждивенца по отношению к умершему супругу (п. 2 ст. 1148 ГК РФ). Они также не имеют права на получение компенсаций и выплат, например, пенсии по потере кормильца.

3. Отдельного упоминания заслуживает проблема прав детей, рожденных в фактическом браке. Хотя законодательно их правовое положение не отличается от детей, рожденных в фактическом браке, тем не менее, в правоприменительной практике зачастую складывается ситуация, когда все родительские обязанности оказываются возложенными исключительно на мать ребенка, а соответствующие обязанности у отца возникают лишь после установления в судебном порядке факта отцовства [1, с. 14]. Неразрывную связь с данным вопросом имеет вопрос об алиментных обязательствах по отношению к ребенку. Соглашение об алимен-

тах, исходя из норм семейного законодательства (гл. 16 СК), не может быть заключено между фактическими супругами, точно так же как и требование их установления в судебном порядке возможно лишь после установления соответствующего юридически значимого факта.

4. Наряду с вышесказанным, серьезным упущением законодателя видится отсутствие возможности совместного усыновления детей фактическими супругами [8, с. 1108].

Например, некоторые из обозначенных вопросов уже нашли разрешение в законодательстве зарубежных стран. Законодательство ФРГ признает фактический брак образованием общества гражданского права, то есть объединением лиц, не являющимся юридическим лицом, но которое вправе иметь обособленное имущество. Во Франции существует возможность заключить договор о совместной жизни как альтернативу браку, подлежащий государственной регистрации. В Норвегии, в соответствии с Законом «О совместном домашнем хозяйстве» 1991 г., лица, проживающие в фактическом браке, имеют схожие права с лицами, которые состоят в браке в сфере социального обеспечения и налогообложения. Швеция стала первым современным государством, законодательно признавшим отношения сожительства. В данных отношениях партнеры не обязаны материально поддерживать друг друга, их совместным имуществом признается жилище и предметы домашней обстановки. Фактическое сожительство не создает общих долгов для партнеров. Сожители не имеют права на общую фамилию и совместное налогообложение, но они вправе не свидетельствовать друг против друга. Шведское законодательство допускает совместную опеку сожителей над детьми друг друга. В Великобритании сожителям разрешено совместное усыновление одного и того же ребенка [6, с. 63].

Таким образом, следует принять во внимание данные прогрессивные положения зарубежного законодательства при правовом регулировании фактических брачных отношений в Российской Федерации.

Заключение. Наличие данных объективных проблем вызывает необходимость признания фактического брака семейным законодательством, а также возможности применения некоторых правовых последствий зарегистрированного брака к данным отношениям, в первую очередь предусмотреть возможность заключения фактическими супругами соглашений о режиме общей собственности, наследования, материального содержания друг друга и общих несовершеннолетних детей. Надлежит урегулировать и вопрос, связанный с правовым положением детей в фактических браках и определить объем прав и обязанностей фактических супругов по отношению к ним [4, с. 122].

Необходима возможность признания фактического брака двумя способами: путем заключения между сторонами соответствующего соглашения или же признания совместного проживания фактическим браком в судебном порядке. Заключение соглашения о фактическом браке позволяет сторонам самостоятельно определять порядок, по которому они смогут реализовывать свои права в обозначенных сферах наиболее приемлемым для них образом [2, с. 108]. Признание же его в судебном порядке

влечет необходимость установления наличия обозначенных выше признаков фактических брачных отношений, суду также надлежит установить срок, по истечении которого фактические брачные отношения должны признаваться таковыми. На наш взгляд, он должен составлять от 2 до 4 лет, исходя из специфики реально существующих отношений между супругами и характера их взаимодействия.

Необходимо закрепить случаи, когда фактический брак считается расторгнутым. Такими основаниями могут выступать вступление в зарегистрированный брак, в иные фактические брачные отношения и раздельное проживание фактических супругов в течение периода, равного трети от совместно прожитого ими времени.

Список литературы

1. **Альбиков И. Р.** Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 14 – 15.
2. **Выборнова М. М.** Оформление фактического брака путем заключения договора // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 1. С. 105 – 113.
3. **Выборнова М. М.** Понятие и признаки фактического брака разнополых лиц // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 159 – 167.
4. **Закирова С. А.** Совершенствование законодательства в сфере сожительствующих отношений // Юрист-Правовед. 2011. № 4. С. 121 – 125.
5. **Исупова О. Г.** Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. 2013. 2 – 15 сентября. № 565-566.
6. **Орловская А. В.** Фактический брак (сожительство) в законодательстве европейских государств // Право и современные государства. 2012. № 6. С. 60 – 68.
7. **Тарусина Н. Н.** Семейное право. М.: Проспект, 2001. 144 с.
8. **Чигрина Е. В.** О проблемах правового регулирования фактических брачных отношений // Известия Иркутской гос. экон. академии. 2015. Т. 25. № 6. С. 1108 – 1114.
9. **Чулова Ю. С.** Имущественные правоотношения мужчины и женщины, находящихся в фактических брачных отношениях // Инновационная наука. 2015. № 5-3. С. 133 – 136.

References

1. **Al'bikov I.R.** [Protection of the rights and interests of persons who are in actual marital relations: problems and legal features of their resolution], *Semeynoye i zhilishchnoye pravo* [Family and housing law], 2015, no. 2, pp. 14-15. (In Russ.)
2. **Vybornova M.M.** [Making a de facto marriage by entering into a contract], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2011, no. 1, pp. 105-113. (In Russ.)
3. **Vybornova M.M.** [The concept and signs of the actual marriage of opposite-sex persons], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2011, no. 2, pp. 159-67. (In Russ.)
4. **Zakirova S.A.** [Improving the legislation in the sphere of cohabiting relations], *Yurist"-Pravoved"* [Law-Lawyer], 2011, no. 4, pp. 121-125. (In Russ.)
5. **Isupova O.G.** *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2013, 2-15 September, no. 565-566. (In Russ.)

6. **Orlovskaya A.V.** [Actual marriage (cohabitation) in the legislation of European states], *Pravo i sovremennyye gosudarstva* [Law and modern states], 2012, no. 6, pp. 60-68. (In Russ.)

7. **Tarusina N.N.** *Semeynoye pravo* [Family Law], Moscow: Prospekt, 2001, 144 p. (In Russ.)

8. **Chigrina Ye.V.** [On the problems of legal regulation of de facto marital relations], *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2015, vol. 25, no. 6, pp. 1108-1114. (In Russ.)

9. **Chulova Yu.S.** [Property legal relations between men and women who are in actual marital relations], *Innovatsionnaya nauka* [Innovation science], 2015, no. 5-3, pp. 133-136. (In Russ.)

De Facto Marriage and Problems of Its Legal Regulation in the Russian Law

M. S. Valentik, 4th year student Law Institute
Vladimir State University, Vladimir, Russia;
marinalumen@mail.ru

A. A. Kulakova, PhD, Associate Professor, Assistant Professor
Department of Civil Law and Procedure, Law Institute
of Vladimir State University, Vladimir, Russia;
annakulakova33@yandex.ru

This article focuses on the problems of lack of legal regulation of de facto marriage in the Russian Federation, as a form of human relations widespread in the modern world. The notion of de facto marriage is defined, its legally relevant characteristics and the question of the public perception of de facto marriage are identified, and the problems of legal regulation of de facto relationships are shown. The authors analyze the empirical data on cohabitation, foreign experience of legal regulation of this type of relationship. The lack of legal regulation of these relations in the Russian law gives rise to a significant number of legal problems. The authors determine the problems of Russian legislation and make proposals for its reform in the field of de facto marriage regulation: the possibility of de facto marriage recognition by concluding an agreement between the parties or in court, to determine the set of rights and obligations of the actual spouses, the need to develop laws on cases of de facto marriage termination.

Keywords: marriage; legal regulation of relations; de facto marital relations; cohabitation; family law; joint housekeeping.

© М. С. Валентик, 2019

© А. А. Кулакова, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Валентик М. С., Кулакова А. А. Фактические браки и проблемы их регулирования в российском праве // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 55 – 60. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.055-060

Одним из направлений современной научной доктрины считается исследование проблем определения системы и иерархии источников права и места правовых обычаев. Обычай воспринимается всеми правовыми системами. Это происходит путем санкционирования правотворческими либо судебными органами. Исследована историческая роль правового обычая как источника гражданского права путем анализа различных правовых актов отдельных исторических периодов развития нашего государства. Обоснована особенность применения обычаев как источника права, который используется как дополнение к законодательству или самостоятельный вид. Проанализированы условия применения обычаев по действующему гражданскому законодательству. Сделан вывод: в связи с назревшей необходимостью внесения изменений в Гражданский кодекс РФ, в системе источников гражданского права закреплён новый элемент – обычай.

Ключевые слова: гражданское право; источник права; закон; обычай; правовая система; суд; судебный прецедент.

Мария Николаевна Придворова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический
университет», Тамбов, Россия;
m.pridvorova@mail.ru

Екатерина Анатольевна Старчикова, магистрант,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический
университет», Тамбов, Россия;
www.katya.00@mail.ru

ОБЫЧАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ИСТОЧНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Введение. Источники права – действующие в государстве официальные документы, санкционирующие или устанавливающие нормы права, также это внешняя форма выражения правотворческой деятельности государства, с помощью которой воля законодателя становится обязательной для исполнения. В различных правовых системах официально закреплены различные правовые источники. К видам источников права относятся: нормативный правовой акт, нормативный договор, судебный прецедент, правовой обычай, религиозные тексты, правовые доктрины, общие принципы права. Для англо-саксонской правовой системы характерно широкое распространение прецедентного права, для стран с мусульманской правовой системой – соответствующие религиозные нормы, для романо-германской, в свою очередь, – использование нормативно-правовых актов.

Правовая система нашего государства традиционно относится к странам с романо-германской правовой системой, однако постепенное усложнение гражданского оборота под влиянием процессов глобализации и раз-

витие тенденции к взаимопроникновению и взаимовлиянию различных правовых семей обусловили появление новых или ранее неупотребляемых источников гражданского права. Среди подобных «нетипичных» источников гражданского права Российской Федерации можно выделить следующие: правовой обычай, судебный прецедент и правовую доктрину.

Совсем недавно правовой обычай рассматривался теоретиками права «как изживший себя источник права» [14, с. 34]. «Представители советской правовой доктрины считали обычай устаревшей и примитивной формой права, которая не только не способна регулировать общественные отношения, но и препятствует их развитию» [5, с. 4]. Нормы обычного права исключались из системы источников права. Они рассматривались как нормы морали и мононормы.

В настоящее время у исследователей права проблема правовых обычаев вызывает научный и практический интерес: «Следствием пересмотра теоретических подходов к дефиниции права явилось переосмысление взаимосвязи таких феноменов, как государство и право, их генеза, а, следовательно, и генеза обычного права. Важным толчком к появлению новых подходов послужило взаимодействие науки с этнологией и возникновение такой науки, как антропология права» [14, с. 35]. Исследование сущности и роли правового обычая является одной из актуальных проблем как в теории государства и права, так и в отраслевых правовых режимах.

В силу исторических особенностей развития отдельных стран, входящих в романо-германскую правовую семью, роль обычая в одних высока, в других, – имеет меньшую значимость. Тем не менее, правовые обычаи имеют «общие черты и особенности, сходные традиции возникновения и становления, общие закономерности развития» [7, с. 378].

Методы. Для определения места обычаев среди источников гражданского права следует опираться на системно-правовой и исторический методы исследования, широко применяемые в цивилистике.

Обсуждения. Задолго до возникновения права отношения между людьми складывались и действовали исходя из обычаев каждого рода, племени. Постепенно они выходили за рамки рода, племени и распространялись на отношения между членами родов и племен, они действовали в семейной и хозяйственной сферах.

С зарождением и развитием права обычаи продолжали действовать, многие из них получили законодательное оформление. Упоминания об обычаях содержатся в первых письменных актах (Законы XII таблиц, Русская Правда, Мерило праведное). Предметом исследований обычаи стали начиная со II века н. э. Римский юрист Домиций Ульпиан писал, что «долго применяемый обычай следует соблюдать как право и закон в тех случаях, когда не имеется писаного закона» [3, с. 203].

Мыслители прошлого и настоящего не раз обращались к изучению обычаев, признавая их важнейшим регулятором разнообразных отношений, складывающихся между людьми. Владимирский-Буданов М. Ф. отмечал, что «Первый период истории русского права есть время господства обычного права; законодательная деятельность власти хотя начинается с древнейших времен и потом постепенно расширяется, но далеко еще

не может конкурировать с сферой действия обычая» [1, с. 87]. По мнению Г. Ф. Шершеневича, «сфера применения правовых обычаев к гражданским отношениям весьма обширна. Крестьянская масса и до сих пор, несмотря на разрушение обособлявших ее общинных начал, продолжает оставаться под действием обычного права в делах, подлежащих ведомству волостных судов, – по всем предметам, а в делах, подведомственных другим судам, – в порядке наследования» [17, с. 201]. Салтыкова С. А. полагает, что «в древнейший период истории России (“земский, или княжеский”, “удельно-вечевой”, время “Днепровской Руси”), когда частно-правовые начала были еще слиты с государственными, закон не являлся преобладающей правовой формой. В сфере правовых отношений он играл второстепенную роль по сравнению с обычаем...» [13, с. 45].

Согласно мнению В. А. Лаптева, «правовой обычай (*англ.* – *custom*, *фр.* – *coutume*) является одним из старейших источников права, значение которого трудно переоценить и по сей день. С развитием цивилизации зарождалось обычное право. Со временем правовым обычаям придавалась формальная определенность, и они санкционировались государством. Речь идет о законах, создаваемых на основе норм обычного права» [6, с. 6].

В Древней Руси обычай был основным регулятором общественных отношений и представлял собой письменный или устный источник права. Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты являются первыми сводными актами обычных норм. Так, согласно ст. 1 Псковской судной грамоты, грамота составлена «по выпискам из грамот великого князя Александра и князя Константина, а равно из всех приписок, сделанных на основании Псковских обычаев...» [13, с. 46]. Данные акты предусматривали положения, в том числе регулирующие имущественные гражданские правоотношения.

В период Московского государства обычаи постепенно заменяются законодательными положениями. Государственные акты более не являются сводами обычных норм, а представляют собой отдельные нормативные правовые акты. Законодательные положения лишь отражают обычный уклад жизни общества и государства.

В царствование Петра Великого происходит дальнейшее укрепление нормативного правового акта в качестве основного регулятора общественных отношений. Как отмечает В. А. Томсинов, «некоторые из петровских узаконений специально посвящались необходимости для всех государственных служащих вершить дела в соответствии с действующим законодательством. С этой точки зрения принцип законности можно вполне рассматривать в качестве одного из догматов государственной идеологии Российской империи» [16, с. 25].

Особенности обычаев в данный период истории заключаются в том, что некоторые из них закрепляются в качестве законодательных положений. Например, обязанность наследника, получившего в наследство недвижимое имущество, до совершеннолетия своих братьев и сестер осуществлять заботу о них и их надлежащее воспитание и обучение (ст. 4 Указа от 23 марта 1714 года «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах») [9]. Другие обычаи и вовсе утрачивались и заменялись

новыми положениями. В частности, в соответствии с Указом Петра от 3 апреля 1720 года запрещалось писать рядные и уговорные записи с «зарядом».

Первым кодифицированным нормативным правовым актом в истории России является Свод законов Российской Империи (*далее* – Свод), который регулировал все сферы жизни и деятельности гражданина, включая гражданские отношения. В отличие от предыдущих нормативных правовых актов Свод не только преобразовывал обычаи в законодательные положения, но и содержал указание на применение обычаев. Согласно ст. 13 Свода в порядке наследования имущества крестьянам дозволялось руководствоваться местными обычаями. Кроме того, судам при производстве дозволялось руководствоваться обычаями. Так, ст. 169 Свода решение постановляется на основании собранных доказательств, законоположений и местных обычаев, если они не противоречат существующим законам и Положению о крестьянах [11].

Советское законодательство первых лет «забывает» обычай и отказывается от его признания и действия. Однако ст. 130 Конституции СССР 1936 года и ст. 59 Конституции СССР 1977 года устанавливалось, что гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и советские законы, уважать правила социалистического общежития, которые включали в себя и обычные нормы.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года [2], не выделяя обычаев в качестве источника гражданского права, тем не менее отсылал к обычным правилам. В соответствии со статьей 168 ГК РСФСР обязательства должны исполняться надлежащим образом и в установленный срок в соответствии с указаниями закона, акта планирования, договора, а при отсутствии таких указаний – в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями. Содержит ГК РСФСР и понятие «предметы обычной домашней обстановки и обихода» (ст.ст. 533, 534, 535).

Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик [10] содержали ссылку на применение обычая делового оборота к обязательственным правоотношениям (ст.ст. 59, 63, 64, 75) и международного обычая к гражданским правоотношениям (ст. 156).

Современное гражданское законодательство Российской Федерации признает обычай источником права. Так, ст. 5 ГК РФ относит обычай к источникам права и определяет его как «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». В настоящее время обычай применяется к вещным, обязательственным, жилищным, наследственным и интеллектуальным отношениям; регулирует обычай и отношения, возникающие по поводу осуществления нематериальных прав.

Между тем признавая обычай в качестве источника права и регулятора общественных отношений, законодательство Российской Федерации не содержит их полного свода и перечня. Такое положение стало препятстви-

ем для эффективного применения судами обычаев при разрешении возникающих конфликтов.

Таким образом, обычай являлся и является одним из основных источников и регуляторов гражданских отношений. Однако роль и значение обычая менялись вместе с развитием российской государственности.

В разные исторические этапы жизни и деятельности человека обычай применялись весьма широко и заменяли иные регуляторы отношений между людьми. Впоследствии обычай стал действовать одновременно с нормами права и морали. В советский период развития государства обычай источником права не признавался, однако негласно широко действовал, например, в брачных отношениях. Современное гражданское законодательство Российской Федерации признает обычай в качестве источника права, однако правоприменители осторожно относятся к применению обычаев.

В итоге, рассмотрение роли правового обычая в отечественной правовой системе позволяет сделать вывод о том, что обычай занимает определенное место среди других источников права. Историческое развитие государства и права значительно снизило значение обычаев. Тем не менее, главным отличием романо-германской правовой системы является признание нормативно-правового акта главным источником права. Несмотря на это, правовые обычаи, по-прежнему, существуют и эффективно регулируют правоотношения.

Таким образом, обычай – один из самых древних источников права. В первые правовые системы обычай вошел как содержание принимаемых нормативных актов. Впоследствии он приобрел характер самостоятельного источника права, ибо государство, в частности, в условиях феодальной Европы, просто отсылало к обычаям для решения юридически значимых вопросов.

Заметим, что отношение к обычаю как регулятору гражданских правоотношений совершенно различное со стороны теоретиков и практиков. Разные правовые школы имеют дифференцированный подход к значению обычая среди источников права. Если позитивизм сводит почти на нет его практическое значение, то представители исторической школы уверены, что ему необходимо отдать первое место в системе регулирования правоотношений. Хотя есть, и такие школы, которые предпочитают выделять все источники, включая обычай, в баланс и отдавать им одинаковую роль, например, как социологическая школа права.

Вопрос о способах санкционирования государством правовых обычаев является до сих пор открытым и дискуссионным, так как ученые-юристы все еще не пришли к единому мнению.

В самом общем виде согласие государства на применение конкретного правового обычая можно разделить на два вида:

- 1) прямое, при котором законодатель ссылается на определенный обычай и закрепляет его в правовом акте;
- 2) косвенное, когда государство признает обычай в «молчаливой» форме, то есть прямо не закрепляет его в правовых актах, но и не препятствует существованию в обществе. Выделение данного вида исторически

было первым. Его использовали представители позитивистской концепции в качестве единственно верного при рассмотрении правового обычая как источника права и отграничении от правовых актов.

В силу того, что приведенная выше классификация является общей и не определяющей какие-либо конкретные способы санкционирования, было бы верным привести представленное ниже деление, основанное на анализе различных мнений.

1. Законодательное санкционирование, характеризующееся прямым указанием в нормативных правовых актах отсылок к конкретным нормам обычая.

2. Правоприменительное санкционирование выражается в применении обычаев судами при рассмотрении конкретных дел в отраслях частного права. Санкционирование заключается в том, что обычай, который содержится в выносимом решении, таким способом закрепляется в акте государственного органа.

3. «Молчаливое» санкционирование является самым дискуссионным понятием и выражается, как уже говорилось ранее, в том, что государство не закрепляет какой-либо обычай в правовых актах, однако в силу его прогрессивного или консервативного характера не стремится искоренить его.

4. Признание государствами международного обычая. Международно-правовой обычай – правило, которое применялось в течение длительного времени во взаимоотношениях между государствами и не было урегулировано международно-правовыми актами. Правовой обычай рассматривается учеными-юристами и Международным судом ООН в качестве одного из основных источников международного права.

5. Государственное санкционирование обычаев, систематизированных и признанных международными организациями. Международной организацией признается объединение, созданное для достижения определенных целей, которые подразумевают наличие источников права, способствующих их достижению. Одним из таких источников является правовой обычай. В качестве примера можно привести IV Гаагскую конвенцию 1907 года, которая закрепила законы и обычаи войны, сформировавшиеся задолго до принятия конвенции.

Однако не любой обычай санкционируется государством. Это происходит лишь с тем, который выгоден государству, то есть отвечает поставленным на данном этапе развития целям и задачам, способствует выполнению возложенных на него обществом функций.

Обычай редко применяется при разрешении споров. Причину, создавшую такую ситуацию, находим в укоренившемся в правосознании юристов, в том числе судей, мнении о юридическом неравенстве нормы права и обычая.

Есть мнение, что обычай может служить основой для возникновения других источников и форм права [15, с. 50]. Указанные феномены, сформировавшись в сознании общества, могут быть описаны и закреплены законодателем в нормативных правовых актах, но тогда обычай становится источником нормативного правового акта. Также это может отразиться

в судебной практике, когда правовые категории неоднократно применяются судами и становятся источниками для судебных прецедентов. В обоих случаях обычай фактически прекращает свое существование.

Такое положение необходимо изменить, эффективно и определенно привлекая обычай к регулированию отношений, которые не урегулированы правом либо не могут быть им урегулированы. Кроме того, при наличии коллизий между нормами и при их применении, устанавливающих оценочные, собирательные категории, следовало бы учитывать веками сложившиеся обычные правила, не противоречащие праву, морали и иным ценностям.

Правовой обычай в качестве источника права существует и на международном уровне, исходя из международного договора, заключенного Российской Федерацией. В международном праве обычай выступает как один из основных формальных источников наряду с международным договором. При этом многие ученые подчеркивают такие особые черты международного обычая, которые способствуют заполнению пробелов в договорном праве по мере изменений потребностей общества и практики государств, связывают тем самым все государства международного сообщества [4, с. 144]. Эти обстоятельства наталкивают на мысль, что международный обычай никогда не сможет быть полностью заменен международным договором в рамках системы международного права.

Ромашев Ю. С. подчеркивает, что одной из особенностей современного международного права как самостоятельной системы правовых норм является то, что «оно по-прежнему в значительной степени состоит из обычных норм» [12, с. 103]. Международные обычаи делового оборота широко применяются в торговой сфере, а также в сфере мореплавания. В целях их унификации и упрощения практического применения международные организации разработали ряд сборников международных торговых обычаев. Примером такого сборника являются Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010 (публикация Международной торговой палаты № 715)», разработанные Международной торговой палатой [8].

Обычай был введен именно в частно-правовой сфере, потому что там складываются отношения, которые в наименьшей степени нуждаются в необходимости тщательного законодательного регулирования. Ученые юристы не раз указывали на данный факт, и наконец, в Концепции развития гражданского законодательства РФ было обращено внимание на то, что, обычаи широко используются не только в предпринимательской деятельности, но и в других, совершенно различных отношениях граждан (например, при определении гражданами порядка пользования общим имуществом), что требовало соответствующих изменений ст. 5 ГК РФ (Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)). На основании этого 01.03.2013 в силу вступил Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского ко-

декса Российской Федерации», который заменил категорию «обычаи делового оборота» на «обычай» (О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ). Эта категория стала более юридически объемной. Обычай стал являться источником права не только в сфере предпринимательства.

Факт признания правового обычая в качестве источника права и придание ему определенной юридической силы является исключительно положительным моментом.

Обычаи применяются в случаях, прямо указанных в законодательстве. Отсылки к правовым обычаям содержатся в ряде статей ГК РФ (ст.ст. 309, 311, 314, 315, 474 и др.). Положения п. 2 ст. 5 ГК РФ, не содержащие прямого указания о соотношении обычая и диспозитивной нормы, дополняются правилом п. 5 ст. 421 ГК РФ, согласно которому обычаи применяются к условиям договора, если они не определены самими сторонами или диспозитивной нормой (п. 4 ст. 421 ГК РФ). Исходя из положений ст. 431 ГК РФ, обычаи должны приниматься во внимание также при толковании условий договора. Имеется несколько статей ГК РФ, относящихся к обязательственному праву, в которых отражаются «обычно предъявляемые требования», причем этот термин в одном случае дополняет отсылку к обычаям (ст.ст. 309, 478, 992), в другом, – используется как самостоятельный термин (ст.ст. 484, 485, 721).

Исходя из определения, содержащегося в ст. 5 ГК РФ, обычай применяется вне зависимости от того, зафиксирован ли он в каком-либо документе, то есть изложен ли во вступившем в законную силу решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, и т.п. Обычай создается в результате соединения двух элементов: внутреннего, то есть соблюдения сложившегося правила участниками гражданского оборота, и внешнего – в результате придания обязательной силы путем прямого указания об этом в правовых нормах.

Результаты. В практической деятельности при использовании обычаев в гражданско-правовой сфере достаточно часто возникают проблемы (в связи с отсутствием документальной фиксации). Документальная фиксация обычаев предполагала бы, что они стали по праву «законными».

Обычные правила не систематизированы и не легализованы государством в качестве свода обычных правил. Признавая обычай в качестве источника гражданского права, государство не устанавливает перечень обычаев и механизм их определения и применения судами, иными правоприменителями. Действующее законодательство Российской Федерации не уравнивает юридическую силу права и обычая как самостоятельных социальных регуляторов. Правовые нормы в Российской Федерации получили неограниченное распространение, в том числе в сферах сугубо личных, и тем самым эффективность обычных норм и их способность урегулировать отношения так же качественно, как и правом, снижается. Более того, некоторые нормы права, принимаемые в Российской Федерации, не всегда рассчитаны на их длительное и стабильное применение.

Использование обычаев как средств дополнительного правового регулирования в современной гражданско-правовой и гражданско-процессуальной сферах иллюстрирует судебная практика. В случаях возникновения спора о праве ключевая роль отводится суду, поскольку исключительно суд наделяется правом, которое принято называть судебским усмотрением.

Резюмируя, можно подвести итоги: правовой обычай – древнейший, исторически и фактически первый источник права, занимающий в настоящее время незначительное место (влияние) в механизме правового регулирования общественных отношений, хотя и характерен для отечественных отраслей частного права.

Список литературы

1. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
2. **Гражданский кодекс РСФСР** (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407. (утратил силу)
3. **Дигесты Юстиниана** / пер. с лат. И. С. Перетерский; ред. Е. А. Скриплев. М.: Наука, 1984. 456 с.
4. **Игнатенко Г. В.** Международное право: учебник / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 752 с.
5. **Кича М. В.** Обычай как форма права в англосаксонской и романо-германской правовых семьях: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2015. 29 с.
6. **Лаптев В. А.** Российские правовые обычаи в предпринимательстве // Право и экономика. 2016. № 2 (336). С. 4 – 9.
7. **Марченко М. Н.** Сравнительное правоведение. М.: Проспект, 2015. 784 с.
8. **Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2010»** (публикация МТП № 715) [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/2425331/ekonomika/mezhdunarodnye_pravila_tolkovaniya_torgovyh_terminov_inko_terms_2010 (дата обращения: 02.10.2018).
9. **О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах:** указ от 23.03.1714 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/4621088/page:13/> (дата обращения: 02.10.2018).
10. **Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик** (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733. (утратил силу)
11. **Полное собрание законов Российской Империи.** Собр. 3-е: в 33 т. СПб.: Государственная типография, 1885-1916. [Электронный ресурс]: URL: <http://elibrary.ru/nodes/3571-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-tretie-c-1-03-1881-g-po-1913-g-v-33-h-t-spb-pg-1885-1916> (дата обращения: 02.10.2018).
12. **Ромашев Ю. С.** Право международных обычаев в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 103 – 112. doi: 10.17323/2072-8166.2016.3.103.112
13. **Салтыкова С. А.** Особенности формирования правовой системы Древней Руси // История государства и права. 2012. № 15. С. 45 – 48.
14. **Смирнов М. Г.** Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1 (7). С. 34 – 54.

15. **Супотаев М. А.** Правовой обычай как источник права в развивающихся странах // Источники права. М., 1984. С. 32 – 50.
16. **Томсинов В. А.** Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции. М.: Зерцало, 2011. 52 с.
17. **Шершеневич Г. Ф.** Общая теория права. Т. 1. М.: Бр. Башмаковы, 1910. 839 с.

References

1. **Vladimirskiy-Budanov M.F.** *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law], Moscow: Territoriya budushchego, 2005, 800 p. (In Russ.)
2. **Civil Code** of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR 06/11/1964) (as amended on 11/26/2001), *Vedomosti VS RSFSR* [Vedomosti AF RSFSR], 1964, no. 24, article 407. (utratil silu) (In Russ.)
3. **Skripilev Ye.A.** [Ed.] *Digesty Yustiniana* [Digesta Justinian], Moscow: Nauka, 1984, 456 p. (In Russ.)
4. **Ignatenko G.V., Tiunov O.I.** [Eds.] *Mezhdunarodnoye pravo: uchebnik* [International law: textbook], Moscow: Norma, NITS INFRA-M, 2017. 752 s. (In Russ.)
5. **Kicha M.V.** *Extended abstract of candidate's of legal sciences thesis*, Moscow, 2015, 29 p. (In Russ.)
6. **Laptev V.A.** [Russian legal customs in business], *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2016, no. 2 (336), pp. 4-9. (In Russ., abstract in Eng.)
7. **Marchenko M.N.** *Sravnitel'noye pravovedeniye* [Comparative law], Moscow: Prospekt, 2015, 784 p. (In Russ.)
8. https://studbooks.net/2425331/ekonomika/mezhdunarodnye_pravila_tolkovaniya_torgovyh_terminov_inko_terms_2010 (accessed 02 October 2018).
9. <https://studfiles.net/preview/4621088/page:13/> (accessed 02 October 2018).
10. **The Foundations** of the Civil Legislation of the USSR and the Republics (approved by the Supreme Council of the USSR on 05/31/1991 No. 2211-1) (as amended on 11/26/2001), *Vedomosti SND i VS SSSR* [Vedomosti SND and the Supreme Soviet of the USSR], 1991, no. 26, article 733. (utratil silu) (In Russ.)
11. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3571-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-tretie-c-1-03-1881-g-po-1913-g-v-33-h-t-spb-pg-1885-1916> (accessed 02 October 2018).
12. **Romashev Yu.S.** [The Law of International Customs in the System of International Law], *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Pravo. Journal of Higher School of Economics], 2016, no. 3, pp. 103-112, doi: 10.17323/2072-8166.2016.3.103.112 (In Russ., abstract in Eng.)
13. **Saltykova S.A.** [Features of the Formation of the Legal System of Ancient Russia], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 2012, no. 15, pp. 45-48. (In Russ.)
14. **Smirnov M.G.** [Legal practice in the system of sources of Russian law], *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad legal journal], 2007, no. 1 (7), pp. 34-54. (In Russ.)
15. **Supotayev M.A.** *Istochniki prava* [Sources of law], Moscow, 1984, pp. 32-50. (In Russ.)
16. **Tomsinov V.A.** *Sobornoye ulozheniye 1649 goda kak pamyatnik russkoy yurisprudentsii* [The Council's Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence], Moscow: Zertsalo, 2011, 52 p. (In Russ.)
17. **Shershenovich G.F.** *Obshchaya teoriya prava* [The general theory of law], Moscow: Br. Bashmakovy, 1910, vol. 1, 839 p. (In Russ.)

Custom in Domestic Civilism as a Traditional Source of Civil Law

M. N. Pridvorova, *PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
m.pridvorova@mail.ru*

E. A. Starchikova, *Undergraduate,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
www.katya.00@mail.ru*

One of the areas of modern scientific doctrine is the study of the problems of determining the system and the hierarchy of sources of law and the place of legal practices. Custom is accepted by all legal systems. This occurs through the authorization of law-making or judicial bodies. The author studies the historical role of legal custom as a source of civil law, by analyzing various legal acts of individual historical periods in the development of our state. The peculiarity of the use of customs as a source of law, which is used as an addition to legislation or as an independent type, is substantiated. The conditions for the use of customs under applicable civil law are analyzed. The conclusion about the need to make changes to the Civil Code of the Russian Federation is made; a new element - custom - is included in the system of sources of civil law.

Keywords: civil law; source of law; law; custom; legal system; court; judicial precedent.

© М. Н. Придворова, 2019

© Е. А. Старчикова, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Придворова М. Н., Старчикова Е. А. Обычай в отечественной цивилистике как традиционный источник гражданского права // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 61 – 71. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.061-071

Приведен анализ статистики совершения коррупционных правонарушений. Рассмотрены особенности антикоррупционного законодательства. Показано содержание государственных мер противодействия коррупции в государственном управлении. Дано описание последних нововведений в сфере противодействия коррупции, связанных с цифровизацией системы государственного управления. Разработаны предложения по совершенствованию действующих механизмов противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; государственное управление; государственные гражданские служащие; антикоррупционная экспертиза; электронное правительство; информационная открытость органов государственной власти; Общественный Совет; антикоррупционное просвещение.

Галина Олеговна Вяткина, студентка 1 курса магистратуры
направления подготовки «Юриспруденция»,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И. Г. Петровского», Брянск, Россия;
galya.vyatkina.00@mail.ru

Алексей Николаевич Артамонов, канд. юрид. наук,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И. Г. Петровского», Брянск, Россия;
alexeiartamonow@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Введение. Насколько эффективны сегодняшние механизмы противодействия коррупции в России? Какие факторы препятствуют снижению уровня коррупции в государственном управлении, и возможно ли полностью искоренить данное явление? Все эти вопросы из года в год исследуются различными учеными и по-прежнему не теряют своей актуальности, ведь коррупция является одной из серьезнейших проблем в нашей стране, оказывающей негативное влияние на качество государственного управления и, следовательно, уровень развития нашего общества в целом.

Вопросы противодействия коррупции исследуются в работах Н. А. Егоровой, Н. А. Лопашенко, Е. А. Киришина, Е. В. Марьиной [9 – 12].

Следует отметить фундаментальность исследования С. В. Бондаренко, в котором анализируются причины и предпосылки коррупции, классифицируются коррупционные деяния, рассматриваются механизмы противодействия коррупции [8].

По данным Генпрокуратуры РФ за январь 2018 г. выявлено 3 081 (+18,9 %) преступлений коррупционной направленности. Число зафиксированных фактов взяточничества (получение или дачи взятки, включая мелкие взятки) выросло в первый месяц года по сравнению с январем 2017 г. на 11,1 % [13]. И даже такая неутешительная статистика не может точным образом отразить состояние коррупции в нашей стране, так как преступления коррупционной направленности характеризуются высокой латентностью, не позволяющей вскрыть их действительные масштабы.

Особо значима и опасна для государства коррупция в контрольно-надзорных органах государственной власти. Например, трагедия, произошедшая в Кемерово 25 марта 2018 г., в результате которой в пожаре торгово-развлекательного центра «Зимняя вишня» погибло 64 человека, наглядно демонстрирует нарушения требований пожарной безопасности ввиду коррумпированности контрольно-надзорных органов.

Таким образом, с каждым годом число коррупционных правонарушений в государственном управлении увеличивается, а это значит, что существующие механизмы противодействия коррупции не могут полноценно справиться с данной проблемой.

Методы. В статье используются следующие методы исследования:

- теоретический;
- сравнительный анализ статистики коррупционных правонарушений в 2017 и 2018 гг.;
- анализ нормативной правовой базы Российской Федерации по противодействию коррупции;
- системный подход при исследовании и обобщении механизмов противодействия коррупции в государственном управлении;
- обобщение полученных результатов исследования.

Многие механизмы противодействия коррупции содержатся в различных нормативных правовых актах, например: Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5, ст. 6228]; Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ [4, ст. 3609]; Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [2, ст. 1]; Уголовном кодексе Российской Федерации [1, ст. 2954] и других нормативных правовых актах.

Одним из них является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. Согласно ст. 59.2 гражданский служащий может быть уволен в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения [3, ст. 3215]. Кроме того, с марта 2018 г. сведения о таком госслужащем подлежат включению в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр. По состоянию на 04.04.2018 в реестр включено всего пять лиц, 11.05.2018 – 47 лиц, 06.11.2018 – уже 592 лица, и, очевидно, число таких лиц будет расти [15].

Отметим, что вышеупомянутый механизм является элементом более крупного направления противодействия коррупции – развития электрон-

ного правительства. В настоящее время физические и юридические лица могут получить различные государственные услуги, не взаимодействуя при этом с государственными служащими (например, пользуясь порталом «Госуслуги»). Однако сохраняется проблема низкого уровня осведомленности граждан о возможностях электронного получения услуги, а иногда и вовсе элементарного незнания правил пользования электронными ресурсами.

Государство использует и другие механизмы противодействия коррупции. Например, с каждым годом все больше совершенствуется информационная открытость деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Однако несмотря на то что каждый орган обязан размещать всю необходимую информацию для граждан в своей сфере деятельности на официальном сайте, далеко не все органы власти регулярно ее актуализируют. Возможно, это связано с высоким уровнем загруженности госслужащих, а может быть и недостаточным уровнем компьютерной грамотности или нехваткой специалистов в сфере информационных технологий. В послании Президента РФ в марте 2018 г. также была отмечена необходимость приведения в цифровую форму документооборота между госструктурами. Как отметил В. В. Путин: «Цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции» [6].

Важным механизмом противодействия коррупции выступает антикоррупционная экспертиза, представляющая собой правовую проверку нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения [4, ст. 3609]. Информация о коррупционности содержащихся в нормативных правовых актах норм может быть получена из материалов прокурорских проверок, средств массовой информации, интернет-источников, обращений граждан и должностных лиц. Необходимость проведения антикоррупционной экспертизы нормативного правового акта может следовать из материалов дел, рассматриваемых в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, результатов анализа статистики, правоприменительной практики, а также из других материалов, содержащих достаточные данные о наличии коррупциогенных факторов. Однако, согласно ст. 4 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в большинстве случаев заключения, составляемые при проведении антикоррупционной экспертизы, носят рекомендательный характер, хотя и подлежат обязательному рассмотрению соответствующим органом, организацией или должностным лицом.

Механизмы противодействия коррупции реализуются и через создание в молодежной среде нетерпимого отношения к коррупции. Например, из года в год исследованию данной проблемы в высших учебных заведениях посвящаются различные конференции, круглые столы, семинары с участием органов власти. В целях формирования нетерпимости к коррупционному поведению органы власти проводят студенческие конкурсы

эссе, плакатов, рисунков, посвященных антикоррупционной тематике. Для студентов высших учебных заведений вводятся тематические дисциплины по противодействию коррупции. Например, студенты юридического факультета БГУ им. академика И. Г. Петровского занимаются освоением дисциплины «Юридическая экспертиза нормативных правовых актов», в котором им помогают различные методические пособия, авторами которых являются сами преподаватели университета [7]. В рамках данной дисциплины студенты имеют возможность подробно изучить особенности антикоррупционной экспертизы. В РАНХиГС для студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» с 2018 г. введена дисциплина – «Противодействие коррупции».

Результаты. В ходе анализа вышеперечисленных механизмов выяснили, что они, безусловно, требуют совершенствования. Ответим на вопрос: какие способы борьбы с коррупцией будут наиболее эффективными для нашего государства?

Во-первых, в рамках активного внедрения электронного правительства в России необходимо повышать уровень компьютерной грамотности государственных гражданских служащих. Например, можно организовать обучение особенностям электронного документооборота и работы с федеральным порталом управленческих кадров при приеме и рассмотрении документов претендентов на замещение вакантных должностей в электронном виде в части анализа представленных через портал справок о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера претендентов.

Во-вторых, необходимо повышать информационную открытость органов государственной власти, а также исключать реальное взаимодействие граждан с представителями органов власти путем:

- 1) расширения перечня электронных государственных услуг;
- 2) совершенствования официальных сайтов органов власти и регулярного обновления актуальности информации для граждан;
- 3) повышения осведомленности граждан о возможностях получения электронных услуг в целях их дальнейшей регистрации на портале и распространения подробных инструкций работы с порталом «Госуслуги».

В-третьих, практика повседневной управленческой деятельности показывает, что зачастую использование норм права осложняется бюрократизацией и формализацией при разработке различных правовых актов. Именно поэтому необходимо активно внедрять различные формы общественного контроля, например, регулярно привлекать к обсуждению таких документов Общественный совет при органах государственной власти, используя при этом различные формы взаимодействия: заседания, публичные слушания, круглые столы, семинары и другие формы.

Развивая механизм создания в молодежной среде нетерпимого отношения к коррупции, необходимо комплексное использование мер антикоррупционного просвещения путем привлечения не только внимания молодежи, но и всего населения, так как проблема высоких коррупционных рисков кроется не в отсутствии жестких карательных мер, а именно в со-

циокультурных основах современного российского общества. В качестве механизма антикоррупционного просвещения могут выступать:

- 1) социальная реклама антикоррупционного характера;
- 2) активное включение средств массовой информации, освещающих коррупционные правонарушения с указанием конкретных лиц либо случаи безупречной государственной или муниципальной службы.

Обсуждение. Таким образом, проанализированы существующие государственные механизмы противодействия коррупции и разработан ряд предложений по их совершенствованию. Предложения автора помогут расширить и углубить методологическую базу мероприятий по противодействию коррупции в государственном управлении и проектированию «дорожной карты» конкретных органов государственной власти по внедрению системы противодействия коррупции.

Заключение. Подводя итог, отметим, что с каждым годом число коррупционных правонарушений возрастает, и существующие государственные механизмы противодействия коррупции не справляются с данным явлением. Коррупционные явления полностью исключить, конечно, невозможно, но комплексное использование вышеперечисленных механизмов позволит снизить их до такого уровня, который не будет препятствовать развитию страны, нашего общества и, конечно же, государственного управления. Как точно отметил заместитель директора департамента государственной службы и кадров Минюста России И. В. Мошинец: «Полностью коррупцию изжить невозможно, но непримиримая борьба с ней оказывает сильную защитную реакцию государства» [14].

Список литературы

1. **Уголовный** кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. **Кодекс** Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1.
3. **О государственной** гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.
4. **Об антикоррупционной** экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 04.06.2018) // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3609.
5. **О противодействии** коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
6. **Путин В. В.** Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. № 46. 02.03.2018.
7. **Артамонов А. Н., Воробьев А. Н.** Юридическая экспертиза нормативных правовых актов. Брянск: РИО Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2015. 116 с.
8. **Бондаренко С. В.** Коррумпированные общества [Электронный ресурс]. Ростов н/Д, 2015. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 21.01.2019).

9. **Егорова Н. А.** Уголовно-правовые формы борьбы с коррупцией в новых экономических условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 1996. 188 с.
10. **Киришина Е. А.** Корыстный мотив в преступлениях коррупционной направленности [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 105 – 109. Режим доступа: http://vestnikkui.ru/arhive/2017/3_29_2017.pdf (дата обращения: 21.01.2019).
11. **Лопашенко Н. А.** Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С. 21 – 35
12. **Марьина Е. В.** Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2010. 24 с.
13. **Состояние** преступности в России за январь-декабрь 2018 года: основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // Офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/stat/data> (дата обращения: 21.01.2019).
14. **Официальный** сайт Минюста России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/activity/reports> (дата обращения: 21.01.2019).
15. **Федеральный** портал госслужбы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gossulzha.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2019).

References

1. **Criminal Code** of the Russian Federation of 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 03 October 2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collected legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, article 2954. (In Russ.)
2. **Code** of the Russian Federation on Administrative Offenses of 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 11 October 2017), *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Meeting of the Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1. (In Russ.)
3. **On the state civil service** of the Russian Federation: Feder. Law of 07/27/2004 No. 79-FZ (as amended on 03 August 2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2004, no. 31, article 3215. (In Russ.)
4. **On anti-corruption expertise** of normative legal acts and drafts of normative legal acts: feder. Law of 07/17/2009 No. 172-FZ (as amended on 04 June 2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2009, no. 29, article 3609. (In Russ.)
5. **On combating corruption**: Feder. Law of 12/25/2008 No. 273-FZ (as amended on 03 August 2018), *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 2008, no. 52 (part 1), article 6228. (In Russ.)
6. **Putin V.V.** *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2018, no. 46. (In Russ.)
7. **Artamonov A.N., Vorob'yev A.N.** *Yuridicheskaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov* [Legal expertise of regulatory legal acts], Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I. G. Petrovskogo, 2015, 116 p. (In Russ.)
8. **Bondarenko S.V.** [Corrupt Societies], available at: <https://cyberleninka.ru> (accessed 21 January 2019).
9. **Yegorova N.A.** *PhD Dissertation (Law)*, Saratov, 1996, 188 p. (In Russ.)
10. **Kirshina Ye.A.** available at: http://vestnikkui.ru/arhive/2017/3_29_2017.pdf (accessed 21 January 2019).
11. **Lopashenko N.A.** *Problemy bor'by s proyavleniyami kriminal'nogo rynka* [Problems of combating the manifestation of the criminal market], Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2005, pp. 21-35. (In Russ.)

12. **Mar'ina Ye.V.** *Extended abstract of candidate's of legal sciences thesis*, Samara, 2010, 24 p. (In Russ.)
13. <https://genproc.gov.ru/stat/data> (accessed 21 January 2019).
14. <http://minjust.ru/ru/activity/reports> (accessed 21 January 2019).
15. <https://gossluzhba.gov.ru> (accessed 21 January 2019).

Improvement of Mechanisms to Counter Corruption in Public Administration

G. O. Vyatkina, *1st year Master's Student in Jurisprudence,
I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;
galya.vyatkina.00@mail.ru*

A. N. Artamonov, *PhD in Law, Department of State and Legal Disciplines,
I. G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;
alexeiartamonow@yandex.ru*

The author analyzes the statistics of corruption offenses, considers the features of anti-corruption legislation, reveals the content of state anti-corruption measures in public administration, describes the latest innovations in the field of anti-corruption related to the digitalization of public administration, and develops proposals to improve the existing mechanisms of anti-corruption.

Keywords: corruption; anti-corruption; public administration; civil servants; anti-corruption expertise; e-government; information openness of public authorities; Public Council; anti-corruption education.

© Г. О. Вяткина, 2019

© А. Н. Артамонов, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Вяткина Г. О., Артамонов А. Н. Государственное управление: совершенствование механизмов противодействия коррупции // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 72 – 78. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.072-078

Рассмотрены сущность и цели устойчивого развития, его правочеловеческая основа; в центре внимания – охрана окружающей среды как одна из главных стратегических целей развития регионов России. Проанализирована деятельность регионального Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) по защите права на благоприятную среду обитания. Рассмотрены стратегические и тактические направления работы службы омбудсмена по защите конституционного права человека на благоприятную окружающую среду, дан анализ нормативных правовых актов, создающих правовую базу для данной деятельности.

Ключевые слова: устойчивое развитие; права человека; охрана окружающей среды; омбудсмен; Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации.

Татьяна Дмитриевна Зражевская, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра конституционного и муниципального права,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Уполномоченный по правам человека в Воронежской области,
Воронеж, Россия;
tzrazhevskaya@yandex.ru

Татьяна Владимировна Колобова, советник аппарата
Уполномоченного по правам человека в Воронежской области,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия;
kolobova21@yandex.ru

СОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ (ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

В современной научной литературе под устойчивым понимается развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени, но не ставящее под угрозу будущие поколения [2, с. 134]. Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций (далее – ООН) на период 2016 – 2030 гг. сформулированы в «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Нью-Йорк, сентябрь 2015 г.). ООН утвердила 17 целей и 169 задач для их реализации, многие из которых направлены на обеспечение прав человека, в том числе:

- повсеместную ликвидацию нищеты во всех ее формах;
- ликвидацию голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;

* По материалам Международной научно-практической конференции «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, 29 мая 2018 г.

- обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
- обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
- обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек;
- обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех;
- обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
- содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
- создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;
- обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов;
- обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства;
- принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями;
- сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития;
- защиту и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьбу с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия;
- содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях;
- укрепление средств достижения устойчивого развития и активизацию работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

В настоящее время более 100 стран приняли стратегии устойчивого развития. В России в качестве нормативно-правовой базы для разработки долгосрочных документов выступает Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, который определяет достижение стратегических целей и решение приоритетных задач государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания на федеральном уровне, включают: Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г., Основы

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Российская газета. 2014. 3 июля.

государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и др².

Основанием вывода о правочеловеческой основе устойчивого развития является включение в рамках Итогового документа конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» (Рио-де-Жанейро, 20 – 22 июня 2012 г.) в перечень основных ориентиров устойчивого развития таких ценностных ориентиров, как свобода, мир и безопасность, верховенство закона, тендерное равенство, приверженность построению ориентированного на развитие справедливого и демократического общества, а также признание необходимости соблюдения всех прав человека, в том числе права на развитие и права на надлежащий уровень жизни, включая право на питание.

Для современной доктрины прав и свобод человека характерно понимание того, что условием их наиболее полного и эффективного осуществления выступает устойчивость как особое качественное состояние общественных отношений на национальном и международном уровнях. По своей сути, идея устойчивого развития предполагает переход к такой модели развития, которая способствовала бы созданию качественно иной среды претворения достоинства человеческой личности, ее прав и свобод. Права человека – это основа и для экономического, и для экологического, и для социального развития.

Принцип всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека, будучи одним из основополагающих принципов современного права, должен пониматься, с одной стороны, как императив перехода к устойчивому развитию, с другой, – как цель и смысл устойчивого развития.

В целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами в России, на основании Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ³ учреждена должность

²Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2017. № 4. Ст. 637; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утверждено Президентом Российской Федерации 30.04.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2017. № 17. Ст. 2546; О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2008. № 47. Ст. 5489.

³Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ); Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 1997. № 9. Ст. 1011.

Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. На региональном уровне действуют уполномоченные по правам человека в субъектах федерации.

Институт Уполномоченного (омбудсмена) по традиционному подходу международной ассоциации юристов определяется как «служба, предусмотренная конституцией или актом законодательной власти и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высокого ранга, которая ответственна перед законодательной властью, получает жалобы от пострадавших лиц на государственные органы, служащих, нанимателей или действует по собственному усмотрению и уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады» [1, с. 21].

Анализ деятельности омбудсменов позволяет отметить следующие специфические характеристики данного государственно-правового института.

Во-первых, существование института Уполномоченного – это достижение развития гражданского общества. Если классическая правовая доктрина традиционно разделяла государство и гражданское общество, то сегодня происходит трансформация связей между ними. Являясь посредником между государством и обществом, Уполномоченный, с одной стороны, как государственный орган – это носитель публичных интересов, с другой, – защитник прав и интересов граждан, благодаря которому гуманизируется государство.

Во-вторых, омбудсмен имеет возможности обладания относительно реальной информацией о состоянии законности государственного аппарата, поскольку получает информацию из первых рук при рассмотрении жалоб граждан, пострадавших от деятельности государственных и муниципальных органов.

В-третьих, Уполномоченный по правам человека – это некая политически и юридически независимая фигура, находящаяся вне системы.

В-четвертых, важно также и то, что полномочия омбудсмена имеют не императивный, а рекомендательный характер. Тем самым омбудсмен может сделать имеющиеся проблемы достоянием общественности и гарантировать улучшение качества публичной власти.

На примере работы Уполномоченного по правам человека в Воронежской области рассмотрим деятельность омбудсменов по защите права на благоприятную среду обитания, поскольку охрана окружающей среды является одной из главных стратегических целей развития регионов России. Существующая связь между правами человека, окружающей средой и устойчивым развитием является общепризнанной.

Уполномоченные по правам человека активно участвуют в восстановлении экологических прав граждан, закрепленных в ст. 42 Конституции Российской Федерации: права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическим правонарушением.

Основными направлениями деятельности Уполномоченного по правам человека в Воронежской области по защите права на благоприятную

окружающую среду являются: 1) рассмотрение обращений граждан; 2) подготовка аналитических документов; 2) участие в работе общественных советов при органах государственной власти.

1. Рассмотрение обращений граждан.

Обращения к Уполномоченному являются основным объектом его деятельности и предметом анализа в целях оценки состояния защищенности прав человека. Традиционно обращения по вопросам нарушения права на благоприятную окружающую среду составляют ежегодно 6–7 % от всех обращений к Уполномоченному по правам человека в Воронежской области.

Из данных документов (обращений) следуют основные проблемы региона в экологической сфере:

- рост загрязнения воздуха областного центра выхлопными газами автотранспорта;
- незаконные масштабные вырубки деревьев на территории населенных пунктов;
- несоблюдение условий обеспечения свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговой полосе;
- загрязнение почвы и воды отходами деятельности перерабатывающих предприятий и др.

Право на благоприятную окружающую среду является коллективным, затрагивает интересы неопределенного круга лиц, неблагоприятные последствия нарушения этого права часто трудно индивидуализировать. В этой связи эффективной защите права на благоприятную окружающую среду способствует положение части 1 ст. 8 закона Воронежской области от 30.06.2010 г. № 66-ОЗ «Об уполномоченном по правам человека в Воронежской области»⁴, согласно которому сведения о нарушениях прав граждан могут быть получены не только из обращений, но и средств массовой информации.

2. Подготовка аналитических и стратегических документов.

Важнейшее направление аналитической работы Уполномоченного – подготовка ежегодных докладов, подводящих итоги правозащитной деятельности по окончании календарного года. Доклады содержат оценки, выводы и рекомендации по обеспечению прав человека в регионе, а также сведения о государственных органах, органах местного самоуправления и должностных лицах, которые нарушают права граждан. В докладах Уполномоченного по правам человека в Воронежской области традиционно значительное внимание уделяется праву на благоприятную окружающую среду.

В 2016 г. Уполномоченным при участии органов власти и гражданского общества была разработана «Стратегия Воронежской области в сфере развития и защиты прав человека на 2016 – 2025 годы», утвержденная указом губернатора от 05.08.2016 г. № 272-у. Ранее подобный документ был принят только в Республике Татарстан.

⁴Об уполномоченном по правам человека в Воронежской области: закон Воронежской области от 30.06.2010 № 66-ОЗ // Портал Воронежской области в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.govvrn.ru> (дата обращения: 28.05.2018).

Согласно Стратегии, выделим основные задачи в сфере обеспечения права жителей региона на благоприятную окружающую среду:

- снижение общей антропогенной нагрузки и негативного воздействия на окружающую среду;
- сохранение объектов животного и растительного мира, водных биологических ресурсов;
- совершенствование организационного, научного и информационного обеспечения деятельности по охране окружающей среды;
- обеспечение качества воздуха и воды в соответствии с установленными нормами.

В Стратегии определены пути и способы достижения позитивных результатов в сфере окружающей среды:

1) организация и обеспечение эффективной работы системы государственного, ведомственного, производственного, муниципального и общественного экологического контроля;

2) осуществление системы мер по сохранению и развитию зеленых зон в населенных пунктах: оформление озелененных территорий общего пользования в муниципальную собственность; благоустройство муниципальных зеленых зон; передача благоустроенных зеленых зон на обслуживание специализированным организациям;

3) создание Красной книги почв в целях закрепления приоритетов охраны уникальных почв, экосистем и ландшафтов, сохранения и повышения плодородия;

4) повышение лесистости территории (лесопокрытых площадей) за счет создания лесных культур на деградированных землях сельскохозяйственного назначения, защитных лесных насаждений, обустройства зеленых зон сельских поселений;

5) внедрение технологий сбора и переработки опасных отходов, а также отходов, являющихся вторичными ресурсами, утилизация отходов;

6) развитие общественного контроля в сфере согласования решений об изменении зональности территорий, вырубках и застройках зеленых зон, недропользовании;

7) организация системы экологического просвещения, распространения экологической информации, пропаганды экологичного поведения посредством СМИ, интернет-ресурсов и социальной рекламы, природоохранных акций, экологического туризма;

8) поощрение общественных экологических мероприятий и акций (экологических субботников, акций по посадке зеленых насаждений, социальных опросов, выставок, конференций, тематических мероприятий).

В настоящее время в соответствии с протоколом оперативного совещания у губернатора Воронежской области от 20.02.2017 г. сформирована и осуществляет свою работу постоянно действующая межведомственная комиссия по реализации Стратегии.

3. Участие в работе общественных советов при органах государственной власти.

В 2012 г. в Новохоперском районе Воронежской области было объявлено о начале поисково-оценочных и разведочных работ на медно-никелевых месторождениях. В связи с необходимостью обеспечения взаимодействия органов государственной власти Воронежской области

с общественностью и осуществления общественного контроля за освоением никелевых месторождений создан Общественный совет при Воронежской областной Думе, в котором принимает участие Уполномоченный.

Данные опросов общественного мнения по проблеме разработки месторождений никеля в Новохоперском районе противоречивы.

Согласно опросам жителей Воронежа, проводимым социологической службой «Ваше мнение!»⁵, более трети населения Воронежа не видит никаких плюсов в случае старта разработок никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области. Еще чуть меньше трети опрошиваемых преимуществом проекта видит создание новых рабочих мест, и чуть более четверти населения Воронежа считает, что реализация проекта позволит пополнить бюджет Воронежской области. Среди недостатков проекта большинство горожан называют его экологическую опасность для жителей близлежащих территорий. Беспокойство значительного числа воронежцев вызывает опасность нарушения экологии Хоперского заповедника и опасность загрязнения грунтовых вод и рек Воронежской области. Пятая часть респондентов среди прочих недостатков упоминает о том, что будет загублено сельское хозяйство близлежащих территорий.

По данным опроса, проведенного специалистами Института социологии РАН в Новохоперском районе, с утверждением «При использовании экологически чистых технологий (с жесткими экологическими ограничениями и гарантией контроля над их исполнением) разработка никелевых рудопроявлений возможна» полностью согласны и скорее согласны – 53 %, полностью не согласны и скорее не согласны – 17 %; остальные 30 % колеблются. С утверждением «разрабатывать никелевые залежи необходимо, это принесет экономическую и социальную выгоду району, области, стране» полностью согласны и скорее согласны – 46 %, полностью не согласны и скорее не согласны – 24 %; колеблется – 30 %.

Таким образом, реализация стратегии перехода к устойчивому развитию порождает много дискуссионных вопросов, в том числе проблемы поощрения новых моделей бизнес-практик и проектов в сфере развития с учетом их последствий для экологии и прав человека. Важнейшим критерием устойчивого развития в мире является достижение стратегического баланса между деятельностью человека и поддержанием воспроизводящих возможностей биосферы, тогда деятельность человека не будет приводить к необратимым нарушениям в природе.

Список литературы

1. **Комарова В. В.** Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации // Государство и право. 1999. № 9. С. 21 – 31.
2. **Хамзина Ш. Ш.** Экология и устойчивое развитие: учебник для студентов всех специальностей высших учебных заведений / Ш. Ш. Хамзина, Б. К. Жумабекова. М.: Изд-во Дом Академии естествознания, 2016. 329 с.

⁵ Общественное мнение о разработке никелевых месторождений. Июль 28, 2012 г. [Электронный ресурс] // Ваше мнение!: Независимая социологическая служба. URL: <http://your-opinion.ru/2012/07/nikel-vtn/> (дата обращения: 26.05.2018).

References

1. **Komarova V.V.** [Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1999, no. 9, pp. 21-31. (In Russ.)

2. **Khamzina Sh.Sh., Zhumabekova B.K.** *Ekologiya i ustoychivoye razvitiye: uchebnik dlya studentov vseh spetsial'nostey vysshih uchebnykh zavedeniy* [Ecology and sustainable development: a textbook for students of all specialties of higher educational institutions], Moscow: Izdatel'stvo Dom Akademii yestestvoznaniya, 2016, 329 p. (In Russ.)

Support of the Ombudsman Institute for Sustainable Development of the Regions (Environmental Aspect)

T. D. Zrazhevskaya, Doctor of Law, Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law, Voronezh State University,
Ombudsman in the Voronezh Region, Honored Lawyer
of the Russian Federation, Voronezh, Russia;
tzrazhevskaya@yandex.ru

T. V. Kolobova, Advisor to Ombudsman Staff in the Voronezh Region,
Voronezh State University, Voronezh, Russia;
kolobova21@yandex.ru

The essence and goals of sustainable development, and its human rights basis are considered; the focus is on environmental protection as one of the main strategic goals for the development of Russian regions. The activities of the Regional Commissioner for Human Rights (Ombudsman) to protect the right to a favorable habitat are analyzed. The strategic and tactical areas of the ombudsman's work on the protection of the constitutional human right to a favorable environment are considered. The analysis of normative legal acts that create the legal basis for this activity is made.

Keywords: sustainable development; human rights; environmental protection; ombudsmen; Regional Commissioner for Human Rights in the subject of the Russian Federation.

© Т. Д. Зражевская, 2019

© Т. В. Колобова, 2019

Статья поступила в редакцию 28.05.2018

При цитировании использовать:

Зражевская Т. Д., Колобова Т. В. Содействие института омбудсмана устойчивому развитию регионов (экологический аспект) // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 79 – 86. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.079-086

Представлены тезисы доклада, посвященного роли пенитенциарной системы в ресоциализации осужденных, правовым основам трудового воспитания в условиях изоляции человека от общества на основе уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Рассмотрены вопросы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Липецкой области, Общественной наблюдательной комиссии региона и УФСИН. Показана актуальность проблемы соблюдения прав осужденных.

Ключевые слова: трудовое воспитание; Федеральная служба исполнения наказаний; статус заключенных; пенитенциарная система.

Валерий Петрович Кузовлев, д-р пед. наук, профессор,
Уполномоченный по правам человека в Липецкой области,
Липецк, Россия,
upch@admlr.lipetsk.ru;

Сергей Васильевич Микушов, начальник отдела аппарата
Уполномоченного по правам человека в Липецкой области,
Липецк, Россия,
smikushov@yandex.ru

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА (на примере Липецкой области)*

«Труд – первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [2].

В наше время на гипотезу о длительном историческом процессе происхождения человека от обезьяноподобных предков обрушилась масса обоснованной научной критики. Тем не менее каждый, кто умеет читать между строк, может рассматривать высказывание великого немецкого историка и философа о труде применительно к абсолютно другой ситуации.

Заключенные – одна из наиболее отверженных в ряду эксклюзивных групп общества и часто жертвы стереотипов. Каждый из них когда-то оступился. Распространенное мнение – «для общества потеряны». Но всегда ли это утверждение соответствует истине? Статья 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ гласит: «Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний»¹.

* По материалам Международной научно-практической конференции «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, 29 мая 2018 г.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 1-ФЗ от 08.01.1997 (ред. от 20.12.2017).

Проблемам института наказания, практике его исполнения и исправления осужденных уделяют серьезное внимание специалисты в области уголовного права, криминологи и пенитенциаристы. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием.

Непосредственное участие в судьбах желающих стать на путь исправления принимают представители общественности. Например, через деятельность общественных наблюдательных комиссий (ОНК), неизвестных в специализированных кругах.

Основные формы деятельности общественной наблюдательной комиссии: посещение мест принудительного содержания для осуществления общественного контроля; рассмотрение предложений, заявлений и жалоб лиц, находящихся в местах принудительного содержания, иных лиц, которым стало известно о нарушении прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания; подготовка решений по результатам проведения общественного контроля (решения ОНК носят рекомендательный характер)².

Далеко не последнее место тематика пребывания осужденных в местах заключения занимает и в деятельности региональных омбудсменов.

Уполномоченный по правам человека в Липецкой области и Общественная наблюдательная комиссия региона начали конструктивное взаимодействие с самого момента ее создания.

Общественные наблюдательные комиссии выполняют важную социально значимую для государства задачу, делая работу закрытых учреждений более прозрачной для общества, способствуют сокращению фактов нарушения прав человека и закона в местах принудительного содержания и повышают уровень доверия населения к работе органов власти.

Уполномоченный по правам человека в Липецкой области и сотрудники его аппарата принимают участие в выездных проверках исправительных учреждений и изоляторов временного содержания Липецкой области. Во время визитов участвуют в работе с обращениями граждан, организуют мероприятия по правовому просвещению.

И сотрудники аппарата Уполномоченного, и члены ОНК Липецкой области постоянно повышают свою квалификацию. Например, в марте 2018 года они участвовали в совместном проекте Уполномоченного по правам человека в РФ и Совета Европы «Российские ОНК: новое поколение», где прослушали курс лекций и успешно прошли практические тренинги. Обучающий семинар проходил в городе Светлогорске Калининградской области.

²Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федер. закон № 76-ФЗ от 10.06.2008 (ред. от 19.07.2018).

Совместная работа липецкого омбудсмана, ОНК и регионального УФСИН и постоянные наблюдения за ситуацией позволяют сделать вывод: многие осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, готовы работать и вновь стать полноценными членами общества.

Но все ли для этого есть в системе исполнения наказаний и насколько активно, с какой степенью заинтересованности к этому процессу подключается местная власть?

Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

В УФСИН России по Липецкой области ведется работа по исправлению осужденных через трудовую деятельность. Многочисленные цифры говорят сами за себя: в восьми подведомственных учреждениях – семи центрах трудовой адаптации и одной учебно-производственной мастерской – усилиями объектов исправления выпускаются различные виды продукции.

Общая площадь цехов и участков учреждений уголовно-исполнительной системы Липецкой области составляет 68 тыс. кв. м, площадь складских помещений – 12 тыс. кв. м. Производственные площади оснащены инженерными коммуникациями, технологическим оборудованием, грузоподъемными механизмами, а также имеют подъездные железнодорожные пути и автодороги.

Для выпуска промышленной продукции производственный сектор региональной уголовно-исполнительной системы (УИС) располагает разнообразным оборудованием: металлорежущим, сварочным, прессовым, термическим, деревообрабатывающим, швейным и др.

Региональное управление ФСИН делает определенные шаги в плане популяризации производимой исправительными учреждениями продукции, организуя выставки, в ходе которых нередко реализуется товар.

Известно также, что к организации совместных производств привлекаются представители бизнеса, с муниципальными образованиями налажено сотрудничество в плане выпуска продукции для благоустройства территорий, например, контейнеров для сбора твердых бытовых отходов, остановочных павильонов, рабочей одежды и обуви³.

Казалось бы, чего еще желать? Уголовно-исполнительная система располагает необходимым инструментарием для полноценной, максимально эффективной деятельности по перевоспитанию контингента и возвращению осужденных в лоно гражданского общества в качестве полноценных и полезных его членов.

³Справка УФСИН России по Липецкой области: состояние производства и занятости за 6 месяцев 2018 г. Липецк, 2018.

Но ознакомившись с отчетами регионального УФСИН, замечаем в цифрах одно серьезное несоответствие.

За 5 месяцев 2018 года в исправительных учреждениях Липецкой области отбывали наказание 5785 человек. При этом число привлеченных к оплачиваемым работам за указанный период составило 1848 человек, то есть менее 32 % от общего числа!

Налицо факт диспропорции и отсутствия паритета в соотношении работающих заключенных и тех, кто по каким-то причинам к работам не привлекается.

Таким образом, неработающий заключенный занимается лишь тем, что несет наказание (известный тезис – лишение свободы и есть наказание). О процессе его исправления и превращения в Человека благодаря труду в такой ситуации говорить не приходится.

Что же за причины заставляют «сидельцев» просто сидеть?

В настоящее время в исправительных учреждениях УИС Липецкой области выпускается более 1000 наименований изделий, которые входят в перечень товаров, производимых учреждениями и предприятиями УИС, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика, утвержденного постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 года № 1292.

Несмотря на это, за 5 месяцев 2018 года объем муниципального заказа составил всего 2 миллиона рублей, в 2017 году – лишь 67 тысяч (!) рублей. Кроме того, несколько крупных предприятий промышленного и перерабатывающего сектора области практически полностью прекратили деловое сотрудничество с учреждениями УИС.

В качестве путей решения этой серьезной проблемы руководство УИС обозначает такие меры, как организация сотрудничества с предприятиями малого и среднего бизнеса, являющимися в настоящее время одними из наиболее динамично развивающихся секторов экономики; активизация взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти Липецкой области в части размещения в исправительных учреждениях заказов на производство и поставку продукции для региональных и муниципальных нужд; проведение совещаний с участием представителей администрации области, муниципальных образований и бизнес-сообщества по вопросам повышения экономической эффективности труда осужденных и создания для их трудовой адаптации дополнительных рабочих мест.

В ходе совместных посещений ОНК с Уполномоченным по правам человека мест лишения свободы определенную тревогу омбудсмена вызвала ситуация с дневальными – заключенными низкого «статуса», которые на постоянной и «профессиональной» основе занимаются уборкой помещений.

Если говорить о модели общества, создаваемой в местах лишения свободы, то естественным образом на ум приходит мысль о постоянной ротации в составе уборщиков. Сегодня заключенный занимается квалифи-

цированным и развивающим трудом на производстве, требующем мыслительного процесса и концентрации внимания, а в определенный момент, согласно графику, берет в руки швабру и ведро. Только при таком условии роль труда в процессе возвращения в общество человека, преступившего закон, может стать для него определяющей и судьбоносной.

Исправительная (в подлинном смысле слова) работа должна быть хоть сколько-нибудь увлекательна для объекта исправления. В знаменитом романе «Финансист» претендент на Нобелевскую премию в области литературы Теодор Драйзер повествует о том, как деятельный заключенный, в прошлом управлявший огромными денежными потоками и совершивший финансовое преступление, Фрэнк Каупервуд научился делать плетеные стулья и ухаживал за созданным своими руками цветником. Этот сильный духом человек по своей природе не мог сидеть без дела.

Безусловно, несравненно меньшими возможностями располагают «рядовые» российские заключенные. Тем не менее есть все основания полагать, что пройдя свой несправедливый участок жизненного пути, большинство из них поймет, что только труд способен вывести их на дорогу жизни и сделать Человеком. Но труд содержательный, созидательный. Не каждодневная, способная в самый короткий срок опостылеть до омерзения работа дневального, которого в местах не столь отдаленных унижительно называют «шнырем».

В ходе своих визитов в исправительные учреждения Уполномоченный по правам человека в Липецкой области отмечает все плюсы и минусы, достоинства и недостатки условий содержания заключенных. Ни разу омбудсмен не столкнулся с жалобами на недостаток питания, которое предоставляется заключенным на сумму 114 рублей на человека в день. К слову сказать, в 2017 году питание в УИС региона было организовано за счет Государственного резервного накопительного фонда, направившего на эти цели без малого миллиард рублей. Досуг для спецконтингента также обеспечен. В их распоряжении библиотеки и спортивные залы, пусть и не слишком богато оснащенные.

Но вот с занятостью осужденных в рабочее время, с предоставлением им трудовых мест на производстве, как выяснилось, проблема существует, и проблема весьма серьезная и многоплановая. В первую очередь алогизм заключается в том, что учреждение системы исполнения наказаний попросту превращается в некий санаторий, где «клиента» кормят, одевают, водят на оздоровительные прогулки. А оплачивает отбывание по «путевке» наше государство, простой российский налогоплательщик. Уже есть прецедент, когда суд обязал вернуть деньги за содержание в колонии. Истцы подсчитали, что страна потратила на гражданина 119 478 рублей: столько стоили одежда, питание, коммунальные услуги [1]. И число подобных случаев неизбежно будет расти.

Но это лишь материальная сторона дела. Наша же задача состоит в том, чтобы подчеркнуть особую значимость труда заключенных во имя их исправления и возвращения в общество уже искупившими свои грехи.

Задача руководства УФСИН – делать намного больше того, что обозначено сотрудниками управления в качестве обязательных мер. Необходимо обеспечить контингент рабочими местами, а значит, работой, созидательным и содержательным трудом. По максимуму использовать административный ресурс, доводя до имеющих отношение к данному профилю должностных лиц необходимость подобных действий, подключать руководство муниципалитетов и искать точки соприкосновения, активизировать бизнес-сообщество, уметь заинтересовать, разъяснить возможность общей материальной выгоды от сотрудничества, заниматься продвижением товаров и услуг, предоставляемых объектами исправления.

Максимально подробно и развернуто эта концепция изложена в разделе «Трудовая деятельность, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных» распоряжения Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»⁴. В данной статье рассмотрен лишь небольшой спектр вопросов, который требует решения в самом ближайшем будущем и который вполне может быть решен с использованием одних лишь местных ресурсов.

Заинтересовано ли общество в том, чтобы более двух третей осужденных возвращались из зоны отчуждения чужаками, людьми, неспособными идти в ногу с жизнью? Ответ очевиден для всех. Сложившаяся ситуация должна претерпеть радикальные изменения.

«Труд создал самого человека», – писал Ф. Энгельс полтора века назад. Сегодня мы развиваем эту мысль, и утверждаем, что труд способен *изменить* человека. Труд способен превратить человека в Человека [2].

Список литературы

1. **Козлова Н.** Тюрьма за свой счет. Суд обязал заключенного вернуть деньги государству за содержание в колонии // Российская газета – Столичный выпуск. 2018. 25 сентября. № 7676 (213).
2. **Энгельс Ф.** Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М.: Политиздат, 1969. 18 с.

References

1. **Kozlova N.** *Rossiyskaya gazeta – Stolichnyy vypusk* [Rossiyskaya Gazeta – Capital Issue], 2018, 25 September, № 7676 (213). (In Russ.)
2. **Engel's F.** *Rol' truda v protsesse prevrashcheniya obez'yany v cheloveka* [The role of labor in the process of turning a monkey into a man], Moscow: Politizdat, 1969, 18 p. (In Russ.)

⁴О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 №1772-р (ред. от 23.09.2015).

Institute of Commissioner for Human Rights and Penitentiary System (the Example of the Lipetsk Region)

V. P. Kuzovlev, *Doctor of Education, Professor,
Commissioner for Human Rights in the Lipetsk Region, Lipetsk, Russia,
upch@admlr.lipetsk.ru;*

S. V. Mikushov, *Head of Department
Commissioner for Human Rights in the Lipetsk region, Lipetsk, Russia,
smikushov@yandex.ru*

The paper presented at the conference “Universal Declaration of Human Rights as a Legal Condition for Sustainable Development of the State and Society” focuses on the role of the penitentiary system in the re-socialization of convicts, the legal foundations of labor education in the context of the isolation of a person from society on the basis of the Russian Federation criminal law legislation. It covers the issues of interaction between the Commissioner for Human Rights in the Lipetsk region, Public Observation Commission of the region and the FPS. The problem of respecting the rights of convicts is discussed.

Keywords: labor education; Federal Penitentiary Service; prisoner status; penitentiary system.

© В. П. Кузовлев, 2019

© С. В. Микушов, 2019

Статья поступила в редакцию 25.05.2018

При цитировании использовать:

Кузовлев В. П., Микушов С. В. Институт Уполномоченного по правам человека и пенитенциарная система (на примере Липецкой области) // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 87 – 93. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.087-093

Статья содержит авторские размышления о международной системе эпохи «постмодерна», сопряженной с «правом силы» и попытками ограничения суверенитета отдельных государств. Приведен анализ текущего кризиса современного международного права, в основе которого лежат политические и духовные основания. Автор констатирует процесс разрушения Ялтинской системы международного права и международного права как такового. Актуализированы политико-правовые проблемы взаимодействия России и зарубежных стран.

Ключевые слова: международное право; нигилизм; «дело Скрипалей»; Ялтинская международная система; Организация Объединенных Наций.

Борис Александрович Куркин, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
kurkin.boris2012@yandex.ru

НИГИЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО*

Сказать, что современное международное право пребывает в кризисе, значит не сказать ничего. Но для ясности следует определить, что есть «кризис», поскольку развитие международного права после Второй мировой войны протекало отнюдь не гладко. Процедуры, заложенные в Уставе ООН и призванные быть инструментом поддержания международного мира и безопасности, оказались малоэффективными, свидетельством чему стало значительное число региональных вооруженных конфликтов, не прекращающееся и по сию пору. Однако до мировой войны дело все же не дошло, хотя последняя могла разразиться и в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (планы США относительно ядерной бомбардировки СССР давно опубликованы) и в момент так называемого Карибского кризиса, разразившегося в октябре 1962 г. Правда, международное право и механизм обеспечения международной безопасности на основе Устава ООН оказались ни при чем. Все решали иные факторы – военного и политического характера.

Относительно стабильной система международной безопасности стала лишь к 1972 г., когда между СССР и США был достигнут ядерный паритет и между странами был заключен ряд фундаментальных двухсторонних соглашений. Данная система рухнула в 1991 г. и, кажется, к великому удивлению США, несмотря на то что на разрушение СССР были потрачены огромные усилия коллективного Запада. С этих пор можно с полным

* По материалам VII Всероссийской научно-практической конференции «Сильное государство» в глобальном мире: правовое и политическое измерение», состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, 4–5 октября 2018 г.

основанием отсчитывать конец международного права как регулятора сложившейся системы международных отношений.

Будем трезвы и реалистичны: несмотря на существование на бумаге договоров и соглашений, а также международных организаций, призванных поддерживать мир и безопасность, последнее существует до тех пор, пока договаривающиеся стороны обладают необходимой силой и влиянием. Как только паритет рушится, международные договоренности летят под откос, ибо мир признает силу и только силу, а все прочее (идеология) – «гарнир к основному блюду».

Весьма показательной акцией США стало их военное вторжение, начавшееся 20 декабря 1989 г., в Панаму под кодовым наименованием «Операция “Правое дело”» (Operation Just Cause).

По сути, это был акт прямой агрессии. Более того, государственный деятель Панамы – ее лидер генерал М. Норьега был арестован на основании решений ... американских судов. Это было уже прямое попрание иммунитета государственных деятелей. Никаких протестов со стороны других государств, за исключением руководства Кубы, не последовало. Был создан прецедент, когда по решению национального суда можно арестовывать и судить глав государств, неугодных США.

В 1999 г. США и другие страны НАТО предъявили тогдашней Союзной республике Югославии ультиматум о прекращении внутри страны столкновений между сербами и косовскими албанцами, причем ультиматум носил односторонний характер – в пользу албанцев. Вскоре американцы и европейцы начали массированные бомбардировки этой страны, а затем и вторглись на ее территорию. США официально провозгласили принципиально новую внешнеполитическую доктрину – нарушение «прав человека» в любой части мира может повлечь за собой военное вмешательство стран Запада, являющихся «осью добра» и носителями «иудеохристианской цивилизации», обязательной для всего остального мира, что предполагает борьбу с так называемой «осью зла», состоящей из стран и народов, чьи традиции не соотносятся или не во всем соотносятся с «иудеохристианскими ценностями».

При этом, как подчеркивал В. И. Карпец, «с “осью зла” соотносились принципы как социализма, язычества или ислама, так и христианства, только восточного, православия, одинаково, по мнению авторов новой американской доктрины, так называемых “неоконов” (“неоконсерваторов”), несовместимых с “иудеохристианством”». По сути, на вооружение была прямо взята идея Самуила Хантингтона, ставившего проблему как The West and the Rest («Запад и все остальное») [3].

Первые, по Хантингтону, включают в себя Запад и Японию – около 15 % мирового населения, последние – все остальное. «Это разграничение было отражено и в каком-то смысле перевернуто после “холодной войны” американскими учеными, которые поделили мир на “зоны мира” и “зоны беспорядка”» [4, с. 32].

Следует иметь в виду, что в 1999 г., после проведенной НАТО без мандата ООН войны против Югославии, на саммите НАТО было принято решение об изменении устава альянса, по которому зона его ответственности расширялась за пределы национальных границ государств

членов НАТО. Как отмечает в связи с этим Председатель Конституционного Суда России В. Д. Зорькин, «начатое после этого расширение НАТО на Восток стало никак не объяснимым военно-политическими рисками (и потому очевидно враждебным) разрушением баланса вооруженных сил вблизи государственных границ России» [1].

Таким образом, посправление международного права носило двоякий характер: во-первых, военная операция против суверенного государства была реализована в обход Устава ООН и ничем не отличалась от прямой агрессии. Во-вторых, был применен метод противопоставления принципов международного права – принципа уважения прав человека принципу государственного суверенитета. Причем, принцип соблюдения прав человека толковался исключительно произвольно – в соответствии с принципом «Запад и все остальное».

Мы имеем дело с последовательным и целенаправленным сломом наследия Вестфальского мира, включая Ялтинско-Потсдамскую систему мироустройства, и подрыв основополагающих принципов ООН, включая принцип национально-государственного суверенитета. В последнее двадцатилетие по инициативе и при непосредственном участии США происходило прямое политическое и военное вмешательство во внутренние дела суверенных государств без мандата ООН.

Относительно новым явлением стало открытое провозглашение идеи избранности, исключительности и особых глобальных прав американского государства и американского народа, который уже очень давно активно используется в США во внутривластной лексике. Такие идеи в последние годы стали все настойчивее и откровеннее предъявляться во внешнеполитических документах и выступлениях американских официальных лиц.

Одновременно американскими СМИ стал создаваться миф о критической угрозе Европе со стороны якобы уже созданного ракетно-ядерного потенциала Ирана и КНДР. И именно на основе внедрения в массовое сознание американцев и европейцев этого мифа, США в 2002 г. в одностороннем порядке вышли из договора с Россией о противоракетной обороне (ПРО), и начали подготовку к созданию в Восточной Европе – то есть, опять-таки вблизи российских границ, – баз так называемой «Европейской ПРО». Иными словами, приступили к фундаментальному разрушению ракетно-ядерного баланса сил с Россией.

Мы являемся свидетелями того, как рушится система международного права, как и «система» вообще, никто уже ничего не объясняет, и никто ничем не оправдывает и не легитимизирует своих действий, но просто говорит «Будет так». Попираются не просто нормы международного права, но и права как таковые. На это обратил внимание В. Д. Зорькин. Весьма показательным, по его мнению, является так называемое «дело Скрипалей». Речь идет об отравлении (или мнимом отравлении) в Великобритании 4 марта 2018 г. работавшего на британскую разведку бывшего полковника ГРУ С. Скрипала и его дочери.

Дело Скрипалей как раз показало, что «если при оценке спорной ситуации отказаться от понимания справедливости как равенства, соответствия, предсказуемой и понятной каждому разумному человеку связи между

деянием и воздаянием, между виной и ответственностью, между обвинениями и доказательствами и т.д., а вместо этого ориентироваться на партикулярное чувство справедливости, апеллирующее к аргументам морального характера, то легко можно получить ситуацию хаоса. Причем, что особенно опасно, – такого управляемого хаоса, когда манипулирование соображениями некой моральной справедливости, подогреваемые игрой на чувствах страха, возмущения, сострадания и т.д., блокирует возможность трезвого, рационального анализа» [2].

Возникает опаснейшая угроза фактической «отмены» базовых опор правосудия, восходящего к исходному пониманию справедливости, с имманентно присущими ему атрибутами равносправедливого подхода: презумпцией невиновности, состязательностью и равноправием сторон, беспристрастностью при вынесении суждений по делу, правом на защиту, невозможностью прямых обвинений при наличии лишь косвенных улик или предположений, и т.д.

Если взглянуть на дело Скрипалей с юридической точки зрения, то, как подчеркивает В. Д. Зорькин, увидим, что «раскрутка этого дела ловко выстроена с помощью фальсификации справедливости и права, то есть на псевдоправовой основе, заложенной еще в деле Литвиненко. Поскольку именно создание видимости полноценного правового разбирательства дела Литвиненко сформировало ту почву массовых представлений, которая далее раз за разом используется для раскручивания в Британии и других странах мира антироссийской истерии.

Люди, не знакомые с особенностями английской правовой системы, решили, что именно в ходе судебного *разбирательства* этого дела были выдвинуты и доказаны обвинения не только против двух российских граждан (Лугового и Ковтуна), но и против высших должностных лиц нашего государства» [2].

Однако в действительности никакого судебного разбирательства просто не было. Было так называемое коронерское дознание (*coroner's inquest*), то есть *следствие*, устанавливающее лишь факт и причину смерти. Оно было проведено судьей Оуэном, которому затем (что само по себе удивительно) было поручено и публичное рассмотрение-исследование (*public inquiry*), являющееся чем-то вроде журналистского расследования, по результатам которого готовится публично оглашаемый отчет.

Вот в этом-то отчете, не имеющем никакого правового значения и растиражированном всеми мировыми СМИ, судья Оуэн (на тот момент – уже бывший судья, то есть судья в отставке) и высказал все обвинения против российских граждан и высших должностных лиц государства, подстраховавшись при этом словечком *probably* (возможно) и сославшись на засекреченную доказательную базу. При этом многие СМИ до сих пор трактуют данный отчет как решение суда, вынесенное судьей сэром Оуэном, а мировое общественное мнение – от обывателей до многих политических лидеров – уверено в том, что имеет дело с английским правосудием, которому оно привыкло доверять.

Однако в деле Скрипалей то же самое британское правосудие использовало точно такую же неправовую схему, когда обвинение не доказано – чего стоят обвинительные обороты выступлений г-жи Терезе Мэй *highly likely* («весьма вероятно») и ее ссылки на слова сомнительных свидетелей

и секретность доказательств. Обвинение не доказано, а приговор вынесен, солидарно одобрен «евроатлантическим сообществом» и приводится в исполнение.

Однако и в деле Литвиненко, и в деле Скрипалей данное грубейшее нарушение правовых норм – не единственное. И такая грубая провокация становится средством международно-правового давления на суверенное государство – Россию и применения, точнее, усиления международно-правовых санкций к ней.

В данном случае имеем дело не просто с издевательством над правом, но издевательством над разумом, и даже не разумом, а рассудком и здравым смыслом (!).

Такие процессы могли быть запущены лишь в определенной духовной ситуации, контуры которой были очерчены Дж. Оруэллом. Уже никому ничего не нужно доказывать, а можно просто обвинить и ввести санкции. Странно, что наши юристы-международники стыдливо обходят эти вопросы молчанием.

Само по себе международное право как локальная подсистема внутри «системы», сложившейся уже к XVI в., содержит внутри себя глубинные внутренние противоречия, под давлением которых оно *не может не рухнуть*. Провозглашая, с одной стороны, примат прав человека, с другой, – принцип невмешательства во внутренние дела государств, оно тем самым фактически дезавуирует последний, делает его недействительным. Если права человека первичны, то *всякое* вмешательство во внутренние дела государств заведомо является оправданным, и все дело только в том, *кто* провозгласит себя борцом с мировым злом.

Как отмечал В. И. Карпец, созданное западной теологией и юриспруденцией международное право, было воплощено вначале в создании Лиги Наций, а затем и ООН как моделях надгосударственной силы, в конечном счете «мирового правительства». Однако И. В. Сталину удалось заложить под эту систему демократическую мину, каковой для ООН стало так называемое право вето Постоянных членов Совета Безопасности. Право вето на самом деле было необходимо *только нам*, и оно не дало тогда Западу возможность создать «мировую диктатуру» или, если угодно, сверхмонархию. В этом на самом деле и заключалась «метафизика Ялты» [3].

Любая правовая норма в любой правовой реальности состоит из гипотезы («если»), диспозиции («то») и санкции («иначе»). Для осуществления санкции всегда необходима сила государственного принуждения. Международно-правовые санкции всегда эфемерны и будут таковыми до тех пор, пока не будет установлен «новый мировой порядок», *всемирная* диктатура, «антицарство» или в православной эсхатологии «царство антихриста», которому всегда противостояли и противостоят или легитимные имперские монархии (до февраля 1917 г.), или – только структурно, но все же противостоят те государства и «правовые семьи», которые американские «неконы» и именуют «осью зла».

Таким образом, мы имеем дело с прогрессирующим международно-правовым и – шире – общеправовым нигилизмом, порождением постмодерна. Основные черты этого нигилизма заключаются в отказе от идеи равноправия народов, утверждении «права сильного» и фактическом отказе от разума. Таков современный ход вещей и противостоят этому может только сила.

Список литературы

1. **Зорькин В. Д.** Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=76> (дата обращения: 20.10.2018).
2. **Зорькин В. Д.** Справедливость – императив цивилизации права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85> (дата обращения: 20.10.2018).
3. **Карпец В. И.** Закат международного права [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/24/zakat_mezhdunarodnogo_prava (дата обращения: 20.10.2018).
4. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 660 с.

References

1. **Zor'kin V.D.** available in: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=76> (accessed 20 October 2018).
2. **Zor'kin V.D.** available in: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=85> (accessed 20 October 2018).
3. **Karpec V.I.** available in: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/24/zakat_mezhdunarodnogo_prava (accessed 20 October 2018).
4. **Huntington S.** *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations], Moscow: AST, 2003, 660 p. (In Russ.)

Nihilism and International Law

B. A. Kurkin, Doctor of Law, Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
kurkin.boris2012@yandex.ru

The article presents the author's reflections on the international system of the "postmodern" era, coupled with the "right of force" and attempts to limit the sovereignty of individual states. The analysis of the current crisis in modern international law, based on political and spiritual foundations, is made. The author states the process of destruction of the Yalta system of international law and international law as such. The article stresses political and legal problems of interaction between Russia and foreign countries.

Keywords: international law; nihilism; "The Skripals' case"; Yalta international system; United Nations.

© Б. А. Куркин, 2019

Статья поступила в редакцию 25.10.2018

При цитировании использовать:

Куркин Б. А. Нигилизм и международное право // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 94 – 99. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.094-099

Дано представление современного права как права постоянно реформируемого (jus semper reformanda). Обоснован тезис о том, что право должно постоянно меняться, отвечая на вызовы действительности. Проанализированы исторический опыт общественно-правовых реформ, их результат, роль правовых реформ в построении сильного государства, способного решать насущные проблемы и отвечать на реальные вызовы. В ходе исследования выявлено, что только право, непрерывно изменяющееся в соответствии с потребностями общества и государства, может обеспечить устойчивое развитие государства.

Ключевые слова: semper reformanda; право; государство; экономическая конституция; категории «сущее» и «должное».

Алексей Николаевич Марченко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический
университет», Тамбов, Россия;
alexey_ctk@mail.ru

ПРАВО «SEMPER REFORMANDA» КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВА*

Введение. В 2017 году Президент России Владимир Путин на Валдайском форуме заявил: «Мы должны сделать Россию очень гибкой и в высшей степени конкурентоспособной <...> Мы должны укреплять обороноспособность, совершенствовать свою политическую систему, чтобы она тоже была как живой организм и развивалась в соответствии с тем, как весь мир развивается». Президент отметил, что гибкость следует проявлять в формах и методах управления, экономике, внедрении новых технологий [4].

Таким образом, на высшем уровне обозначена задача сделать российское государство гибким и эффективным. Указание на гибкость подразумевает, что устойчивое государство это не гранитная глыба, не способная на какие-либо изменения. Такое государство должно реагировать на внешние воздействия, пытаясь приспособиться к ним. Сильное государство обязано изменяться под воздействием реальности.

Необходимо помнить, что право это не религия, где все нормы сформированы тысячелетия назад. Право – это инструмент, который в первую очередь должен быть эффективным.

Обсуждение. Известно, что реальный общественный строй существенно отличался от лежащей в его основе теоретической модели, ибо любая доктрина осуществима лишь при условии глубоких принципиальных

* По материалам VII Всероссийской научно-практической конференции «Сильное государство» в глобальном мире: правовое и политическое измерение», состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, 4–5 октября 2018 г.

искажений, диктуемых реальной социальной средой, логикой политической борьбы, интересами элит и иных социальных сил.

«Сущее» и «должное» – категории, в которых отражается важнейшее диалектическое противоречие между фактическим положением дел и надлежащим, положительным положением дел, нравственным либо правовым идеалом. Указанные категории одновременно являются моментами конкретного диалектического единства (реальности) и сторонами соответствующего диалектического противоречия. Человечество неустанно стремится восстановить единство, предпринимая попытки придать должному реальное бытие. Но поскольку поведение человека зависит не только от его субъективных желаний, но и от объективных факторов, восстановить диалектическое единство «должного» и «сущего», достигнув тем самым идеала, невозможно.

Согласно Т. Х. Гафарову, «проявлением онтологических оснований правовой реальности являются сущее и должное, два взаимосвязанных и не существующих друг без друга компонента, характер взаимодействия которых детерминирует уровень качественного состояния правовой реальности. При этом сущее соотносится с бытийными основаниями правовой реальности, а должное – с идеальными, а, значит, правовая реальность представляет собой диалектическое единство этих двух оснований» [1, с. 5 – 10]. Правовая реальность, или правовая действительность, здесь понимается как относительно автономный срез социальной реальности, объединяющий ее правомерные и неправомерные стороны [2, с. 5].

Эта правовая реальность формируется в результате воздействия права на социальную, экономическую, политическую реальность. И от эффективности этого воздействия зависит, насколько право актуально, в какой степени оно является «живым», реально претворяющимся в жизнь и достигающим поставленных законодателем целей.

Характерным примером эффективного реагирования государства и права на новую реальность и новые социально-политические и экономические вызовы является «Новый курс» Рузвельта.

Как известно, экономическая политика «Нового курса» проводилась, начиная с 1933 года, с целью выхода из масштабного экономического кризиса – «Великой депрессии» – охватившего США и другие страны в 30-е гг. XX в., и включала в себя комплекс мер по государственному регулированию и оздоровлению экономики. Одним из важнейших направлений политики «Нового курса» стало восстановление промышленного потенциала страны. С этой целью правительством Ф. Рузвельта была создана Администрация восстановления промышленности, или Национальная администрация восстановления (*англ.* – National Recovery Administration (NRA), символ «Синий орел» (NRA Blue Eagle)). Национальная администрация восстановления являлась одним из важнейших учреждений, созданных Рузвельтом в 1933 г. Задачи данной организации состояли в том, чтобы устранить последствия неограниченной конкуренции и перепроизводства путем широкого государственного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Правовой основой деятельности Администрации восстановления промышленности стал «Закон о восстановлении национальной промыш-

ленности» (англ. The National Industrial Recovery Act) от 16 июня 1933 г. (в дальнейшем ссылки на оригинальный текст документа приводятся по [3]). Так, Закон о восстановлении позволял предпринимателям или их объединениям устанавливать на добровольной основе «кодексы добросовестной конкуренции» (англ. – «Codes of Fair Competition»), утверждаемые президентом. Указанные «кодексы конкуренции» были, по существу, ни чем иным, как картельными соглашениями. На основании «Закона о восстановлении» посредством «кодексов» предприниматели договаривались между собой об основах предпринимательской деятельности (о единых ценах, фиксированном объеме производства, заработной плате, рынках сбыта и т.д.); так как правительство и Национальная администрация восстановления успешно сотрудничали с организованными в промышленные ассоциации представителями частного бизнеса: подобная система картелей охватывала до 90 % предприятий в промышленности, было принято около 500 «кодексов честной конкуренции». После утверждения президентом их нормы становились обязательными для вступивших в данное картельное соглашение предприятий и бизнес-ассоциаций; исполнение «кодексов» обеспечивалось силами государственного принуждения и соответствующими административными санкциями. В соответствии с «Законом о восстановлении» президент мог потребовать, чтобы бизнес-ассоциации включили определенные нормы в монополистическое соглашение в качестве условия для утверждения данного «кодекса». Кроме того, глава государства имел право провести слушания с участием представителей бизнеса и промышленных ассоциаций в целях разработки приемлемых с точки зрения правительства «кодексов конкуренции» и предложить собственный проект монополистического соглашения. Действие положений антимонопольных законов США, противоречащих комментируемому нормативному акту, приостанавливалось. Кроме того, Законом предусматривалась возможность регулирования цен на транспортировку нефти по трубопроводу и разрешалось вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов, если те будут изобличены в нарушении Закона о восстановлении промышленности¹.

¹ Английский текст пункта «а» части третьей раздела 1 «Закона о восстановлении национальной промышленности»: «SEC.3. (a) Upon the application to the President by one or more trade or industrial associations or groups the President may approve a code or codes of fair competition for the trade or industry or sub-division thereof, represented by the applicant or applicants, if the President finds (1) that such associations or groups impose no inequitable restrictions on admission to membership therein and are truly representative of such trades or industries or subdivisions thereof, and (2) that such code or codes are not designed to promote monopolies or to eliminate or oppress small enterprises and will not operate to discriminate against them, and will tend to effectuate the policy of this title: Provided, That such code or codes shall not permit monopolies or monopolistic practices : Provided further, That where such code or codes affect the services and welfare of persons engaged in other steps of the economic process, nothing in this section shall deprive such persons of the right to be heard prior to approval by the President of such code or codes. The President may, as a condition of his approval of any such code, impose such conditions (including requirements for the making of reports and the keeping of accounts) for the protection of consumers competitors, employees, and others, and in furtherance of the public interest, and may provide such exceptions to and exemptions from the provisions of such code, as the President in his discretion deems necessary to effectuate the policy herein declared».

На примере США эпохи Рузвельта мы получили возможность рассмотреть и сравнить «экономическую конституцию» и влияние на нее «основной» конституции, закрепляющей политическую составляющую общественной жизни, соотношение социальных сил, их компромисс, пределы полномочий властей либо отсутствие таковых пределов. Несомненно, что именно эффективная организация американского конституционализма, важнейшей частью которой является независимая судебная система, не допустила кажущуюся неизбежной концентрацию власти в руках национального лидера. Как известно, конституционно-парламентский строй имеет ряд существенных недостатков, одним из которых является отсутствие «консенсуса» между ветвями власти. Между тем, в России определенная часть общества скептически относится к идее разделения властей: «Делить власть государства – значит, разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга» (Т. Гоббс). Но гораздо большей угрозой представляется концентрация всех властных полномочий и возможностей в руках одного человека, хотя бы неординарного политика и национального лидера. В связи с опасностью подобного положения Бенджамин Констан предупреждает об эгоистичной и противоречивой сущности человеческой природы, всегда стремящейся к богатству, успеху, власти и неограниченному могуществу: «Это не рука является несправедливой, а орудие слишком тяжело – некоторые ноши слишком тяжелы для человеческой руки». Это заставляет нас, без сомнения, еще раз задуматься о нецелесообразности единоличного правления и всесилия исполнительной власти. Необходимы действенные конституционные методы контроля и, главное, эффективного ограничения властных возможностей правительств и глав государств, важнейшим из которых является конституционное правосудие.

Таким образом, в устойчивом сильном государстве неизменными остаются лишь основополагающие принципы и основные цели, которые призвано достигать данное государство. В остальном государство и право должны постоянно меняться, приспосабливаясь к действительности. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что в современном мире право должно приобрести особое свойство – быть правом *semper reformanda* (то есть, правом всегда реформируемым). Иным путем невозможно обеспечить устойчивость государства.

Особенно данный факт очевиден при анализе правового регулирования экономики государства и правового регулирования гражданско-правового оборота и порядка судопроизводства.

Заключение. Таким образом, основной недостаток современного правового регулирования в России – то, что оно должно отвечать на вызовы и оперативно разрешать назревающие проблемы. Не следует ждать, когда в обществе опытным путем будут найдены оптимальные решения:

- 1) такие решения, возможно, никогда не будут найдены;
- 2) если даже и будут найдены, то очень поздно.

Ситуативное регулирование показывает отсутствие единой концепции, следовательно, слабость прогнозирования. С таким ситуативным государственным регулированием государство само по себе может существовать, но оно не будет эффективным и сильным.

Полагаем, что «сильное государство» – эффективное государство, то есть государство, которое достигает своих целей, обеспечивая защиту суверенитета, расширение сфер влияния, обеспечение законности, защиту граждан и бизнеса, а в наше время – еще и пенсионное обеспечение, бесплатную медицину (контроль за платной медициной).

Если государство не способно эффективно достигать своих целей, оно не будет эффективным. Оно будет лишь жизнеспособным. Однако сильное государство определяется не его возможностью существовать, а его эффективностью.

Так, в данный момент Россия является нефтегазоносной ядерной державой, что гарантирует ее суверенитет в обозримой перспективе.

Но, к сожалению, по эффективности (в первую очередь по эффективности правового регулирования) нашу страну нельзя назвать сильным государством. Проблема заключается в запоздалом несвоевременном ответе нашего государства на вызовы, и проблемы, стоящие перед ним.

Следует помнить, что «перманентная реформа права» должна обеспечиваться политической открытостью. Иными словами, нельзя вмешиваться в электоральный процесс, ибо только с помощью деятельной оппозиции выявляется на раннем этапе весь комплекс зреющих проблем.

Изменение политической системы позволит быстрее выявлять потребности и вызовы общества, и следовательно, быстрее на них отвечать.

Таким образом, необходимость гибкой правовой системы во всех ее аспектах (избирательное право, предпринимательское право, конституционное право, процессуальное право и т.д.) является научным фактом, не зависящим от политических, культурных, религиозных и иных субъективных воззрений субъектов познания. И аполитичные, и сторонники правительства, и оппозиционно настроенные исследователи должны прийти к единому мнению по поводу того, что гибкость государства и правовой системы есть необходимое условие существования сильного государства.

Список литературы

1. **Гафаров Т. Х.** Диалектика сущего и должного в правовой реальности: дис. ... канд. фил. наук: 09.00.01 / Гафаров Тимур Хакимьянович. Магнитогорск, 2008. 145 с.
2. **Крет О. В.** Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис. ... канд. фил. наук: 09.00.01 / Крет Оксана Викторовна. Тамбов, 2007. 155 с.
3. **Ourdocuments.gov:** офиц. сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ourdocuments.gov/print_friendly.php?flash=false&page=transcript&doc=66&title=Transcript+of+National+Industrial+Recovery+Act+%281933%29 (дата обращения: 18.01.2019).
4. **Газета «Известия»:** офиц. сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/660796/egor-sozaev-gurev-natalia-rozhkova-elena-ladilova/my-dolzhny-sdelat-rossiiu-ustremlennoi-v-budushchee> (дата обращения: 18.01.2019).

References

1. **Gafarov T.Kh.** *PhD Dissertation (Philosophy)*, Magnitogorsk, 2008, 145 p. (In Russ.)
2. **Kret O.V.** *PhD Dissertation (Philosophy)*, Tambov, 2007, 155 p. (In Russ.)

3. https://www.ourdocuments.gov/print_friendly.php?flash=false&page=transcript&doc=66&title=Transcript+of+National+Industrial+Recovery+Act+%281933%2 (accessed 18 January 2019).

4. <https://iz.ru/660796/egor-sozaev-gurev-natalia-rozhkova-elena-ladilova/my-dolzhny-sdelat-rossiiu-ustremlennoi-v-budushchee> (accessed 18 January 2019).

Semper Reformanda Law as a Prerequisite of a Strong State

A. N. Marchenko, *PhD in Law, Associate Professor
Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
alexey_ctk@mail.ru*

The article deals with the substantiation of modern law as a constantly reforming law (jus semper reformanda). The research is intended to substantiate the thesis that law is subject to constant changes, responding to the challenges of society. The article analyzes the historical experience of social and legal reforms, their results, the role of legal reforms in building a strong state capable of solving pressing problems and responding to real challenges. The study revealed that only the law, which is continuously changing in accordance with the needs of society and the state, can ensure the sustainable development of the state.

Keywords: semper reformanda; law; state; economic constitution; “being”; “due”.

© А. Н. Марченко, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

При цитировании использовать:

Марченко А. Н. Право «Semper Reformanda» как необходимое условие устойчивого государства // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 100 – 105. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.100-105

Представлены материалы доклада, сделанного на конференции, посвященной политико-правовой проблематике «сильного государства» как явления. Рассмотрены политологические аспекты выстраивания модели «сильного государства» на основе сложившейся политической культуры российского общества в условиях его трансформации. Приведен вывод, что факторами формирования российской политической реальности является воля элит, масштаб «сильного государства», степень взаимодействия политических элит и граждан.

Ключевые слова: политическая культура; политические ценности; политический режим; политическое поведение; правовая культура; «сильное государство».

Владимир Федорович Пеньков, д-р полит. наук, профессор, кафедра «Связи с общественностью», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; pvf68@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ *

Введение

Для начала, полагаем, необходимо кратко сформулировать основные тезисы, раскрывающие суть позиции автора. Во-первых, сам феномен «сильного государства» предлагается рассматривать в ценностном и политико-правовом измерениях. Упрощая толкование сущности этого явления, считаем уместным вести речь о том, что *сила государства* есть способность властных институтов адекватно и своевременно реагировать на вызовы времени, концентрировать волю и ресурсы для решения прогнозируемых и спонтанно возникающих проблем, несущих в себе угрозу суверенитету страны, дестабилизации политических институтов и гражданского общества. Во-вторых, силу государства возможно «измерять» продолжительностью времени, потребного для полноценной реакции на кризисы, а также ценой ресурсов и возможных потерь. В-третьих, адекватность реакции властных институтов на возникающие проблемы и масштабы применения легитимного насилия предлагается рассматривать как своеобразный инструмент «тестирования» политической системы государства, ее элементов и взаимосвязей. В-четвертых, модификатором всех этих процессов следует признать политическую культуру, ее доминирующие типы и модели, а также характеристики носителей субкультур.

* По материалам VII Всероссийской научно-практической конференции «Сильное государство» в глобальном мире: правовое и политическое измерение», состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов, 4–5 октября 2018 г.

История цивилизации знает немало примеров того, как сильное государство решало возникавшие проблемы, делая активных граждан своими союзниками, соучастниками политических процессов. Безусловно, каждая эпоха, каждая правовая система использовала свои технологии и методы.

К примеру, если верить Плутарху¹, то сила древней Спарты времен Ликурга зиждилась на осознанном отказе спартанцев от владения землей в пользу государства, на строгом распределении продовольственных ресурсов с учетом приоритетного положения воинов, но с обязательными сисситиями (совместными трапезами). При наличии неизбежного в государстве расслоения населения по показателю децильного коэффициента, Ликург правовыми инструментами сделал невозможным кичливость богатых, а отсутствие внятной денежной системы вывели за рамки востребованности услуги мастеров золотых и серебряных дел, а также содержателей гетер.

Учитывая потребность Спарты в воинах, законы Ликурга весьма примитивно и жестоко формулировали и регулировали демографическую политику. Здесь холостяки подвергались позору, женская ревность и прелюбодеяния мужчин пресекалась. Суть спартанского воспитания сводилась к тому, что с семи лет юное поколение объединялось в «агелы» (отряды), становившимися «школой послушания». По сути, речь шла о формировании устойчивой аксиологической матрицы, в основе которой лежал культ силы, выносливости, военных навыков. В общественном сознании греховными признавались болтливость и нарциссизм. Всячески культивировался аскетизм: «Оставайтесь бедными и не желайте быть ни в чем больше соседа». Как известно, новации Ликурга привели к тому, что создание модели «сильного государства» восстановило против него аристократию. Да и правоприменительная практика Спарты, к примеру, в отношении пожилых и немощных, вряд ли, может быть признана гуманной. Но, повторим, в основу всего были положены законы Ликурга.

Здесь уместно вспомнить Платона², вложившего в диалогах с Сократом риторический вопрос: «Какой же прекрасной вещью должны мы считать закон?». Ответ последовал. И суть его сводилась к тому, что «закон – это некое мнение». Как, каким образом возникает это самое «мнение», – вот, пожалуй, весьма значимый для нас тезис, раскрытие которого потребует обращения к, казалось бы, далеким от юриспруденции аспектам знаний.

Обращаясь к авторитету классиков, приведем дефиницию Гегеля, считавшего, что закон «непосредственен и его содержание столь же непосредственно; это еще не нравы, не нечто живое, а нечто абстрактное; как закон он есть существование *общей воли* различных <индивидов> относительно единичной вещи»³.

¹См. подробнее: Плутарх. Ликург и Нума Помпилий // Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 91 – 156.

²См.: Платон. Минос. Сократ и его друг // Платон. Диалоги. М., 1986. С. 393.

³Гегель Г.В.Ф. Об орбитах планет. Философская диссертация // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. ст. А. В. Гулыги. М., 1972. С. 337.

Итак, сформулируем первый вывод наших рассуждений. «Сильное государство» должно иметь крепкую правовую основу, базирующуюся на воле. В основании системы права мы полагаем регуляторы реальных политических, экономических и социальных отношений. Регулятивные инструменты, в свою очередь, должны отражать систему ценностей государства и общества. Аксиологическая система, в нашем понимании, определяет политическую и правовую культуру, которая, в конечном счете, формирует образцы политического поведения и модели политического действия.

Для более рельефного раскрытия этого аспекта наших рассуждений, обратимся к анализу политических процессов и политической культуры.

I.

В современной политологии изучение политических процессов, политических отношений, мотивации политических действий, политических технологий и других феноменов, составляющих сущность всего того, что имеет отношение к политике, ведется с различных позиций. Предлагаем сосредоточиться на аксиологических аспектах научного анализа, уделив особое внимание ценностным основаниям политических явлений⁴.

По нашим оценкам, это имеет вполне определенный теоретический и прикладной смысл, поскольку российское общество и государство длительное время пребывают в межстадиальном периоде. Его сутью является переход от одной системы ценностных ориентаций к другой. Политические и социально-экономические преобразования последних десятилетий по своей масштабности, значимости и последствиям можно сопоставить с событиями первых десятилетий XX столетия, когда трансформация власти и политической системы, экономики и частной жизни привели к переустройству государства и общества. В начале 1990-х гг. Россия в очередной раз оказалась перед выбором оптимального пути своего движения в русле цивилизации. Все сферы политической, социальной, экономической жизни под воздействием реформ (зачастую – спонтанных и фрагментарных) претерпевают глубинные изменения. Смена общественно-политического строя, что де-юре зафиксировано в Конституции России 1993 г., декларирование новых принципов построения государственной власти и местного самоуправления, политического и экономического плюрализма, демократических прав и свобод, наконец, формирование зачатков гражданского общества – все это актуализирует необходимость осмысления всего комплекса политических проблем и процессов в аксиологическом измерении.

Почему не все модели реформирования 1990-х оказались способными успешно адаптироваться в российском социуме, принести желаемый результат? Что, не хватило воли, силы государства, наконец, правовых инст-

⁴ Автор статьи посвятил раскрытию этой проблематики одну из своих монографий. (См.: Пеньков В.Ф. Бегущий кентавр. Об аксиологических и социокультурных аспектах политических процессов. Издание второе, дополненное. Lambert Academic Publishing. Beau Bassin, 2018. 264 с.)

рументов? В нашем понимании модернизация в России сталкивается не только с политическими, экономическими, региональными, этническими, военно-стратегическими, конфессиональными и иными проблемами, но и специфическими факторами аксиологического толка. Именно они – эти факторы – становятся барьерами на пути трансформирования общества и государства. Управленческие решения в сфере политики наталкиваются не только на нежелание части общества принять их, но и предпринять минимальные усилия к их реализации⁵.

Психологическая неготовность отдельных страт к восприятию трансформируемой системы ценностей во многом объясняет затяжной и не всегда эффективный характер российских реформ. Терминальные (смыслообразующие) ценности в государстве и обществе окончательно не сгруппировались, их иерархия не выстроена. *Налицо аксиологическая многоукладность российского общества.*

В нашей стране политика доминирует над иными сферами жизни, что ведет к политизации экономики, социальной сферы, процессов регионализации, межнациональных, межпоколенческих, иных социальных отношений. Это обстоятельство выводит в число актуальных вопрос изучения политических процессов и институтов, механизмов политических действий и их последствий через аксиологическую призму.

Политика в России испытывает влияние различных факторов. Но, пожалуй, в числе наиболее «активно действующих» следует признать политическую культуру, являющуюся модификатором политического процесса. Ее ядро составляет система ценностей. Будучи компонентом политической системы, политическая культура активно влияет на политический процесс.

Именно политическая культура и лежащие в ее основе ценности, по нашим оценкам, задают направленность политическому процессу, во многом определяют ролевые установки его участников, а также ценностно-смысловую характеристику целей и способов развития. Приверженность социальных групп и отдельных индивидуумов тем или иным типам политической культуры определяет образцы политического поведения и модели политического действия. Противоречивость и конфликтогенность политической практики в России выдвигают изучение аксиологических аспектов политики в число актуальных и приоритетных направлений в отечественной политологии.

Форсированное внедрение вестернизированных моделей преобразования общества и государства, не сопрягающихся с российской системой ценностей, не учитывающих специфический тип и модель российской политической культуры, обречены на неуспех и вступают в противоречие с исторически сложившимся мироощущением и политическими тради-

⁵ Неприятие зачастую напрямую не зависит от масштаба трансформаций. К примеру, реакция на приватизацию государственной собственности или «монетизацию» социальных льгот, введение системы страховой медицины или взимания платы с большегрузных автомобилей по принципу «плати за тонну», полагаем, «не укладывается» в ценностный модуль значительного числа россиян. Недовольства начавшимся в июне 2018 года рассмотрением предложений по изменению пенсионного возраста граждан стало еще одним подтверждением этого тезиса.

циями россиян. Без выявления механизмов воздействия политической культуры на политические процессы невозможно прогнозирование и управление в политической сфере на этапе модернизации.

Обращение к изучению «взаимоотношений» политической культуры и политического процесса обусловлено потребностями российского общества. Став реальным «агентом влияния» в процессе политических преобразований, политическая культура зачастую предопределяет политический процесс, влияет на характер политического управления, расстановку политических сил, воздействует на степень согласия между государством и обществом, между властью и народом. Одной из особенностей политического процесса в современной России является то, что развитие идет в кризисных условиях, суть которого составляет *кризис системы ценностей*.

II.

В отечественной и зарубежной теоретической и прикладной политологии проблемам политической культуры уделено значительное внимание. Напомним, что само словосочетание «политическая культура» в научный оборот ввел немецкий философ И. Г. Гердер в 1784 г. В его работе «Идеи к философии истории человечества» упоминается о зрелости политической культуры (книга XII) и ее носителях (книга XIII).⁶ Хотя изучение аксиологических аспектов политических процессов имеют более давнюю традицию.

Этот аспект «звучит» еще в работах Аристотеля, Демокрита, Платона, Полибия. К этой теме обращаются М. Вебер, Л. Гумплович, Д. Дидро, Г. Зиммель, Н. Макиавелли, К. Маркс, Р. Михельс, Ш. Л. Монтескье, В. Парето, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвиль, А. Шопенгауэр, что указывает на приоритетность аксиологических методов оценки политического процесса, на неразрывную связь политических и ценностных компонентов общественной жизни.

В отечественной и зарубежной политической науке сложились вполне определенные традиции и школы изучения политической культуры. Данная проблема прямо или косвенно нашла отражение в трудах С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Н. И. Бухарина, В. А. Герье, Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, В. И. Ленина, И. К. Луппола, П. А. Сорокина, А. И. Стронина, П. Б. Струве, С. С. Уварова, С. Л. Франка, Г. П. Федотова, П. Я. Чаадаева, Б. Н. Чичерина.

Оригинальные идеи, раскрывающие взаимосвязь и взаимозависимость аксиологии с национальными особенностями процесса трансформации ценностных ориентаций социума, изложены в работах отечественных ученых второй половины XX в. (С. С. Ахиезер, М. Н. Губогло, Л. Н. Гумилев, Е. Я. Дугин, В. В. Ильин, В. М. Каиров, Ю. М. Лотман, Ю. С. Пивоваров).⁷

⁶ См.: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества: пер. с нем. М., 1977. С. 339, 368.

⁷ Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. В 2-х т. М., 1991; Губогло М. Н. Мобилизованный лингвизм. М., 1993; Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993; Дугин Е. Я. Кто есть кто в российском бизнесе. М., 1992; Ильин В. В., Ахиезер С. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы.

Проблемы утверждения в обществе новых ценностных компонентов в процессе реформирования социума, их социокультурной адаптации в условиях модернизации социально-политической и экономической систем находим в книгах и статьях: Б. А. Грушина, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, Н. И. Лапина, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядова.⁸ Аксиологический компонент политики раскрыт в работах: Ю. В. Бромлея, Н. С. Джунусова, Р. А. Зобова, В. Н. Келасьева, В. С. Комаровского, П. Т. Тимофеева.⁹ Исследования Ю. Г. Запрудского, А. Г. Здравомыслова, А. В. Глуховой, В. С. Комаровского, В. А. Кулинченко, В. А. Михеева, Л. И. Никовской, С. В. Рогачева, Л. Н. Тимофеевой, А. Н. Чумикова раскрывают конфликтогенный аспект политического процесса на стадии модернизации государства и общества, определяют оптимальные подходы к поиску консенсуса политических ценностей и социального партнерства.¹⁰

На разработку социокультурных аспектов политики оказывает заметное влияние изучение философских, культурологических и аксиологических проблем, а также востребованность научного знания в обществе. Очевидно, что период реформ актуализирует интерес к политической культуре, как фактору оптимизации политики.

Изучение политической культуры в заметной степени испытывает давление со стороны идеологического фактора. Наиболее отчетливо это проявляется в таких научных антиподах как марксистско-ленинская традиция, доминировавшая в советском общественном сознании недавнего прошлого, и англосаксонская политологическая школа. Коммунистическая идеология коллективизма и западная индивидуалистическая модель идеологии свободного рынка, расходясь в методах и посылах, схожи в жесткой зави-

М., 1997; Каиров В. М. Традиции и исторический процесс (Социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 1994; Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Пивоваров Ю. С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1996.

⁸ Грушин Б. А. Массовое сознание. Опыт определения и исследования. М., 1987; Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., 1999; Лапин Н. И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества. М., 1991; Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996; Ядов В. А. Символические и примордиалистские солидарности (социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен). СПб., 1994.

⁹ Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человек: Генезис духа (Диалоги философа, психолога, математика). СПб., 1994; Духовно-культурные процессы в современной России / Под общ. ред. П. Т. Тимофеева; Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Новые грани ментальности. Синергетический подход. М., 2011; Комаровский В. С., Смирнов В. В. Политика, политология, политическое управление. М., 1995.

¹⁰ Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт: Политологический анализ. Ростов-н/Д., 1992; Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М., 1995; Глухова А. В. Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997; Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М., 2000; Комаровский В. С. Социальная динамика политического конфликта // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996; Кулинченко В. А. О соотношении насилия и согласия в теории и на практике // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996; Михеев В. А. Социальное партнерство. М., 1995; Никовская Л. И. Особенности политической конфликтологии в современном российском обществе // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: ежегодник 2006 / Гл. ред. А. И. Соловьев. М., 2007; Рогачев С. В. Социальная динамика конфликта // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996; Чумиков А. Н. Социально-политический конфликт: теоретические и прикладные аспекты. М., 1993.

симости научных изысканий от идеологических постулатов и доминирующих ценностных моделей.

Признаем, что с методологической точки зрения исследования советских ученых представляют вполне определенный научный интерес, являются собой этап развития системы знаний об общественных процессах. Так, А. Г. Агаев, А. И. Арнольд, Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин, С. К. Рябов рассматривали политическую культуру как некую совокупность политических знаний, ценностей, принципов и способов политической деятельности, исторического опыта и традиций. По мнению Ю. П. Ожегова, Ю. А. Тихонова, Р. Г. Яновского, политическая культура – это обобщенная характеристика человека, степени его политического развития и активности, отражающая умение применять политические знания на практике. В трудах Е. М. Бабосова, Г. А. Белова, М. Т. Иовчука, Н. М. Кейзерова, Л. Н. Когана политическая культура предстает как процесс, способ, форма реализации сущностных сил человека, его знаний, убеждений в общественно-политической деятельности.¹¹ При этом в советский период был опубликован ряд исследований политической культуры социализма явно апологетического толка.

Современный этап изучения политической культуры, начало которого было положено в середине 1980-х гг., связан с именами исследователей, сумевших выйти за идеологические рамки и объективно взглянуть на социокультурный аспект политического процесса реформируемой России. Э. Я. Баталов, В. П. Васильев, К. С. Гаджиев, И. И. Глебова, И. Н. Гомеров, М. М. Назаров, Ю. С. Пивоваров, Я. А. Пляйс, Б. М. Пугачев, А. И. Соловьев, В. А. Тихонова, Б. Т. Туйчиев, Е. Б. Шестопал, В. А. Щегорцов, А. И. Яковлев в своих работах с разных позиций раскрыли многие политологические проблемы, в том числе политической культуры. Данные авторы придерживаются интерпретационного подхода, следуют традиции анализа политических и социокультурных проблем через призму социальных изменений, строят свои исследования на основе психологического контекста политики, а также на анализе аксиологических компонентов политической жизни.¹²

¹¹ Агаев А. Г. Судьба народностей. М., 1978; Арнольд А. И. Человек и мир культуры: Введение в культурологию. М., 1992; Бабосов Е. М. Нравственная культура молодежи. Минск, 1985; Белов Г. А. Особенности развития политической мысли России // Кентавр. 1994. № 1; Гончаренко Н. В. Диалектика прогресса культуры. Киев, 1987; Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Иовчук М. Т. Некоторые социологические проблемы развития духовной культуры в условиях современной научно-технической революции // Современные проблемы социализма. М., 1974; Кейзеров Н. М. Содержание термина «политическая культура» // Социологические исследования. 1981. № 4; Коган Л. Н. и др. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск, 1982; Ожегов Ю. П. Политическая культура молодежи. М., 1980; Яновский Р. Г. О возрастающем значении политического сознания // Коммунист. 1986. № 1.

¹² Баталов Э. Я. Политическая культура как социальный феномен // Вестник Моск. ун-та (социально-политические исследования). 1991. № 5; Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. 1991. № 6. С. 69 – 84; Глебова И. И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006; Гомеров И. Н. Политическая культура как модернизационная система. Новосибирск, 1995; Пивоваров Ю. С. Концепция политической культуры в современной политической

Изучение работ Г. Алмонда, М. Башира, А. Боднара, А. Брауна, С. Бира, С. Вербы, А. Вилдавского, Е. Вятра, К. Гирца, Р. Макридиса, Л. Пая, Р. Такера, С. Уайта, А. Улама, К. Феннера, П. Шарана позволяет сделать вывод о том, что для зарубежной политологии характерны бихевиаристский, субъективистский и интерпретационный подходы к изучению концепта политики и политической культуры.¹³

В российской политической науке изучение политического процесса ведется системно. В работах Э. Я. Баталова, А. В. Глуховой, М. В. Жеребкина, Е. Н. Мошелкова, В. В. Огневой, Ю. М. Плотинского, Л. Я. Хоперской, Т. Ф. Яковлевой исследованы теоретические и эмпирические модели политических процессов.¹⁴ Эти же проблемы представлены через призму

науке // Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования / Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 1996. С. 6 – 46; Пивоваров Ю. С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1996; Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. Лето 2002; Пляйс Я. А. Либерализм, консерватизм или нравственные ценности? // Мир и политика. Актуальные проблемы: ежегодник. М., 2011; Пугачев Б. М. Основные тенденции политического развития России. М., 1995; Соловьев А. И. Идеология и культура: политический дискурс современной эпохи // Политическая наука. М., 2003; Соловьев А. И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004 // Гл. ред. А. И. Соловьев. М., 2004; Соловьев А. И. Политическая культура // Категории политической науки. М., 2002; Тихонова В. А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект. М., 2001; Туйчиев Б. Т. Методологический анализ формирования и развития политической культуры и демократизация современного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ташкент, 1991; Шестопал Е. Б. Очерки политической психологии. М., 1990; Щегорцов В. А. Политическая культура: модель и реальность. М., 1990.

¹³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли. В 5 т. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997; Вятр Е. Социология политических отношений: пер. с польск. / Под ред. Ф. М. Бурлацкого М., 1979; Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29; Феннер К. Политическая культура // Политология: Краткий политологический словарь. Вып. 1. М., 1992; Шаран П. Сравнительная политология. В 2-х ч.: пер. с англ. М., 1992; Almond G. Comparative Political Systems. / Journal of Politics, 1956. V. 18, No. 3; Basheer M. Political Culture, Foreign Policy and Conflict: The Palestine Area Conflict System. L., 1982; Beer S. and Ulam A. Patterns of Government. N.Y., 1958; Macridis R. Interest groups in comparative analysis / Journal of Politics. 1961, February; Pye L.V. Political Culture / International Encyclopedia of Social Sciences. N.Y., 1968. V. 22.

¹⁴ Баталов Э. Я. «Нестабильность» и политический процесс // Конфликты и консенсус. 1992. № 2; Баталов Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. Лето 2002; Глухова А. В. Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования: дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997; Глухова А. В. Те десять лет. Постатейные хроники российской политической жизни, 1999–2009 гг. Воронеж, 2009; Жеребкин М. В. Политический процесс: типология и режимы функционирования. М., 1999; Мошелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996; Огнева В. В. Политической анализ процессов демократизации общества и государства в постсоветский период (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации): дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997; Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998; Хоперская Л. Я. Современные этнополитические процессы Северо-Кавказского региона: проблемы политического управления: дис. в форме науч. докл. ... д-ра полит. наук. М., 1997; Яковлева Т. Ф. Политические процессы в Восточной Европе (80-е гг.). М., 1991.

политической системы в публикациях М. Г. Анохина, Г. В. Каменской, А. И. Ковлера, В. С. Комаровского, И. М. Кривогуза, А. Н. Родионова, М. Х. Фарукшина.¹⁵

Основные векторы научных подходов и направлений изучения политической культуры в современной политологии представлены в публикации О. В. Малиновой, предпринявшей результативную попытку систематизации работ по этой проблематике.¹⁶

Особый пласт представляют научные работы по российской партологии. Публикации В. Вьюницкого, Г. В. Голосова, С. Заславского, З. М. Зотовой, Г. Л. Кертман, Б. И. Коваля, Ю. Г. Коргунюка, А. В. Кынева, В. А. Никонова, П. Ордешука, В. А. Олещука, В. Б. Павленко, В. В. Рябова, В. И. Селютина, О. М. Соловьева, В. И. Тимошенко, Р. Х. Усманова, В. Е. Федоринова, К. Г. Холодковского, Е. В. Черненко, И. Ф. Ярулина раскрывают генезис проблемы, определяют роль политических партий и общественных организаций в селекции политических ценностей на федеральном и региональном уровнях.¹⁷

¹⁵ Анохин М. Г. Политическая система: переходные процессы. М., 1996; Каменская Г. В., Родионов А. Н. Политические системы современности. М., 1994; Ковлер А. И. Партии в политической системе общества // Концепция современной политологии (введение). М., 1992; Кривогуз И. М. Становление политической системы Российской Федерации. М., 1998; Обновление политической системы России / Под ред. М. Г. Анохина, В. С. Комаровского, Ю. И. Матвеев. М., 1996; Фарукшин М. Х. Политическая система общества // Социально-политические науки. 1991. № 5.

¹⁶ Малинова О. Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // Политические исследования. 2006. № 5.

¹⁷ Вьюницкий В. От «дикой» многопартийности к блоковой системе // Диалог. 1990. № 17; Голосов Г. В. Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (О причинах развития политических партий в регионах России) // Общественные науки и современность. 2000. № 3; Заславский С. Власть и партии // Кентавр. 1994. № 3; Зотова З. М. Партии и общественные организации в политической жизни и управлении обществом. М., 1993; Зотова З. М. Партии России: Испытание выборами. М., 1994; Кертман Г. Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. 2007. № 1; Коргунюк Ю. Г. Избирательные компании и становление партийной системы в РФ с точки зрения социального представительства // Политическая наука. 2000. № 3; Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму российской избирательной реформы // Политические исследования. 2006; Никонов В., Ордешук П. Партии в федеративном государстве // Независимая газета. 1993. 2 февраля. № 19 (442); Олещук В. А., Павленко В. Б. Политическая Россия: партии, блоки, лидеры. Год 1997. М., 1997; Партии. Партии и политические блоки в России / Б. Коваль, В. Павленко. М., 1993; Политические партии и блоки на выборах (тексты избирательных платформ) / Вступ. ст. З. М. Зотовой. М., 1993; Политические партии России (Программные документы политических партий) // Сост. З. М. Зотова, В. В. Рябов, В. И. Тимошенко / Под общ. ред. В. В. Рябова. М., 1994; Селютин В. И. Многопартийная система в Российской Федерации и ее роль в современном политическом процессе. Воронеж, 2000; Соловьев О. М., Ярулин И. Ф. Институты государства и гражданского общества. Хабаровск, 1999; Усманов Р. Х. Политические партии и политические процессы в России в девяностые годы XX века: дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград, 2002; Федоринов В. Е. Многопартийность как организационная форма проявления политического плюрализма в России (компаративный подход) // Проблемы российской политической истории / отв. ред. В. Н. Глазьев. Воронеж, 2004; Холодковский К. Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Политические исследования. 2001. № 5; Холодковский К. Г. Российские партии и проблемы политического структурирования общества // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10.

По мере развития процесса модернизации в России в качестве обособленного объекта исследований политологов становится региональный компонент политического процесса. Интерес представляют исследования ученых, работающих как в столице, так и в субъектах Российской Федерации, которые «погружены» в ситуацию. Труды А. В. Баранова, Д. Бадовского, С. В. Борисова, Н. В. Борисовой, А. Г. Воржецова, Д. В. Доленко, О. И. Ковриковой, И. Куколева, Н. А. Лапиной, Н. Е. Матыциной, В. П. Пастухова, А. В. Понеделкова, Д. Г. Сельцера, О. И. Сенатова, Л. Н. Смирнягина, А. С. Титкова, Р. Ф. Туровского, Л. Л. Хоперской, А. Д. Шутова, А. Е. Чириковой и других раскрывают различные аспекты политической регионалистики: от местных особенностей электорального поведения до этнических факторов воздействия на политический процесс в многонациональных регионах, от социокультурных особенностей провинциальной системы ценностей до принципов формирования политических элит.¹⁸

Автор статьи ранее также обращался к региональной проблематике, в ряде исследований, в том числе, проводимых при поддержке «Фонда имени Фридриха Эберта».¹⁹

¹⁸ Бадовский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6; Баранов А. В. Региональная политическая культура Юга России в контексте теории социокультурных размежеваний [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Baranov_RAPN.pdf; Борисов С. В. Перспективы российской регионологии // Регион, региональность, регионализм. Нижний Новгород, 1995; Борисова Н. В. Региональные процессы в современной России и практика их научного осмысления // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005 / Гл. ред. А. И. Соловьев. М., 2006; Воржецов А. Г. Политическая трансформация в постсоветской России. Казань, 2011; Власть и элиты в российской трансформации / Под ред. А. В. Дуки. СПб., 2005; Доленко Д. В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск, 1993; Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. 1996. № 1; Лапина Н. А. Политические партии и перспективы партийного строительства в Самарской и Ярославской областях // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М., 2002; Матыцина Н. Локальные рынки труда // Человек и труд. 1993. № 10; Пастухов В. Парадоксальные заметки о современном политическом режиме // Pro et Contra. 1996. № 1; Пеньков В. Ф., Коврикова О. И. О ценностных ориентациях электората (на материалах социологических исследований в Тамбовской области) / Под ред. З. М. Зотовой. Тамбов, 1998; Понеделков А. В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов-н/Д., 2010; Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов, 2004; Сенатова О., Касимов А. Кризис политической системы и поражение идеи российского федерализма // Очерки российской политики. М., 1994; Смирнягин Л. Региональная политика всегда направлена сверху вниз // Рациональный регионализм. Экспертные суждения и оценки. М., 1995; Титков А. С. Образы регионов в российском массовом сознании // Политические исследования. 1999. № 3; Титова Л. Г. Государственные ценности в современном политическом процессе // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2006. № 2. С. 104 – 111; Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2007; Хоперская Л., Денисова Г. Современная национальная политика на Северном Кавказе (попытка анализа) // Этнополитический вестник. 1995. № 6 (12); Чирикова А. Е. Политические последствия вертикализации власти: федеральные и региональные измерения // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия. М., 2010.

¹⁹ Пеньков В. Ф. Об основных тенденциях трансформации политической культуры российской элиты // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов-н/Д., 2013. С. 888 – 903; Пеньков В. Ф. Политическая культура российской провинциальной элиты // Местное самоуправление в России и Германии: История и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф.. Ростов-н/Д., 2010. С. 790 – 805.

В условиях реформирования общества и государства, утверждения принципов гласности и свободы слова возрастает значимость коммуникативного ресурса политического процесса, анализ которого содержится в трудах специалистов в области политологии, коммуникативистики и журналистики.²⁰

Обособленной проблемой представляется изучение процессов гуманизации политического управления, изучение политических и культурологических аспектов управленческой деятельности, элитизма,²¹ развитие системы связей с общественностью²² на федеральном, региональном и му-

²⁰ Андреев Э. Средства массовой информации и реформирование России // Социально-политический журнал. 1996. № 4; Воробьев А. М. Средства массовой информации как фактор гражданского общества: процессы, тенденции, противоречия. Екатеринбург, 1998; Гайдук Я. А. Политическая культура государственных служащих федеративной России. М., 2012; Горохов В. М. Средства массовой информации в системе политических коммуникаций // Концепция современной политологии. Введение. М., 1993; Дугин В. Я. Формула успеха. М., 1992; Засурский Я. Н. Информационная безопасность: развитие доступа к информации // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. 1998. № 2; Киричек П. Н. Публицистика и политология: Природа альянса. Саранск, 1995; Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 1997; Поздняков А. Информационная война за влияние в мире и политическую власть // Власть. 1996. № 10; Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2012; Полуэхтова И. А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения. М., 2010; Прохоров П. Е. Введение в теорию журналистики. М., 1995; Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. 1995. № 5; Сидоров В. А. Политическая культура средств массовой информации. М., 1994; Средства массовой информации в меняющемся мире: сб. ст. / Под ред. И. Д. Лаптева, Т. С. Иларионовой. М., 1999; Сумма идеологий. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М., 2008; Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? сб. ст. / Под ред. К. Мацузато. М., 2004; Чичановский А. А. В тенетах свободы. Политологические проблемы взаимодействия властных структур, средств массовой информации и общества в новых геополитических условиях. М., 1995; Шарков Ф. И. Паблик рилейшнз. М., 2014.

²¹ Ашин Г. К. Современные теории элит: Критический очерк. М., 1985; Бир С. Т. Кибернетика и управление производством: пер. с англ. М., 1965; Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (Тектология). В 3 ч. М.-Л., 1925 – 1929; Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине: пер. с англ. М., 1958; Гаман О. В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. М., 1996; Гвишиани В. Д. Организация и управление. М., 1972; Гончаров В. В. В поисках совершенства управления: руководство для высшего управленческого персонала. М., 1993; Лоутон А., Роуз Э. Организация и управление в государственных учреждениях: пер. с англ. М., 1993; Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959; Мухин Ю. Наука управлять людьми: изложение для каждого. М., 1995; Соловьев А. И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом? // Политические исследования. 1999. № 2; Таранов П. С. Золотая книга руководителя. М., 1994.

²² Алехина И. Имидж и этикет делового человека. М., 1996; Блажнов В. А. Паблик рилейшнз. М., 1994; Блэк С. Паблик Рилейшнз: Что это такое? пер. с англ. М., 1990; Викентьев И. Л. Приемы рекламы и «Паблик рилейшнз». СПб., 1995; Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008; Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; Горьков В. М., Комаровский В. С. Связи с общественностью в органах госвласти. М., 1996; Государственная служба. Паблик рилейшнз в государственном управлении. Зарубежный опыт (реферативный бюллетень). М., 1998. № 1; Государственная служба России: Диалог с обществом / Под ред. В. С. Комаровского. М., 1998; Доти Д. И. Паблсити и паблик рилейшнз: пер. с англ. М., 1998; Егорова Е., Шестопал Е. Имидж власти и политиков: Беседа // Диалог. 1992. № 15–18; Институционализация российской модели связей

ниципальном уровнях, что также находит свое отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Модернизация общества, трансформация политической культуры под воздействием политического процесса заставляет по-новому взглянуть на вопросы восходящей и нисходящей социальной мобильности, социально-экономической детерминации стратификации общества, разрастания маргинальных слоев, а также гендерных компонентов политики²³. В контексте заявленной темы особое звучание имеют публикации, посвященные анализу формирования среднего класса в России, его политической культуры и формирующейся системы его (среднего класса) ценностей.²⁴

III.

И все же, как нам представляется, проблема взаимодействия и взаимовлияния политической культуры и политического процесса на этапе модернизации, осуществляемой в условиях кризиса, остается недостаточно изученной. Труды классиков зарубежной политической социологии (Л. Гумплович, Э. Дюркгейм, Г. Тард, Г. Лебон, В. Парето)²⁵ формируют методологию анализа политических процессов, но объективно не могут дать ответа на злободневные вопросы российской действительности.

с общественностью: теоретические и прикладные аспекты / Отв. ред. Д.Н. Нечаев. Воронеж, 2011; Кривов В. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов государственной власти: некоторые вопросы совершенствования // Власть. 1996. №1; Лебедева Т. Ю. Искусство обольщения. Паблик рилейшнз по-французски. Концепция. Практика / Отв. ред. Я. Н. Засурский. М., 1996; Невзлин Л. Б. «Паблик рилейшнз». Кому это нужно? Основы учебного курса. М., 1993; Ольшанский Д. В., Пеньков В. Ф. Политический консалтинг. СПб., 2005; Почепцов Г. Г. Имиджмейкер. Паблик рилейшнз для политиков и бизнесменов. Киев, 1995; Связь с общественностью – «паблик рилейшнз» государственной власти и управления / Под общ. ред. В. С. Комаровского. Алматы, 1997; Система функционирования общественного мнения «паблик рилейшнз». М., 1995; Урина Н.В. О секретах «обольщения» в политической и корпоративной коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. 1998. № 1.

²³ Айвазова С. Г. Гендер и российская политика // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М., 2004; Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. 1993. № 6; Дахин В. Н., Дахина Е. М. Формирование дуализма общественно-политической жизни России // Проблемы реформирования России и современный мир: сб. ст. Вып. II. М., 1993; На изломах социальной структуры. Маргинальность. Социологический анализ / Рук. авт. кол. А. А. Галкин; И. П. Попова. М., 1996; Рашковский Е. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М., 1989; Шапинский В.А. Культурная маргинальность как социально-философская проблема: дис. ... канд. филос. наук. М., 1990.

²⁴ Беляева Л. А. В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7; Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Средние слои в современной России (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 1998. № 7; Стариков Е. «Угрожает» ли нам появление «среднего класса»? // Знамя. 1990. № 10; Формирование гражданского общества в современной России (Социологические исследования 1994 – 1995 гг.): сб. обзоров. М., 1996; Тихонова Н. Е. Средний класс в России: жизнь после смерти // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1999.

²⁵ Гумплович Л. Основания социологии. СПб., 1899; Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев-Харьков, 1899; Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896; Pareto W. The Transformation of Democracy. L., 1984.

С методологической точки зрения структурно-функциональный, конфликтный, поведенческий подходы к анализу политического процесса, нашедшие отражение в трудах Т. Парсонса, Р. Дарендорфа и Ч. Мерриам,²⁶ в большей мере основаны на анализе англосаксонской модели политической культуры, не учитывают в полной мере евразийский характер российского общества и его уникальную ментальность, многонациональный характер России, а также сложившиеся в последние десятилетия политические реалии и зарождающиеся традиции.

Большая часть современных работ отечественных политологов, как правило, «порознь» рассматривает политическую культуру, политический процесс, проблемы политической аксиологии, социокультурные аспекты политики и политического поведения, в то время как взаимозависимость и взаимосвязь между ними очевидна и требует комплексного изучения затронутой темы. Превращение политической культуры и политических процессов в некий комплексный объект исследования, думается, позволяет выйти на весьма значимые научные обобщения и выводы. При этом значимой целью современного политологического исследования видится в необходимости выявления основных механизмов, тенденций и закономерностей взаимовлияния политической культуры и политического процесса, раскрытия детерминирующего характера социокультурного и аксиологического воздействия на политический процесс в России. В этот круг входит и тема «сильного государства», технологий и методов выработки и реализации политико-управленческих решений.

Думается, что сегодня в число приоритетов выдвигается изучение сложившихся в отечественной и зарубежной политологии методологических концепций научного анализа социокультурных и аксиологических факторов политики через призму политической культуры и политического процесса. Выявление степени их теоретической и практической значимости для оценки политической ситуации в России невозможно без проведения компаративного анализа основных традиций и школ изучения этих феноменов в отечественной и зарубежной политической науке. Только на этой методологической основе можно сформулировать основные принципы аксиологического подхода к изучению политических процессов.

Важной видится задача выявления характера связей между политической культурой, политическим процессом и политической системой российского общества, установления факторов, определяющих направленность и динамику политического процесса, механизмы и ресурсы влияния в сфере политики.

Этот инструмент позволяет раскрыть причины конфликтогенности политического процесса в России, проанализировать его региональный

²⁶ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9; Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Политические исследования. 1993. № 5; Мерриам Ч. Новые аспекты политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин и др. Т. 5. Зарубежная политическая мысль. XX в. М., 1997; Парсонс Т. Система современных обществ: пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева / Под ред. М. С. Ковалевой. М., 1997; Darendorf R. Konflikt und Freiheit. Munchen, 1972; Parsons T. Societies: Evolutionary and comparative perspectives. Englewood Cliffs. N. J., 1966.

компонент и коммуникативный ресурс, определить возможные пути оптимизации процесса модернизации через целенаправленное воздействие на политическую культуру, проанализировать процесс трансформации политической культуры под влиянием политического процесса и на этой основе определить ее доминирующий тип.

Базируясь на кросс-дисциплинарном научном анализе, полагаем возможным выявить терминальную систему ценностей (в том числе политических) российского общества, раскрыть процессуальные аспекты социальной селекции ценностей, роль в этом процессе институтов государства и формирующегося гражданского общества, а также политических партий. Феномен «сильного государства» возможно раскрыть в полной мере при обращении к различным аспектам ценностной мотивации политико-управленческих действий.

IV.

Обращение к социокультурным аспектам политического управления (как специфической формы публичной деятельности в рамках политического процесса) дает возможность обосновать концептуальные принципы организации связей с общественностью в политической сфере применительно к российской действительности, раскрыть аксиологические аспекты управленческой деятельности в политике на основе целенаправленного формирования политической культуры гражданского согласия, оптимизирующей процесс модернизации в современной России, превращающей «сильное государство» в инструмент «мягкой силы».

Автор исходит из того, что для модернизируемого российского государства и общества политическая культура выступает фактором оптимизации политического процесса. Но это оптимизация особого рода: в ряде случаев политико-культурологическое воздействие на политические процессы позитивно, а порой – негативно.

Политический процесс в современной России, рассматриваемый автором как некая функция политической системы, носит межстадиальный характер. Для него сегодня характерны, с одной стороны, выработка новой конфигурации государственной власти и местного самоуправления, усиление властных институтов, демократических механизмов их формирования, становление структур государства и формирующегося гражданского общества, раскрепощение социальных сил, внедрение и укрепление плюралистических традиций в политической и социально-экономической сферах. С другой стороны, мы имеем дело с политическим и социально-экономическим расслоением социума, повышенной конфликтогенностью, гипертрофированным обособлением национального, регионального, военно-политического, конфессионального и иных компонентов политического процесса. Все явственнее проявляется стремление к использованию силы властного прессинга в практике политического управления.

Политическая культура современного российского общества, несущая в себе не только политические знания, идеи, концепции, убеждения, традиции, ценности, коллективные представления, но и образцы политического поведения и моделей политических действий, по нашим оценкам, оказывает модифицирующее воздействие на политическую сферу, мате-

риализуется в реальной политике, выступает значимым фактором оптимизации политического процесса.

При этом терминальные социальные ценности (в том числе политические, составляющие ядро политической культуры) окончательно не сформированы. В России доминирует *транзитарный тип политической культуры*, для которого характерны «аксиологическая многоукладность» и рыхлость иерархии ценностей, высокая степень их восходящей и нисходящей мобильности, взаимоисключающая вариативность разного рода образцов политического поведения и моделей политических действий.

В нашем обществе продолжается процесс формирования политических субкультур, в том числе негативно воздействующих на преобразования, что является контрпродуктивным для политического процесса, становится преградой на пути общественно-политического развития, в конечном счете, ослабляет социетальный характер реформируемого общества.

Взаимоотношения политической культуры и политического процесса определяются автором как взаимозависимость и взаимовлияние: политический процесс «протекает» под воздействием политической культуры, в свою очередь, глубинные преобразования в социокультурной сфере предопределяются самим политическим процессом.

Политическая культура, в основании которой (*в идеале!*) лежат гуманные демократические ценности, способна стать посредствующим звеном масштабной государственной политики, обеспечивающей разумный компромисс между властью и народом, различными социальными группами. Формирование и утверждение в качестве доминирующей в обществе и государстве политической культуры гражданского согласия (как оптимальной модели) невозможно без утверждения в качестве терминальных социальных ценностей тех из них, которые близки и понятны народу, интегрируют, а не раскалывают его.

Снижение степени конфликтности политического процесса, полагаем, возможно лишь при условии утверждения в социальной практике демократической модели культуры политического управления, установления обратной связи и доверительных отношений между управляемыми и управляющими.

Надо признать, что процесс выработки ценностных ориентиров в политике идет постоянно. Аксиологические модели, подобно новообразованиям, возникают на уровне властных институтов и общественных формирований. Вспомним, к примеру, дискуссии вокруг термина «суверенная демократия», модели государства в условиях доминирования сырьевой экономики, аксиологических модулей российского среднего класса, ценностных ориентаций различных групп интересов или протестных движений в России 2011–2012 гг.²⁷

²⁷ Воскресенский А. Д. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011; Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворский. М., 2013; Григорьев Л. М., Макаренко Б. И., Салмина А. А., Шаститко А. Е. Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. М., 2010; Петров И. Обилие слабого государства // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5; Ильин М. В., Кудряшова И. В. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. М., 2011; Полтерович В., Попов В., Тонис А. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. № 2; Родин И. Суверенную демократию придумал Иван Грозный // Независимая газета. 2011.

Заключение

Политическая культура и составляющий ее ядро ценностный модуль представляются автору в виде некой кентавр-системы, где самым причудливым образом переплетены политические и аксиологические элементы, реалии и мифы, политические практики и теоретические модели, прошлое и будущее.

При этом, подобно бегущему кентавру, где человеческий разум и необузданная, импульсивно-диковая мощь коня несут его во времени и пространстве, политическая культура воздействует на политический процесс, преобразаясь под воздействием окружающей политической действительности, трансформируется, вырабатывая новые образцы политического поведения и модели политических действий, формируя ценностные ориентиры политики.

Автор убежден, что именно ценностный терминал политики определяет волю элит, масштаб «сильного государства», степень взаимодействия политических элит и граждан.

Axiological Aspects of a “Strong State”: Political, Legal and Sociocultural Dimensions

V. F. Penkov, *Doctor of Political Science, Professor,
Department of Public Relations,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
pvf68@mail.ru*

The article presents the materials of a report made at a conference devoted to political and legal issues of “strong government action” as a phenomenon. The political aspects of building a model of a strong state based on the prevailing political culture of Russian society in the context of its transformation are explored. It is concluded that the factors shaping the Russian political reality are the will of the elites, the scale of the “strong state”, the degree of interaction between political elites and citizens.

Keywords: political culture; political values; political regime; political behavior; legal culture; “strong state”.

© В. Ф. Пеньков, 2019

Статья поступила в редакцию 02.10.2018

При цитировании использовать:

Пеньков В. Ф. Аксиологические аспекты «сильного государства»: политико-правовое и социокультурное измерение // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 106 – 121. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.106-121

Рассмотрен терминологический аппарат, возникающий в процессе формирования категорий жилищной и градостроительной политики. Дан анализ содержания и концептуальных подходов к понятию «жилищный вопрос» в контексте его существования в Российской империи. Суммируются и характеризуются возможные каналы «обратной связи» между общественными и государственными структурами в попытках выяснить состояние жилой среды и потребности обывателей по ее поддержанию и преобразованию. Сделан вывод о трудностях такой коммуникации и закономерном появлении жилищных проблем в условиях нарастающей урбанизации.

Ключевые слова: градостроительная политика; жилая среда; жилищная политика; жилищный вопрос; Российская империя; социальная политика; строительное законодательство.

**Джасем Мустафа Ахмед Джасем, аспирант,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
mustafalawyer78@gmail.com**

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Введение. Современные представления об обоснованности градостроительной политики строятся на тезисе, что правовая политика в любой сфере регулирования будет эффективно достигать своих целей только лишь, если законодатель и правоприменитель будут опираться в ее реализации и разработке на реальные общественные запросы, потребности людей, общественные отношения. Данное представление выстроено на основе демократических ценностей, которые в концептуальном смысле понимаются как следование государственных решений вслед за потребностями общества. В эпоху, когда демократические постулаты еще не считались ценностями ни идеологически, ни конституционно, в России периода империи, правовая политика в отношении регулирования отдельных сфер общественной жизни структурно была выстроена, включала в себя цели, задачи, весьма обширный законодательный пласт, направленный на систему отслеживания результатов регулирования.

В частности, в градостроительной деятельности периода империи явно видны структурные составляющие правовой политики, хотя целесообразность избранных законодателем методов, способов регулирования, а также устойчивость идеологических концептов градостроительной политики — дискуссионная проблема истории градостроительного права и урбанистики в целом. Рассмотрим градостроительную политику в Российской империи с точки зрения постулируемого в начале тезиса об «обрат-

ной связи», основаниях принимаемых решений, лежащих в области общественных запросов.

Обсуждение. В условиях крепостного состояния большей части населения в XVIII – первой половине XIX в., и даже после отмены крепостного права, в условиях массовой неграмотности общества, отсутствия каких бы то ни было общественно значимых структур, каналов коммуникации с обывателями-застройщиками, государство могло понять общественные запросы и оценить эффективность законодательного регулирования, пользуясь следующими методами и возможностями.

1. *Обращения губернских властей*, а позже представителей органов местного самоуправления (последняя треть XIX – начало XX вв.) непосредственно в центральные надзорные органы. Эти обращения были столь часты и обширны, особенно в период резкой и жесткой унификации строительного законодательства в первой трети XIX в., что были отмечены специальным узаконением. В 1827 г. повелено, чтобы все планы казенных строений были представляемы на благоусмотрение императора.¹ Но в 1828 г., вследствие доклада министра внутренних дел «об излишнем затруднении Государя докладами планов, не имеющих особенно важного значения ни по работам, ни по ценности», устанавливалось представление только планов, составленных с отступлением от изданных образцов, и планов на важные здания, требующих значительных издержек.²

2. *Обследование городов*, сделанные официально, по разнообразным поводам, целью которых, как правило, было вовсе не получение информации о соответствии градостроительных реформ реальным потребностям и возможностям общества. Самые крупные такие компании – компания по перепланировке (составлению городских планов на первом ее этапе) российских городов екатерининского периода в последней трети XVIII в. и составлению планов городов, мероприятия по выявлению археологических и исторических древностей трудами и усилиями Археологического общества [8, с. 64–65] и др. Широко известна в литературе компания, материалы которой проанализированы в трудах советского историка П. Г. Рындзюнского, где он ярко показал недостатки городского планирования, хозяйства и злоупотребления, связанные с коррумпированностью губернских чиновников [9, 10].

Своеобразным итогом таких обращений к властям и обследований населенных пунктов становилось законотворчество в отношении самых разных «исключительных» условий, в которых могла протекать градостроительная деятельность. Российская империя, включавшая несколько климатических зон, разнообразных по количеству и качеству строительных материалов, территорий с населением, имевшим самые разные традиционные способы возведения построек и планирования городского пространства, не могла в градостроительном отношении во всем своем многообразии использовать унифицированные нормативные образцы для градостроительства. Особенностью юридической техники нормативных актов в целом, и в частности в области градостроительства, подмеченной и проанализированной исследователями, было огромное количество исключений:

¹ Полный Свод Законов Российской Империи (ПСЗРИ). № 1226. 1827 г.

² ПСЗРИ. № 2433. 1828 г.

изъятий из общего правила в виде примечаний к статьям систематизированных актов (Строительного Устава, Пожарного Устава и др.), исключительные узаконения, дарованные жителям городов по их просьбе (погорельцам, жителям, не имеющим возможности строиться по образцовым фасадам); исключительные правила для строительства в силу статуса отдельных поселений (казачьих поселений, фортификационных объектов, столичных городов и др.) [5, 6]. Характерным примером такого сюжета в рамках «обратной связи» застройщиков и администрации на местах, с одной стороны, и центральных органов власти, – с другой, является переписка по поводу отстройки Липецка после пожара в 1806, 1809 и в 1824–1825 гг., когда в ответ на ходатайство купца Егупова о пожаловании ему 2000 руб. «на построение дома» из губернского правления ответили, что «общее распоряжение относительно пострадавших уже сделано ... государя не беспокоить»³.

3. На основе *статистических данных*: обследований городов, ходатайств жителей и администрации, а в индивидуальных случаях отдельно для каждого поселения без принятия во внимание его статуса делались законодательные исключения в правилах градостроительства, в случае пожара и иных бедствий, когда застройщики объективно не могли выдерживать формируемых градостроительной политикой стандартов архитектуры, инженерного устройства, темпов возведения постройки. В этих случаях разрешалось отступать от стандартов даже в таких долгосрочных общественных отношениях, как отношения по поводу возведения, эксплуатации, ремонта городских объектов.

4. Еще одним субъектом «обратной связи» стало *мнение специалистов*: архитекторов, градостроителей, земских деятелей, санитарных врачей, которые в целом становились одним из факторов демократизации градостроительного законодательства и выражались в «разгосударствлении» руководства отдельными категориями градостроительной деятельности. Так, например, раньше, чем другие объекты застройки, перешли в ведение городского самоуправления решения по застройке маломерных усадеб, усадеб, находящихся на окраинах города, в кварталах, где городскими планами было разрешено деревянное строительство. Все время существования и активного использования «образцовых» проектов для застройки, их зачастую критиковали за излишнюю дороговизну, недоступность, отсутствие вариантов для небогатого застройщика, отсутствие вариантов, совмещавших в одной постройке жилые помещения и помещения коммерческого назначения и др. Пик критики пришелся на последний период обязательного применения образцов (для гражданского строительства 1850-е гг., для культового строительства – 1870-е), в связи с низким, в художественном смысле, качеством предлагаемых образцовых проектов, общей демократизацией художественных вкусов, бурным развитием рынка строительных услуг.

Градостроительные идеи в рамках государственной политики, в имперский период выражавшиеся в культе регулярного города, построенного по принципам повторяемости, раппорта, в классицистском духе симметрии, масштабности, все время своего существования размывались несоот-

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 532.

ветствием реальности. Исследователи истории права в целом и прикладных его аспектов именуют такое положение «правовым идеализмом», как нельзя лучше иллюстрируемым градостроительной политикой [4].

Во второй половине XIX – начале XX вв. это несоответствие вылилось в проблему, которую стало принято именовать «жилищным вопросом».

Этот термин широко применялся и позже, в советское время, как правило, неформально. Термин появился на рубеже веков, однако сам «вопрос», то есть жилищная проблема, осознавался и ранее, выражался он в дурном качестве городской архитектуры в провинции, подмечаемой современниками. В отсутствии благоустройства, городской инфраструктуры, а также в санитарном состоянии городских поселений, которое стало осознаваться как нетерпимое профессиональным сообществом управленцев и городских архитекторов. В широком смысле слова «жилищный вопрос» – это совокупность всех проблем городской жилой среды, которая проявлялась как в частном «внутреннем устройстве жилья» (несоответствие объемов помещения, освещенности, материалов постройки «здравию обывателей»), так и во «внешнем»: неудобство улиц, высокая пожароопасность, неудовлетворительные с художественной точки зрения фасадные части городского облика и др.

Социальный аспект строительства впервые стал рассматриваться на страницах периодических изданий различных объединений зодчих – журналах «Строитель», «Наше жилище», «Зодчий», «Домовладелец». На рубеже XIX – XX вв. ими было сформировано понятие «жилищный вопрос» в узком смысле. Под ним понимался недостаток дешевого и качественного жилья для семей рабочих, служащих со средним и небольшим достатком, а также вопросы финансирования и окупаемости таких строительных объектов. Такое понимание, безусловно, наиболее актуально для столиц и крупных городов в период урбанизации. Анализ трендов формирования жилой среды с древнейших времен, показывает, что только урбанизирующийся город, оторванный от сельского хозяйства, полностью обретает контуры жилищных проблем в обозначенном смысле.

Авторы, часто безымянные, предлагали, своего рода, социально окрашенные проекты гармоничного развития крупных городов, без свойственных буржуазному городу социальных перекосов, требовали от государства введения жестких мер санитарно-гигиенического надзора в отношении жилищного строительства, стимулирования предложения дешевого и качественного жилья на рынке. Основными требованиями и критериями оценки жилого строительства, предлагаемыми профессиональными периодическими изданиями, стали «выгодность эксплуатации сообразно с требованиями современной гигиены»⁴.

Жилищный вопрос возникает тогда, когда жилищные неурядицы отдельных людей воспринимаются не только как их личная проблема, но как проблема, затрагивающая интересы всего общества. В этот момент из градостроительной политики вырастает жилищная социальная политика го-

⁴ Конкурс на составление проекта доходного дома 1 Российского страхового общества // Зодчий. 1910. № 3. С. 317; Постройка дешевых жилищ инж. Н. Тетеревниковым // Строитель. 1902. № 5-6; Гушка. А. О. Социальные основы жилищного вопроса // Зодчий. 1914. № 17. С. 79; Семенов В. Н. Благоустройство городов. М., 1912.

сударства, которая применительно к истории России начала формироваться весьма спорадически, без четко выявленного целеполагания.

В науке существуют дискуссии о времени и обстоятельствах рождения жилищной политики и соотношении ее с понятием «жилищный вопрос». Некоторые специалисты считают, что собственно жилищной политикой можно назвать политику, направленную именно на решение «жилищного вопроса». Полагаем, что у жилищной политики могут быть и другие цели. Так, в советское время жилище – один из каналов контроля над обществом, а также система, включенная в систему распределения благ, привилегий, то есть система контроля и управления [3].

Упомянутые льготы при строительстве жилья в послепожарный период в российских городах также относятся к жилищной социальной политике, именно в этом значении и в этом социальном целеполагании был ее смысл [4]. Однако некоторые исследователи в схожей ситуации применительно к Древнеримским историческим сюжетам, в которых осуществлялось регулирование квартирных цен наравне с раздачей горожанам продовольствия и денег, организацией бесплатных зрелищ и других мероприятий политики «хлеба и зрелищ»⁵ считают, что в современном смысле это нельзя назвать элементами жилищной политики [1], в связи с тем, что такие меры были направлены на умиротворение страстей люмпенизированного слоя общества, «потребителя, который давно отвык от производительного труда, переложенного на плечи рабов». Также в качестве примера, не являющегося решением жилищного вопроса, но относящегося к регулированию жилищных условий, относится ряд мероприятий социальной (сословной) градостроительной политики в новое время: например, строительство рабочих домов в Англии (целью становилась борьба с бродяжничеством, призрение бедных, не могущих в новых условиях позаботиться о пропитании).

Таким образом, жилищная политика не равна решению жилищного вопроса, который, по мнению, сформулированному выше состоит в следующем тезисе: «жилищные проблемы рабочего эпохи индустриализации – проблемы полезного члена общества, занятого тяжелым трудом, но не способного всеми своими усилиями “добыть здоровое жилище”».

Таким образом, жилищный вопрос иногда связывается только с проблемами «полезных» членов общества; в условиях рыночной экономики и «экономической политики *laissez-faire*»⁵, что на наш взгляд спорно.

Дореволюционные аналитики, напротив, считали, что жилищная политика есть жилищный вопрос (хоть и не формулируемый именно в такой форме), и существует она столько, сколько есть жилище [2, 11, 12]. Такой широкий взгляд делает жилищную политику частью экономической политики (на каких бы концепциях она ни была основана), частью градостроительной и частью земельной правовой политики государства, что, учитывая ее задачи, соответствующие современному правовому целеполаганию, может пересекать ее с социальной политикой.

⁵ Экономическая доктрина, в основе которой лежит идея самостоятельности и рациональности частных субъектов экономической деятельности и невмешательства государства в экономику.

Применительно к российской действительности в устах специалистов по городскому хозяйству позднеимперского времени, а также современных историков градостроительного права, возникающие жилищные проблемы в первую очередь связывались с урбанизацией, которая не обязательно жестко детерминирована рыночными условиями хозяйствования и может быть вызвана публично-правовым администрированием городской жизни, как, например, вызвано к жизни обширное строительство с военными и промышленными целями времен Петра I. Тезис о «полезности» членов общества в противопоставлении рабочего класса эпохи развития европейского капитализма люмпенизированной бедноте древности и средневековья должен быть подвергнут дополнительному анализу в связи с неоднозначностью критериев полезности.

Заключение: Исторически решение жилищного вопроса работоспособной части населения сводилось специалистами на страницах профессиональной печати рубежа веков к двум каналам, которые подтверждаются и современными теоретиками жилищной политики:

- создание законодательной основы, устанавливающей стандарты жилья, приемлемые с точки зрения общественного сознания текущего периода;

- финансирование на льготных условиях или безвозмездно из государственных и муниципальных средств, а также с привлечением средств частных инвесторов, предоставление принадлежащей государству и муниципалитетам собственности (в первую очередь земельных участков), оказание организационной и иной поддержки, государственное и муниципальное жилищное строительство и т.д.

Историки экономической и правовой реальности Европы отмечают, что общество свободной конкуренции, капиталистическое общество рассматривало второе как нерациональное недопустимое вмешательство в политику *laissez-faire*. Отсюда вытекает «сосредоточенность усилий жилищной политики XIX – начала XX вв. именно на принятии законов, на установлении и соблюдении правил игры. Требовать иного от экономической политики этого времени – значить отвергать ее основополагающие принципы». Однако применительно к России, оба направления имеют прочные основания в имперский период. Причем второе направление – стимулирование частной инициативы, доступной гражданским структурам в области градостроительной деятельности, не связанной жесткой административной опекой, зарождается и формируется в России именно в период становления капиталистических отношений, синонимичных рациональному свободному капитализму в формате *laissez-faire* (!). В первую очередь речь идет о стремительно развивавшейся практике страхования, земской инициативе в градостроительстве по привлечению частных инвестиций в благоустройство населенных пунктов, о чисто коммерческих проектах строительства доходных домов, опиравшихся на стандарт приемлемости жилищных условий.

Баланс означенных выше направлений и наполнение их конкретными нормосодержащими положениями права – предмет дальнейшего исследования по выявлению особенностей жилищных стратегий государства, общества, обывателя.

Список литературы

1. **Жилищный** вопрос и логика его решения. Эпизод IX. История рождения муниципальной жилищной политики / Т. Говоренкова [и др.] // Муниципальная власть. 2007. № 2. С. 94 – 105.
2. **Диканский М. Г.** Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1911.
3. **Меерович М. Г.** Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917 – 1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 303 с.
4. **Пирожкова И. Г.** К вопросу о правовом идеализме в нормативном регулировании градостроительства в Российской империи XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2 (19). С. 12 – 19.
5. **Пирожкова И. Г.** Пожарный устав как источник градостроительного права: особенности систематизации // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (130). С. 198 – 204.
6. **Пирожкова И. Г.** Столичное градостроительство как исключение в нормативном регулировании поселений в России XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 141 – 145.
7. **Пирожкова И. Г.** Градостроительное законодательство и социальная политика в Российской империи // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 8 (136). С. 133 – 142.
8. **Русское** градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга вторая / Под ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 561 с.
9. **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 556 с.
10. **Рындзюнский П. Г.** Изучение городов России первой половины XIX века // Города феодальной России. М.: Наука, 1966. С. 120 – 180.
11. **Святловский В. В.** Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. I. Жилищный вопрос на Западе (общая постановка). СПб., 1902. 253 с.
12. **Семенов В. Н.** Благоустройство городов. М. 1912.: Репринт. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.

References

1. **Govorenkova T.M., Zhukov A.I., Savin D.A., Chuyev A.V.** [A housing issue and the logic of its solution. Episode IX. The history of the birth of the municipal housing policy], *Munitsipal'naya vlast'* [Municipal Authority], 2007, no. 2, pp. 94-105. (In Russ.)
2. **Dikanskiy M.G.** *Kvartirnyy vopros i sotsial'nyye opyty yego resheniya* [The housing problem and social experiences of its solution], St. Petersburg: Tipografiya Yu. N. Erlikh, 1911. (In Russ.)
3. **Meyerovich M.G.** *Nakazaniye zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917 – 1937 gody)* [Punishment of housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917-1937)], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008, 303 p. (In Russ.)
4. **Pirozhkova I.G.** [To the question of legal idealism in the normative regulation of urban planning in the Russian Empire of the XVIII century], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2011, no. 2 (19), pp. 12-19. (In Russ.)
5. **Pirozhkova I.G.** [The Fire Charter as a Source of Urban Planning Law: Features of Systematization], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Tambov University. Ser. Humanitarian sciences], 2014, no. 2 (130), pp. 198-204. (In Russ.)

6. **Pirozhkova I.G.** [Stolichnoe town planning as an exception in the normative regulation of settlements in Russia in the 19th century], *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015, № 6 (56), ch. 2, pp. 141-145. (In Russ.)

7. **Pirozhkova I.G.** [Urban planning legislation and social policy in the Russian Empire], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tambov University. Ser. Humanitarian sciences], 2014, no. 8 (136), pp. 133-142. (In Russ.)

8. **Kirichenko Ye.I.** [Ed.] *Russkoye gradostroitel'noye iskusstvo. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka. Kniga vtoraya* [Russian urban art. Urban development in Russia in the mid-19th–early 20th century. Book Two], Moscow: Progress-Traditsiya, 2003, 561 p. (In Russ.)

9. **Ryndzyunskiy P.G.** *Gorodskoye grazhdanstvo doreformennoy Rossii* [Urban citizenship of pre-reform Russia], Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958, 556 p. (In Russ.)

10. **Ryndzyunskiy P.G.** *Goroda feodal'noy Rossii* [Cities of Feudal Russia], Moscow: Nauka, 1966, pp. 120-180. (In Russ.)

11. **Svyatlovskiy V.V.** *Zhilishchnyy vopros s ekonomicheskoy tochki zreniya. Vyp. I. Zhilishchnyy vopros na Zapade (obshchaya postanovka)* [A housing issue from an economic point of view. Issue I. The housing issue in the West (general setting)], St. Petersburg, 1902, 253 p. (In Russ.)

12. **Semenov V.N.** *Blagoustroystvo gorodov* [Improvement of cities], Moscow, 1912, Reprint. Moscow: Yeditorial URSS, 2003, 232 p. (In Russ.)

Housing Issue and Urban Development Policy in the Russian Empire: Conditions and Contradictions

**Jasim Mustafa Ahmed Jasim, Postgraduate
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
mustafalawyer78@gmail.com**

The terminology used in the process of forming the categories of housing and urban planning policy is considered. The analysis of the content and conceptual approaches to the concept of “housing issue” in the context of its existence in the Russian Empire is given. Possible channels of “reciprocal communication” between public and state structures are summed up and characterized in an attempt to ascertain the state of the living environment and the needs of ordinary people for maintaining and transforming it. The conclusion about the difficulties of such communication and the natural occurrence of housing problems in the context of growing urbanization is made.

Keywords: urban policy; living environment; housing policy; housing issue; Russian empire; social politics; construction legislation.

© М. А. Д. Джасем, 2019

Статья поступила в редакцию 01.12.2018

При цитировании использовать:

Джасем М. А. Д. Жилищный вопрос и градостроительная политика в Российской империи: обусловленность и противоречия // *Право: история и современность*. 2019. № 1. С. 122 – 129. doi: 10.17277/pravo.2019.01.pp.122-129

Вниманию молодых ученых!

*Редакция журнала «Право: история и современность»
объявляет конкурс научных работ*

К участию в конкурсе приглашаются аспиранты, соискатели ученых степеней.

Условия конкурса опубликованы на сайте журнала в разделе «актуальное».

Конкурс предполагает несколько номинаций.

Работы будут оценены конкурсной комиссией, лучшие из них будут опубликованы в номере журнала «Право: история и современность».

Публикация и участие в конкурсе бесплатны.

Победители конкурса получают сертификаты.

Формат материалов, предоставляемых в журнал, должен соответствовать Рекомендациям Министерства образования и науки РФ, разработанным в 2017 г. и требованиям журнала.

Текст рекомендаций размещен на странице министерства, а также на сайте журнала.

Адрес для справок и материалов:
pravo_red@list.ru